

**Звезда
Востока**

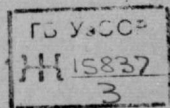
№ 3

3
1961

Звезда Востока

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
УЗБЕКИСТАНА

3

МАРТ

ГОД ИЗДАНИЯ XXIX

ОБЪЕДИНЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «КЗИЛ УЗБЕКИСТОН»,
«ПРАВДА ВОСТОКА» И «УЗБЕКИСТОНИ СУРХ»

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМИЛЕТКА В ДЕЙСТВИИ

Н. Божко, заместитель председателя Госплана УзССР, участник январского Пленума ЦК КПСС. Народу нашему — полное изобилие	3
Зульфия. День моей Родины. Перевел с узбекского А. Ревич. В колхозном клубе, Чабан. Девушка-зоотехник. Перевел с узбекского Р. Моран. Краткая встреча. Перевел с узбекского С. Липкин. Стихи.	11
Шамиль Алядин. Если любишь... Роман. Продолжение. Авторизованный перевод с татарского А. Одинова.	18
Саида Зуннунова. Встречая весну. Ташкентские цветы. Стихи. Перевела с узбекского Зоя Туманова.	83
Елизавета Видонова. Кобзарь. Стихи.	84
Саид Ахмад. Клад. В горах. Рассказы. Перевела с узбекского Рауза Бородина.	86
Эльмира Уразбаева. Представляешь?! Утро. Счастье пришло. Стихи.	93
Няна Татарина. «Бирюза самаркандского неба...», «Я думала...», «Ташкент, Ташкент...». Стихи.	95

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Г. Чабров. Думы любви и печали	96
--	----

ПУБЛИЦИСТИКА

Л. Отмар-Штейн. Первые шаги. Воспоминания старого большевика.	105
Бернара Карнева, заслуженная артистка УзССР. По странам Латинской Америки	109

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Ю. Мориц. Литературный герой и особенности художественного стиля	132
--	-----

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

М. Расули. Лутфи и Машраб для русского читателя	146
Э. Раскина. Живые и мертвые.	148
Л. Пащенко. Жизнеутверждающая лирика	154

НАШ СОЛНЕЧНЫЙ КРАИ

Н. Леонов. Охна — археологический музей в натуре.	156
---	-----

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

М. Любджанова. Женщины-демократки и просветительницы в старом Ташкенте.	159
---	-----

Редактор А. А. УДАЛОВ.

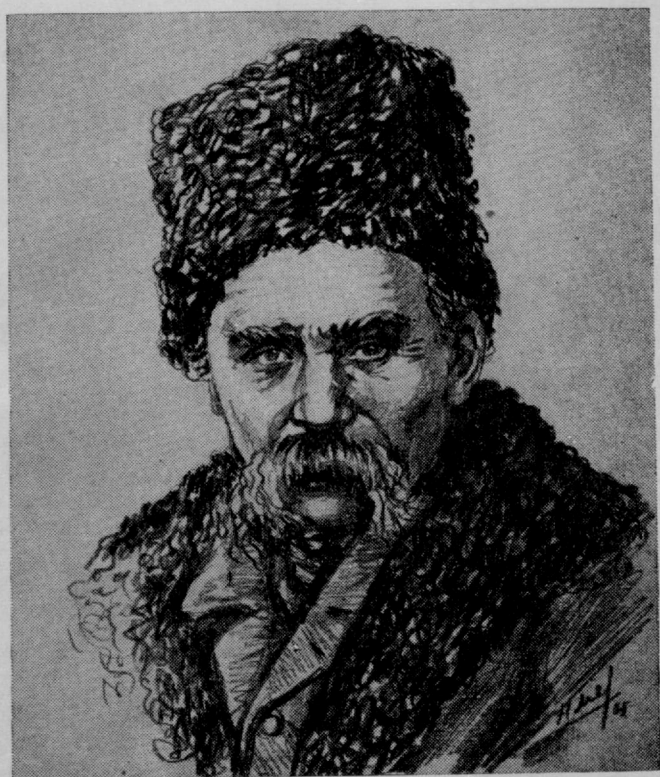
Редколлегия: С. П. БОРОДИН, Г. П. ВЛАДИМИРОВ, А. М. ИВАНОВ,
В. А. КОСТЫРЯ, Р. ФАЙЗИ, М. И. ШЕВЕРДИН.

Рукописи объемом менее печатного листа не возвращаются.

Адрес редакции «Звезда Востока»: Ташкент, Первомайская, 20. Телефон 32689.

Сдано в набор 25/II 1961 г. Подписано к печати 11/III 1961 г.
Бумага 70×108^{1/16}. Физич. печ. л. 10,0. Условных печ. л. 13,7. Уч. изд. л. 15,58.
Тираж 3200. Р 00031. Изд. № Б-2363. Заказ № 177. Цена 50 коп.

Ташкент. Типография Объединенного издательства «Кизил Ўзбекистон»,
«Правда Востока» и «Ўзбекистони Сурх».

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Н. БОЖКО,

заместитель председателя Госплана
УзССР, участник январского Плену-
ма ЦК КПСС.

НАРОДУ НАШЕМУ —

ПОЛНОЕ ИЗОБИЛИЕ

10 января, в первый день своей работы, Пленум ЦК КПСС принял Постановление о созыве в октябре текущего года очередного XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Сегодня весь мир видит и знает, что для любого советского человека планы родной партии — это его личные планы, дело партии — это его будущее, смысл жизни и работы. «Учение нашей партии, программа нашей партии, — говорит Н. С. Хрущев, — перестали быть только научным документом, а стали документом самой жизни, взглядами, пониманием, программой действия нашего великого народа».

Именно поэтому весть о созыве очередного партийного съезда воспринята всеми советскими людьми как большое событие в жизни нашей Родины. Он подытожит деятельность партии и государства за последние годы, рассмотрит важнейшие вопросы теории и практики коммунистического строительства. Он вооружит коммунистов и всех советских людей новой программой, которая явится высшим достижением современной революционной теории марксизма-ленинизма и неограниченного опыта революционной практики.

Решение о созыве XXII съезда наложило яркий отпечаток на всю дальнейшую работу Пленума ЦК КПСС. С думой о предстоящем съезде решад Пленум неотложные вопросы дальнейшего крутого подъема сельского хозяйства, с той же думой трудятся ныне советские люди над претворением в жизнь этих решений.

Основное внимание Пленум уделит вопросу дальнейшего подъема сельского хозяйства.

Нам, участникам Пленума, посчастливилось заслушать большое количество докладов о выполнении государственного плана и социалистических обязательств по производству и продаже государству продуктов земледелия и животноводства в 1960 году и о мероприятиях по дальнейшему развитию сельского хозяйства. Докладывали представители всех союзных республик. И вполне естественно, что, рассказывая о состоянии дел в сельском хозяйстве, докладчики касались вопросов развития всех отраслей народного хозяйства — промышленности и капитального строительства, науки и культуры.

Перед участниками Пленума развернулась величественная картина неоглядных просторов родной земли, кипучей деятель-

ности миллионов тружеников — строителей коммунизма, открылись широчайшие горизонты самого недалекого будущего.

Родина наша уверенно вступила в третий год семилетки. Предыдущие два года ознаменованы выдающимися успехами в развитии экономики, науки и культуры, дальнейшим повышением материального благосостояния народа. Позволю себе напомнить несколько цифр, приведенных в сообщении Центрального статистического управления при Совете Министров СССР. В 1960 году было произведено промышленной продукции больше, чем намечалось контрольными цифрами, на 6,6 миллиарда рублей в новом масштабе цен. А если мы возьмем два года семилетки, то окажется, что за этот срок объем промышленной продукции возрос на 22,1 процента вместо 17 процентов по плану. Сверх задания произведено промышленной продукции на 11,3 миллиарда рублей.

Так обстоит дело в целом по Советскому Союзу. А как же выполняются задания семилетки в нашей республике? В прошлом году по сравнению с 1959 годом промышленность Узбекистана выдала продукции больше на 2 миллиарда 450 миллионов рублей. Приятно и радостно сознавать, что достигнуты такие темпы роста, которые много выше, чем намечалось контрольными цифрами. Центральное статистическое управление при Совете Министров УзССР недавно сообщило, что среднегодовой прирост промышленного производства составил 9,5 процента, а контрольными цифрами семилетки он намечался лишь в 8,8 процента.

Изумительными достижениями радуют народ советские инженеры, техники, рабочие-мастера. Беря один за другим рубежи семилетки, они неустанно трудятся во славу Родины. Можно ли не гордиться нам такими творениями инженерно-технической мысли, как все более совершенные воздушные лайнеры и мощные атомные электростанции, все шире входящие в обиход новинки радиоэлектроники, химии, физики, достижения комплексной механизации и автоматизации производства. Как не гордиться нам гениальными учеными, пионерами покорения космоса, которые совсем недавно с помощью усовершенствованной многоступенчатой ракеты запустили в межпланетное пространство небывало тяжелый искусственный спутник Земли, весом около шести с поло-

виной тонн, а несколькими днями позднее еще более восхитили мир, выведя на орбиту другой тяжелой спутник, с которого стартовала управляемая космическая ракета. Эта ракета в свою очередь вывела автоматическую межпланетную станцию на траекторию к планете Венера. Космическая лаборатория гордо несет вымпел Советского Союза, прокладывая первую трассу между планетами солнечной системы.

День ото дня богаче и полнокровнее жизнь советского человека. В 1960 году завершён перевод рабочих и служащих на сокращенный семи- и шестичасовой рабочий день. В нашей стране впервые в истории принят и осуществляется Закон об отмене налогов с рабочих и служащих. В городах и рабочих поселках с начала семилетки возведено жилых домов общей площадью свыше 165 миллионов квадратных метров, или 4 миллиона 600 тысяч квартир. Кроме того, в сельской местности построено более 1 миллиона 400 тысяч жилых домов.

Наши люди постоянно ощущают заботу Партии и Правительства об удовлетворении все возрастающих культурных и бытовых потребностей населения. В результате роста производства и государственных закупок сельхозпродуктов в минувшем году трудящимся продано больше, чем в 1959 году, мяса и мясопродуктов — на 13 процентов, масла животного — на 6, молока и молочных продуктов — на 14, яиц — на 8, сахара — на 13, овощей — на 8 процентов.

И все-таки, несмотря на значительное увеличение объема товарооборота, возросший спрос населения на отдельные товары народного потребления, в частности, на мясо, молоко, масло и некоторые другие продовольственные товары, удовлетворяется не полностью.

Причины такого явления с исчерпывающей полнотой и присущей ему прямотой вскрыл и ярко показал в своей речи на Пленуме товарищ Н. С. Хрущев. Он с удовлетворением отметил, что в развитии сельского хозяйства имеются значительные успехи и что работа, проведенная нашей партией и всем советским народом за период после сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 года, дала свои результаты.

Все мы, участники Пленума, с меньшим удовлетворением воспринимали при-
водимые Никитой Сергеевичем Хрущевым

цифры роста сельскохозяйственного производства. Семь лет назад в стране было произведено зерна 5 миллиардов 36 миллионов пудов, а в 1960 году — 8 миллиардов 131 миллион пудов. Мяса в 1953 году произведено 5 миллионов 822 тысячи тонн (в убойном весе), а в минувшем году — 8 миллионов 725 тысяч тонн. Молока, соответственно, — 36 миллионов 475 тысяч тонн и 61 миллион 538 тысяч тонн. Никогда раньше наша страна не имела таких темпов развития сельскохозяйственного производства, как в последние семь лет...

Слушая речь товарища Хрущева и его многочисленные реплики во время выступлений участников Пленума, подчас резкие, но неизменно справедливые, мы все проникались еще большей заботой о дальнейшем развитии сельского хозяйства, о создании изобилия в стране — важнейшего условия построения коммунистического общества.

Никита Сергеевич говорил на Пленуме: «Мы обсуждаем задачи развития сельского хозяйства и критикуем недостатки совсем в иных условиях, чем на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1953 года. В то время мы имели дело с серьезным отставанием всех отраслей сельского хозяйства. Нашу критику недостатков сельского хозяйства враги тогда изображали, как кризис в сельском хозяйстве Советского Союза. Теперь совсем иная обстановка. Мы ведем критику наших недостатков в условиях бурного роста социалистической экономики, больших успехов во всех отраслях народного хозяйства».

Товарищ Хрущев далее отметил, что хотя и за последние два года мы имеем некоторый рост производства сельскохозяйственных продуктов, но этот рост не может нас удовлетворить, так как он не соответствует возросшим потребностям народа. К тому же производство некоторых продуктов даже значительно отстает от заданий семилетнего плана. Это отставание особенно нетерпимо потому, что в жизни людей и в жизни страны за последние годы произошли большие изменения. Быстро увеличивается население, растут доходы трудящихся, а следовательно, из года в год повышается и спрос на продукты питания.

Только за последние пять лет (1956—1960 годы) общая численность населения в Советском Союзе выросла более чем на 18 миллионов человек, при этом городское

население увеличилось более чем на 17 миллионов человек. За этот же период фонд заработной платы вырос на 17,1 миллиарда рублей, а налоги снизились на 870 миллионов рублей. В результате отмены займов у трудящихся ежегодно остается 2,2 миллиарда рублей, увеличилась выплата пенсий на 4 миллиарда рублей. А в общей сложности денежные доходы населения увеличились в расчете на год на 24,2 миллиарда рублей в новых деньгах. Значительно возросли денежные доходы и сельского населения.

Разве не ясно, что при этих условиях спрос на продовольственные товары и, прежде всего, на мясо, молоко, масло, увеличился в больших масштабах. А поскольку и впредь будет происходить постоянный рост реальной заработной платы, то будут увеличиваться и потребности народа в продуктах питания и товарах народного потребления. Это соответствует политике нашей партии. Поэтому партия и заботится о неуклонном росте экономики страны, о создании таких условий, при которых растущий спрос населения на продукты питания и товары народного потребления удовлетворялся бы полностью, а производство всегда опережало спрос.

Между тем, некоторые руководители успокоились, видимо считая, что они уже достигли потолка, а на отдельных работников имеющиеся успехи действовали даже расхолаживающе. В результате — в ряде республик, краев и областей в последнее время ослаблены усилия в борьбе за дальнейший подъем сельского хозяйства.

Пленум единодушно поддержал выводы товарища Хрущева и сурово осудил тех руководителей партийных, советских и сельскохозяйственных органов, которые вместо того, чтобы сосредоточить усилия на увеличении производства сельскохозяйственной продукции, добивались установления возможно меньших планов закупок зерна, мяса, молока и других продуктов и в то же время стремились получить возможно большие лимиты на поставку продуктов из централизованного фонда.

Резкой и заслуженной критике были подвергнуты те работники, которые берут обязательства непродуманно, без должной ответственности, трубят о них вовсю, но ничего не предпринимают для того, чтобы подкрепить обязательства кропотливой организаторской работой. У таких работников слово расходится с делом, и они с

треском проваливают выполнение своих же собственных обещаний.

Еще более непримиримо отнеслись участники Пленума к очковирателям, вставшим на преступный путь обмана государства. Пленум с беспощадной суровостью обрушился на них, стремившихся свою бездеятельность прикрыть видимостью благополучия. «Это не политические организаторы,— записал Пленум ЦК КПСС в своем Постановлении,— а карьеристы, примазавшиеся к партии люди, они позорят партию, их надо исключать из партии и предавать суду. Нужно объявить решительную борьбу против подобных явлений, воспитывать кадры в духе честности и правдивости перед партией и народом, в духе высокой ответственности за порученное дело».

Так требует партия. Именно высокая ответственность каждого за порученный участок работы, высокая коммунистическая сознательность помогут нам добиться более ускоренных темпов развития сельского хозяйства.

Выступая на Пленуме, товарищ Хрущев исключительно ясно, просто и доходчиво разъяснил, почему дальнейший крутой подъем сельского хозяйства является сегодня тем основным звеном, за которое нужно ухватиться, чтобы вся наша социалистическая экономика, растущая и процветающая, двигалась вперед еще более быстрыми темпами.

Было время, когда мы направляли все усилия на то, чтобы создать прежде всего тяжелую промышленность, производство средств производства. Мы вынуждены были это делать для того, чтобы быстрее преодолеть отставание, восстановить хозяйство и двинуть его вперед, укрепить оборону страны и быть способными дать отпор империалистам.

Сейчас совсем иное положение. Наша Родина располагает могучей современной промышленностью, способной производить все, что нам необходимо. Наша экономика в полном расцвете своих неистощимых сил и развивается невиданно бурными темпами. Оборона страны надежна, как никогда. Следовательно, теперь мы располагаем возможностями для более полного удовлетворения материальных и духовных запросов населения.

Сохраняя высокие темпы развития тяжелой промышленности, как основы социалистического расширенного воспроизводства, мы можем теперь серьезно увеличить

капиталовложения сверх предусмотренных семилетним планом на развитие сельского хозяйства, а также промышленности, обслуживающей сельское хозяйство.

«Выделяя дополнительные средства на развитие сельского хозяйства,— сказал Н. С. Хрущев,— мы должны поставить перед собой цель — создать условия, которые позволяли бы вести сельское хозяйство так, чтобы оно не зависело от капризов природы. Сельскохозяйственное производство должно быть организовано таким образом, чтобы оно каждый год, при любых климатических условиях, гарантировало нам получение необходимых продуктов для удовлетворения потребностей народа».

Высказав этот тезис, Никита Сергеевич нарисовал перед участниками Пленума величественную картину завтрашнего дня нашего сельского хозяйства, раскрыл заманчивые перспективы будущего, подчеркнув, что самым надежным средством получения гарантированных урожаев является ирригация — орошение и обводнение миллионов гектаров новых земель. Он говорил о строительстве новых гидротехнических сооружений в разных районах страны, о возможности практического решения проблемы переброса стока северных рек на юг страны, о соединении таким образом наших южных морей с Северным ледовитым океаном... А нам, представителям Узбекистана, ярко представился завтрашний день нашей республики. Какие-то большие возможности открываются перед нами сегодня, как еще ярче расцветет узбекская земля!

Вспомнилось, что великий Ленин еще в первые дни Советской власти придавал исключительное значение вопросам ирригации. Он писал тогда: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму». 14 мая 1918 года В. И. Лениным был подписан декрет «Об организации оросительных работ в Туркестане», в котором намечалось орошение 500 тысяч гектаров в Голодной степи, орошение Дальверзинской и Учкурганской степей и т. д.

Ленинский декрет привел в действие огромные силы узбекского народа. Если в 1913 году орошаемых земель на территории нынешнего Узбекистана было всего 1,5 миллиона гектаров, то к 1959 году площади их увеличились примерно на 900 тысяч гектаров, а посевы хлопчатника выросли более чем в три раза. Колоссаль-

ная по своим масштабам работа по ирригации стала возможной благодаря механизации трудоемких земляных работ.

По мере роста индустриальной мощи страны республика получала все больше техники и сейчас имеет более 1100 экскаваторов, около 1600 бульдозеров, свыше 1200 скреперов, около 450 землесосов и многие сотни других машин и механизмов. Таким образом, под ирригацию подведена прочная материально-техническая база, воспитана большая армия высококвалифицированных инженерно-технических кадров ирригаторов, способная полностью использовать возможности современной техники. Это и позволяет во все возрастающих масштабах вести ирригационно-мелиоративное строительство.

Сейчас ирригаторам Узбекистана предстоят особенно крупные работы. Для развития орошаемого земледелия надо приложить очень много усилий.

Но прежде чем говорить о дальнейшем размахе ирригационных и мелиоративных работ, остановлюсь коротко на основных задачах, поставленных январским Пленумом ЦК КПСС перед нашей республикой.

Все мы знаем, что в общесоюзном разделе труда Узбекистан был и останется впрямь основной хлопковой базой страны. Так записал в своих исторических решениях XXI съезд партии. То же самое подтвердил и январский Пленум ЦК КПСС, с особой силой подчеркнув огромное народнохозяйственное значение хлопка для развития экономики и повышения материального благосостояния трудящихся нашей Родины. Следовательно, дальнейшее развитие хлопководства — наша первоочередная задача. Хлопку — зеленую улицу!

Одной из важных задач является подъем общественного животноводства, продукцию которого надо увеличить в весьма значительных размерах.

Многое предстоит также сделать для быстрого роста продукции таких отраслей сельского хозяйства, как садоводство и виноградарство, овощеводство, бахчеводство, рисоводство, шелководство и другие.

Поскольку Пленум особо указал, что главное сейчас — наиболее полно использовать имеющиеся возможности для резкого увеличения производства сельскохозяйственных продуктов уже в текущем году и в ближайшие годы, нам необходимо незамедлительно разработать и последовательно осуществлять конкретные мероприятия,

обеспечивающие безусловное выполнение решений Пленума ЦК партии.

Начинать, естественно, нужно с хлопка. Не случайно Н. С. Хрущев подчеркнул, что экономически это самая выгодная культура. Не случайно он привел в своей речи расчеты, показывающие, какие блага дает хлопок народному хозяйству и как растет эффективность хлопководства по мере увеличения урожайности.

А урожайность хлопка-сырца у нас в республике, как отметил январский Пленум ЦК КПСС, в течение ряда лет растет медленно. Объясняется это, в частности, тем, что есть еще немало отстающих хлопководческих хозяйств, где нарушаются требования агротехники, не обеспечивается полное использование водоземельных ресурсов, механизмов и других резервов. В этих хозяйствах плохо используется опыт передовиков, слабо внедряются прогрессивные приемы агротехники на основе комплексной механизации возделывания хлопчатника и уборки урожая.

Слаба еще на местах организаторская работа. В этом кроется причина отставания таких крупных областей, как Ташкентская, Ферганская и Бухарская, не выполнивших в прошлом году своих обязательств и плана заготовок хлопка. Этими областями было недодено хлопка свыше 200 тысяч тонн. В результате вся республика осталась в долгу перед государством.

Повышение урожайности хлопка — один из главных наших резервов. В этом убеждает опыт передовых колхозов и совхозов, которые даже в прошлом году, в исключительно трудных погодных условиях, добились высоких урожаев — по 30—40 центнеров с гектара. А отдельные бригады в минувшем году сняли по 50—60 и более центнеров хлопка с гектара. Это — наши маяки на селе. С них надо брать пример, их опыт всемерно распространять с тем, чтобы в ближайшие годы добиться получения на орошаемых землях устойчивых урожаев.

К концу семяетки наша республика должна довести производство хлопка-сырца до 3800 тысяч тонн. Мы помним и о высоком обязательстве наших хлопкоробов — выполнить задание семяетки на год раньше срока. Для этого, кроме повышения урожайности, мы должны привести в действие и другой резерв — расширение посевных площадей.

В связи с некоторым отставанием водо-

хозяйственного строительства за последние годы посевные площади хлопчатника сохранялись примерно на одном уровне. Теперь мы имеем возможность значительно увеличить площади орошаемых земель, причем не только под хлопок, но и под рис, и под другие сельскохозяйственные культуры.

Где наша целина? Это прежде всего Голодная степь. Ведь там, только на территории Узбекистана, можно освоить 650 тысяч гектаров земли. А это даст ни много ни мало — до миллиона тонн хлопка и большое количество другой сельхозпродукции. Думается, что уже до конца семилетки в Голодной степи возможно будет дополнительно оросить свыше 200 тысяч гектаров. За это же время многие десятки тысяч гектаров может получить республика в Центральной Фергане, Зеравшанской долине, в низовьях Амударьи.

Уже в этом семилетии необходимо провести в больших масштабах подготовительные работы по орошению первой очереди земель Каршинской степи и Бухарского оазиса на площади 1 миллион двести тысяч гектаров. В этих юго-западных районах Узбекистана можно возделывать высокоценные тонковолокнистые сорта хлопчатника.

В ближайшие годы следует приступить к сооружению Чарвакского водохранилища и гидроэлектростанции на реке Чирчик, построить Кампырватское водохранилище на реке Карадарья, что даст возможность повсильте водообеспеченность плодородных земель в Андижанской, Ферганской и Ташкентской областях и дополнительно оросить десятки тысяч гектаров новых земель.

Очень важное значение для дальнейшего развития орошаемого земледелия в низовьях Амударьи приобретает строительство Тюямуевского и Тахияташского гидротузлов. Сооружение этих гидротузлов создаст условия для орошения более миллиона гектаров новых земель и доведения ежегодного производства хлопка в Каракалпакии и Хорезмской области до миллиона тонн. Кроме того, на освоенных землях северных районов Каракалпакии значительно возрастет производство риса.

На вновь орошаемых массивах, по предварительным расчетам, необходимо организовать, начиная с этого года, 33 хлопковых, 4 рисоводческих и 3 садово-виноградских совхоза. Наряду со строительст-

вом новых совхозов следует провести большие работы по укреплению производственной базы ранее организованных совхозов, которые располагают значительными резервами для увеличения производства хлопка и продуктов животноводства.

В связи с огромным ростом числа совхозов в республике следует значительно расширить объем жилищного строительства. Он, по-видимому, значительно увеличится против предусмотренного контрольными цифрами семилетки.

Исходя из решений Пленума, следует шире внедрять комплексную механизацию хлопководства. Это еще один важнейший резерв увеличения производства хлопка в Узбекистане.

В текущем году намечено посеять квадратно-гнездовыми сеялками 1 миллион 50 тысяч гектаров хлопчатника, в том числе 250 тысяч гектаров сеялками точного высева. В двух направлениях должно быть обработано, в основном без применения кетменя, 1 миллион 260 тысяч гектаров. Машинами решено убрать не менее 600 тысяч тонн хлопка-сырца.

Есть все возможности с честью выполнить принятые обязательства. Что для этого требуется? Главным образом повсеместно распространить уже накопленный богатый опыт передовиков сельскохозяйственного производства, добившихся в прошлом году выдающихся достижений. Их много у нас в республике. Назову для примера лишь одно хозяйство — сельхозартель «Коммунизм» Пахтакорского района, Самаркандской области. Там благодаря комплексной механизации почти вдвое снижена себестоимость хлопка против 1958 года, получено в 1960 году свыше трех миллионов рублей экономии. И еще одна характерная цифра, многое объясняющая: 80 процентов урожая хлопка колхозники убрали машинами.

Сознание того, что машины оказывают в хлопководстве неоценимую помощь, все больше овладевает массами хлопкоробов. Надо добиться такого подожжения, чтобы машины вытеснили ручной труд на всех стадиях возделывания и уборки хлопка.

Выступая на Пленуме, Н. С. Хрущев поставил перед конструкторами Узбекистана задачу — создать самоходные шасси для хлопкоуборочной машины с таким расчетом, чтобы мотор использовался не два-три месяца в году, не только на убор-

ке, но и при посевах, и при обработке полей. Нельзя допускать, сказал товарищ Хрущев, чтобы мотор был омертвлен в течение 9—10 месяцев в году. Это разорительно, нерационально, неэкономично.

Надо думать, что наши инженеры и конструкторы сумеют создать хорошее самоходное шасси и с честью выполнить задание партии. Ждут машин и лубоводческие хозяйства, где большинство работ пока что ведется вручную. А производство лубных культур развивается в довольно широких масштабах. Намечается увеличить его против контрольных цифр семилетки примерно на две трети.

Январский Пленум предложил разработать государственный план завершения комплексной механизации всех отраслей сельского хозяйства, имея в виду всемерно ускорить эти работы и закончить их в основном в текущем семилетии.

Большие задачи в связи с этим поставлены перед конструкторами и машиностроителями Узбекистана. Нужно, чтобы они быстрее обеспечили механизацию во всех отраслях сельского хозяйства, особенно на вспомогательных работах, где еще велик ручной труд. Нужно уже в этом году увеличить производство тракторов, хлопкоуборочных агрегатов, самосвалных прицепов для бестарной перевозки хлопка, а также других сельскохозяйственных машин и запасных частей к ним.

Повышение урожайности хлопчатника и других сельскохозяйственных культур, а также решение задачи комплексной механизации во многом зависят от химии. Нам нужно с каждым годом все больше минеральных удобрений, гербицидов, дефолиантов и десикантов. К концу семилетки только количество удобрений возрастет вдвое по сравнению с 1960 годом. Потребуется, по-видимому, выделить на эти цели дополнительные капиталовложения, которые позволят нарастить мощности химических предприятий Узбекистана.

Многое предстоит проделать в области животноводства. Колхозы и совхозы республики взяли на себя обязательство значительно увеличить производство всех видов животноводческой продукции и продать государству в текущем году: мяса — 155 тысяч тонн, молока — 315 тысяч тонн, яиц — 84 миллиона штук, шерсти — 22 тысячи тонн, а также большое количество каракульских смушек. Мы

имеем все возможности для того, чтобы не только выполнить, но и перевыполнить задание семилетки и предусмотренный Постановлением январского Пленума уровень продажи государству основных продуктов животноводства.

Чтобы животноводство в республике неуклонно развивалось, следует и в дальнейшем всемерно укреплять кормовую базу, резко увеличить поголовье общественного скота за счет собственного воспроизводства, повысить его продуктивность. При этом нельзя забывать об указаниях Пленума, что главное в увеличении производства мяса и молока — это рост поголовья коров, всемерное развитие свиноводства, а также птицеводства, улучшение нагула и откорма скота, создание кормовой базы прежде всего за счет возделывания кукурузы, а также сахарной свеклы и многолетних трав, повышение продуктивности лугов и пастбищ.

Исходя из этих указаний, мы и будем строить свою работу, расширяя посевы и повышая урожайность кукурузы, джугары и люцерны, входящих в состав хлопковых севооборотов.

Памятуя о требовании Пленума ЦК КПСС, животноводы республики должны, кроме того, постоянно улучшать племенную работу, добиваться повышения жирномолочности, мясных качеств скота и увеличения настригов шерсти; устранять недостатки в развитии овцеводства, добиваться роста поголовья овец.

Осуществление мероприятий, разработанных январским Пленумом ЦК КПСС, позволит нам обеспечить в ближайшие годы продажу государству 23 миллионов пудов зерна, 200 тысяч тонн мяса и 450 тысяч тонн молока в год.

Сельское хозяйство не может успешно развиваться без науки, подчеркнул Пленум ЦК партии. Содружество науки и практики, осмысление и обогащение учеными славного опыта передовиков позволяют более высокими темпами развивать наше хозяйство, быстрее идти к цели, намеченной Коммунистической партией, — созданию в стране обилия продуктов питания и сырья для промышленности. Н. С. Хрущев призвал более решительно вернуться к сельскохозяйственной науке, поддерживать науку, которая связана с жизнью, помогает производству, двигает его вперед.

Принято недавно Центральным Комитетом КПСС и Советом Министров СССР

Постановление «О реорганизации Министерства сельского хозяйства СССР» — одно из важных мероприятий, предусмотренных январским Пленумом и направленных на то, чтобы сельское хозяйство было поставлено на научную основу и развивалось более высокими темпами. В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР говорится: «Одним из коренных вопросов практической деятельности партии и народа является теперь самое широкое внедрение в производство достижений науки и передового опыта. Только опираясь на науку, на опыт передовых людей, можно обеспечить тот уровень производительности труда, который необходим для полной победы коммунизма».

Сельскохозяйственные органы станут теперь организаторскими центрами, призванными поднять роль науки и передового опыта в развитии сельского хозяйства, еще более приблизить науку к жизни.

Советские люди по праву гордятся своей партией, обеспечившей полную и окончательную победу социализма в нашей стране, гордятся тем, что социализм давно перестал быть мечтой, он захватил умы и сердца широчайших трудящихся масс, стал живым и конкретным делом целых народов, прокладывает всем людям путь к счастью и прогрессу. С большим удовлетворением восприняли наши люди итоги работы московского Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, решение Пленума ЦК КПСС по этому вопросу.

Рассмотрение на Пленуме вопроса «Об итогах Совещания представителей Коммунистических и рабочих партий» имело огромное политическое и теоретическое значение. С докладом по этому вопросу выступил секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

Пленум отметил, что состоявшееся в ноябре 1960 года в Москве Совещание представителей коммунистических и рабочих партий явилось историческим событием мирового значения. Участие в нем представителей 81 марксистско-ленинской партии показало, что этот всемирный форум был самым представительным за всю историю коммунистического и рабочего движения.

Пленум ЦК КПСС постановил одобрить политическую линию и деятельность на Совещании делегации КПСС во главе с тов. Н. С. Хрущевым, а также одобрил принятые совещанием Заявление и Обращение к народам всего мира. Пленум заявил, что он считает необходимым во всех областях деятельности КПСС соблюдать оценки и выводы, содержащиеся в этих документах.

Совещание представителей коммунистических и рабочих партий высоко оценило заслуги КПСС перед международным коммунистическим движением, признало ее деятельность как пример применения революционных принципов пролетарского интернационализма на практике, а также значение исторических решений XX съезда КПСС для развития международного коммунистического движения на основе марксизма-ленинизма.

Как заявил Пленум ЦК КПСС, эта высокая оценка деятельности и опыта нашей партии воодушевляет советских коммунистов на еще более активную борьбу за построение коммунизма в нашей стране, первой прокладывающей путь в светлое будущее всего человечества, за дальнейшее укрепление могущества социалистического лагеря, за мир во всем мире.

Январский Пленум ЦК КПСС с новой силой продемонстрировал великое единство Коммунистической партии и советского народа. Решения Пленума вызвали огромный творческий подъем во всей нашей стране. Этот подъем ощущается на каждом шагу и у нас в республике.

Могучие силы поднялись в народе. Люди решают судьбу наших планов, успех любого дела. Организовать людей, сделать опыт передовиков достоянием широких масс, направить их усилия на успешное выполнение решений январского Пленума ЦК КПСС, на достойную встречу XXII съезда партии — вот важнейшая задача вожаков сельскохозяйственного производства.

Подъем сельского хозяйства — воистину всенародное дело. И оно ознаменуется новыми замечательными победами. Народу нашему, народу-созидателю — полное изобилие. Так решила партия. Так оно и будет.

День моей Родины

I.

Уж не во сне ли песни птиц звучат?..
Откуда эти звонкие рулады?
Не гарь лесов и не сраженья чад,
А запах трав — в дыхании прохлады.

Вот юноша проснулся... Луч дневной
Слепит, улыбкой губы озаряя..
Мать поливает двор, и синевой
Уже оделся день родного края.

Как хорошо глядеть в простор — туда,
Где блещут горы, в ледники одеты.
Бой отгремел, отхлынула беда,
И мирный день летит на крыльях света.

Как много в мире красок и красот,
Как вольно дышит грудь, а даль —
все шире!..

И юноша из комнат в сад идет
И напевает песенку о мире.

II.

И на широких молодых плечах
Танцует луч, пробившийся сквозь кроны.
Весь сад цветущий — в солнечных лучах,
Наполнен светом каждый лист зеленый.

Разросся сад, он весь в листве густой,
Раскинули деревья лапы веток.
Не их ли он сажал своей рукой?
Теперь они в плодах, как в
самоцветах.

Так все светло, все радостно вокруг!
Журчит арык, задорен бег потока.
Вот персики, там сливы, здесь урюк —
Большие, налитые чаши сока.

Не наглядеться на дары земли.
Чу! Голоса девичьи за оградой.
Все ближе. Слышно — песню завели,
Гляди — срезают грозди винограда!..

Ай, девушки... Газели, серны гор!
Как в сказках, вы нежны и яснооки.
Волшебная краса чарует взор,
И почему-то запылали щеки...

III.

Умолкла песнь. Лишь отзвуки летят,
Лишь эхо проплывает по округе.
Неся в корзинах спелый виноград,
Идут навстречу парню две подруги.

И юноша смутился, оробел,
Он все слова, должно быть, перепутал.
А виноград так сладок, сочен, спел!..
А сердце так тревожно почему-то.

Вдруг улыбнулись девушки ему,
Гроздь подарили, но о винограде
Вмиг позабыл он, видно по всему,
На белое лицо, на косы глядя...

Неужто это правда? Ведь пред ним
Стоит Зебо, соседская девчонка!
Газели нежный взор неповторим,
И сердце бьется весело и звонко.

Сейчас он видит лишь ее — Зебо!
Он все забыл, он знает — счастье рядом.
И платье яркое твое, Зебо,
В глазах его сверкает майским садом.

Перевел с узбекского А. Ревич.

В колхозном клубе

Десять окон горят в ночи:
Переполнен колхозный клуб!
Бьется сердце у Хадичи,
И улыбка не сходит с губ.

Стали щеки ее красны,
Радость так ее велика,

Что для радости той тесны
Даже улицы кишлака!..

Мать ее на сцене сидит,
Ярким светом освещена;
Весь народ на нее глядит,
И молчит она, смущена...

Весь народ говорит о ней,
О великих ее трудах,
И одно другого звучней
Те слова на людских устах.

Вот с достоинством, не спеша,
На трибуну старик взошел
И такое сказал:— Душа
Этой женщины — нежный
шелк.

Наших девушек мы хоть сто
Мастерицами назовем,
Но не мог и мечтать никто
Про такой небывалый съем.

Не увяли еще цветы,
А уж черви ее — прядут.
То не коконы, скажешь ты,
Крупный жемчуг насыпан тут.

Ею наш колхоз вознесен,
И прочна ее шелка нить;
Так кому же как не Нурхон
Депутатом народа быть?! —

Сладко дочери понимать,
Как тепла похвала людей,
И в лучах этой славы — мать
Ясным солнцем казалась ей.

Славят Родина и народ
Подвиг рук этих трудовых, —
Дочь их в руки свои берет
И с восторгом целует их.

«Мама, мамочка ты моя!» —
Шепчет девочка горячо.
Счастьем сердце ее томя,
Льются речи еще, еще...

Зал притих. Только сотни
глаз

Смотрят пристально
на Нурхон:
— Здесь когда-то я родилась,
Здесь ребенок мой был
рожден.

Я училась у вас самих,
Как трудиться и побеждать,

Вы сомнениям ни на миг
Не давали торжествовать...—

От волнения — в горле ком,
Не замолкла едва Нурхон...
Но зато как легко потом
Зазвенели слова Нурхон:

— И мечту я ношу в себе:
Я хочу, выполняя долг,
Рядом с хлопком в родном
гербе
Серебристый увидеть шелк!

Я душой ваш наказ приму —
Волю нашей большой семьи.
Силу дал мне народ — ему
И все силы отдам свои!—

Рукоплещет, гремит кишлак,
Бьет в ладоши и Хадича...

За стеною светлеет мрак,
Мать коснулась ее плеча.

Чабан

Прослушавши обыденное чудо —
Последние известия Москвы,
Чабан Норгул — большой,
широкогрудый,
Из юрты вышел в царство синевы.

Как хороша весна степного края!
Снег сходит уж не только на бугре,
То тут, то там проталина парная
Темнеет, словно чернь на серебре.

Запели чабаны, звенят дутары,
Все ярче первых всходов изумруд,
И солнцем опьяненные отары
К нему, как волны серые, текут.

На степь родную в блеске первозданном
Глядит Норгул. Он сердцем к ней
прирос.
Как звездам — нет числа его баранам,
Которых поручил ему колхоз.

Он рад, чабан: близка весны отрада.
Он рад, чабан, что в жилах кровь
бурлит,

Что грузный ход породистого стада
Богатство шелковистое сулит.

Отстав от маток, ранние ягнята
По пастбищу забавно семят...
Где край найдешь, что ценит труд
 так свято?
Кто в мире так каракулем богат?

Он рад, чабан — на благо всей Отчизне
Растут его колхозные стада!
Он рад, чабан, он рад счастливой
 жизни —
Достойному венцу его труда.

Есть у него подружка в комсомоле:
Любимая любимому подстать
На хлопковом необозримом поле...
Страна растит их, как родная мать.

...Идет весна — пора любви и славы,
Прекрасна жизнь, и ясен небосвод.
На свежие нетоптанные травы
Чабан отары тучные ведет.

Девушка-зоотехник

I.

Нет конца джайляу¹, нет начала,
Как протяжной песенке степной...
Сердце у джигита застучало:
Топот он услышал за спиной.

Знал он: это прискакала снова
Гостья — зоотехник Ойджамал;
Тоже дочка чабана простого,
Ей колхоз образование дал.

Любит легкий бег карабаира²
И лавины племенных отар,
Трудится для Родины и мира,
Отдавая делу сердца жар.

Молодой чабан был сух и краток
(Только очи черные горят):
— Думаю от каждой сотни маток
Получить сто тридцать пять ягнят.

¹ Джайляу — летнее пастбище.

² Карабаир — порода лошадей.

На полуслове речь оборвалась,
Мгновенья краткой встречи пролетели,
Но в двух сердцах две трепетных
 свирели
Не прерывали праздничную связь.

Ты улетел, но грустный и горящий
Твой взгляд остался в сердце у меня.
Что может быть сильнее того огня,
Которым полон взгляд животворящий?!

Перевел с узбекского С. Липкин.

Если Любишь...

Роман¹

Глава седьмая

(Продолжение)

Я отошел на несколько шагов и увидел, как нижние пласты крутого склона канала сползали один за другим. Колеса экскаватора оседали вместе с рельсами.

Было ясно, что все мы, оставшиеся у экскаватора пять человек, ничего не сможем сделать. Алмазов вышел из машины и огляделся вокруг так спокойно, словно ничего угрожающего не было. Он сказал:

— Свободные шпалы — под колеса!

Рядом со мной лежали две шпалы, я схватил одну, подбежал к колесу, которое, как мне казалось, стояло неподвижно, и положил под него шпалу. Потом мы начали по цепочке перебрасывать шпалы и укладывать их под колеса, поперек рельсов.

Я не знаю, сколько потребовалось секунд, чтобы уложить эти тридцать или сорок шпал. Я думаю, что это были секунды. Потом по верх шпал мы снова настлали рельсы.

А земля все сползала и сползала. Задние колеса экскаватора, наклонившегося в сторону обрыва, все больше поднимались над землей. Экскаватор почти повис над пропастью, готовый вот-вот сорваться с огромной высоты в канал.

Мы кончили работу. Ждали. Смотрели на экскаватор без боли, без отчаяния. Мы ожидали, что будет.

Потом нам показалось, что доски в дверях кабины перестали дребезжать, похоже было на то, что машина замерла на месте.

— Джевдед,— дико заорал Христофор,— смотри, не сглазь!

Мы помчались мимо изогнутых рельсов, поднялись на отвал и увидели, что ковш зацепился за выступ огромного валуна. Видно, трос, натянувшийся до предела, задержал падение. Надолго ли? Мы обернулись к «Голубым скалам», оттуда шел трактор в нашу сторону.

¹ Продолжение. См. «Звезда Востока» № 2 за 1961 г.

Появились Тахтабаев и Ирада. Увидев покосившийся на бок экскаватор, Ирада подошла к краю обрыва, посмотрела вниз. Туда все еще катились глыбы земли и камни.

Я думал, что она удивится, ахнет.

— Разве не говорила я вам вчера, товарищ Тахтабаев, что надо сначала проверить грунт, а потом уже ставить экскаватор! Разве я не говорила, чтобы вы проверили грунт у большого карагача?—спросила она.

Тахтабаев молчал, вперив взор в покосившуюся машину. А Ирада говорила. Она говорила, что он поступил опрометчиво, что действовать так — значит срывать государственное задание.

Тахтабаев молчал.

— Вы спокойно спите восемь часов около теплой печки в «Голубых скалах», — добивала его Ирада.

Тахтабаев повернулся к ней спиной и взглянул в сторону «Голубых скал». Я тоже повернулся в ту сторону. Уже не один, а три трактора приближались к нам.

Я понял, что Ирада так много говорит и сердится потому, что она сразу не может собраться с мыслями и что это понимает Тахтабаев, поэтому и не отвечает ей.

— Запасной трос есть?— внезапно прервала себя Ирада и посмотрела на Алмазова. Она крикнула и сама испугалась, словно крик мог стронуть остановившуюся машину, и добавила уже негромко:— Заведите трос вокруг машины, пока тракторы подойдут.

Тахтабаев вместе с Рашидом и Христофором уже разматывали запасной трос. Мы все бросились им помогать.

Подошли тракторы. Мы завели тросы, зацепили концы за камни. В минутную передышку, когда я остановился отереть пот с лица, я мельком взглянул на часы — было всего четыре. Над недалекими хребтами появилась светлая полоска, но нам некогда было рассматривать горы — мы копали землю, прокладывая новую трассу для нашего экскаватора, подальше от рыхлого берега. Руководившая этими работами Ирада хваталась то за кирку, то за лопату, и за последние полчаса не проронила ни слова.

Мощный тракторный тягач приволок на платформе подъемный кран. Мы начали подкапывать землю, ровнять ее так, чтобы наша машина выпрямилась. Были вызваны нижники утренней смены.

Около экскаватора оказалось много людей, среди которых я вдруг увидел и Архипку, энергично работавшего киркой.

Электролампы и прожектора по-прежнему освещали место работы, электрический свет смешался с солнечным.

Надо же было именно в это время одноглазому Христофору увидеть Архипку. Я подскочил в тот момент, когда они оба стояли с поднятыми над головой кирками. Рашид и Николай попытались развести их. Какие-то страшные проклятия вместе со слюной и, как мне показалось, с пеной вылетели из уст Христофора. Он смешивал русские слова с греческими. Архипка же только повторял:

— А ну, тронь! А ну, тронь!

— Трус! Трус!— крикнул Христофор.— Трус! Предатель!

Мы заставили их опустить кирки.

Архипка отвел глаза и прошептал:

— Подожди, скажу Мушуку!

«Мушуку?— подумал я.— Нашел защитника! Одна шайка».

...Уже в полдень возвращались мы в бараки. Экскаватор, отведенный в сторону, начал работать, словно с ним ничего не случилось.

Днем стало теплее, но я возвращался продрогший не только от холода, а и от напряжения, от усталости. Я шел, наклонив голову, и видел лишь заляпанные носки своих резиновых сапог. Внезапно передо мной оказались другие резиновые сапоги. Я поднял голову и увидел Джураева — парторга Головного узла. Рядом с ним была Ирада.

— Что же это вы в землю уткнулись? — весело спросил Джураев и переглянулся с Ирадой. Она тоже улыбнулась.

Я устал, мне было не до смеха. Я молча глядел на этих людей.

— Зайдем, — предложил Джураев и показал на «Голубые скалы». Они, наверно, заметили меня в окошко, вышли оттуда и стали на тропинке.

Мы пришли, сели на скамейки. Маленькая печурка по обыкновению была раскалена.

...Помню, у нас в райкоме совсем недавно я услышал разговор инструктора с секретарем партийной организации механического завода.

Инструктор спрашивал, сколько в партийной организации проведено задушевных бесед. Услышав, что инструктор собирает сведения по задушевным беседам, я вмешался в разговор и попытался объяснить ему, что для того, чтобы получилась задушевная беседа, надо, прежде всего, быть душевным человеком и сделать так, чтобы с тобой захотели поделиться. Я вспомнил этот разговор с инструктором, молодым, еще неопытным человеком не случайно. Мне подумалось, что Джураев тогда, давно, очень правильно, очень по-партийному вел со мной беседу. И это был именно задушевный разговор.

Он как бы делился со мной своими трудностями, а трудности у парторга были большие. Он — сменный инженер, людей у него в подчинении много, и работа требует много времени, а тут еще партийные дела. Коммунистов мало. Например, в смену Ирады на экскаваторном участке работают всего два коммуниста: Тахтабаев и Алмазов. Правда, много комсомольцев, во главе которых находится сама секретарь комитета комсомола Шадманова.

— Я не секретарь комитета, а заместитель, — поправила Ирада.

— Сейчас ты секретарь, — сказал Джураев, — и ответственности с тебя снимать не будем. Тем более, что ты член ЦК. Это надо понимать.

Ирада поморщилась, но замолчала, а Джураев продолжал. Он меня не агитировал, а просто рассказывал — очень искренне, честно рассказывал то, что было на самом деле. Только на одном Головном узле работает три тысячи человек — и люди приехали отовсюду! Разные люди, но все хорошие, потому что создают Кинджикстрой. Чтобы построить плотину, надо вырыть обводный канал и закончить его к весне.

— Да, люди разные. Вот, например, Архипка. — Джураев посмотрел на меня и о чем-то подумал, а может, он нарочно помолчал, чтобы вызвать меня на разговор.

Я сказал, что если бы не Архипка, то наше общежитие — я умышленно не упомянул слово «барак» — могло бы быть образцовым.

— Вот и надо его сделать образцовым, — не выдержала Ирада. — Обсудим на комитете!

— А Архипку куда? — спросил Джураев и продолжал: — Архипку можно уволить. Но ведь Мушук не работает на стройке, его не уволишь, а он управляет такими, как Архипка, как некоторые в женских бараках. Всех не уволишь. Надо Мушука, этого шакала, эту гиену, сделать безопасным, а для этого надо обезопасить Архипку, чтобы она... — Джураев остановился, покачал головой и как-то смешно чмокнул губами. — Эх, не то я тебе говорю, парень!

Мне стало жарко, я снял ватник и положил рядом с собой на пол.

— Так нехорошо. Все-таки одежда. Какая бы ни была. Подними.— Я поднял ватник и положил рядом на скамейку, между собой и Ирадой.

— А на комитете комсомола рано объявлять барак образцовым,— сказал Джураев.— Надо постараться оградить Архипку от старых привычек, пусть по окончании строительства станет человеком.

— Человеком?! Архипка трус! Сволочь Архипка, трус!— повторил я слова Христофора.

Джураев согласился.

— Да, трус, но ведь это он сообщил Тахтабаеву об аварии.

— Шкуру спасал!

— Верно,— подтвердил Джураев.— Спасал шкуру. Но, значит, понял, что совершил подлость, трусость. Понял! Это уже немало. Словом, попробуй поговорить обо всем этом со своими... Ты ведь боевой парень. А завтра вечером расскажешь, как у тебя получилось.

— Ладно, поговорю,— пообещал я.

— Ну, я пойду,— внезапно сказал Джураев. Он пожал нам руки и вышел.

Мы сидели на скамье и молчали. В молчании этом была какая-то неловкость.

Вошел злой Тахтабаев, взглянул на Ираду и нахмурился еще больше. Холодный ветер, ворвавшийся вместе с ним, разбудил спавшего на полу Карнакерьяна, монтера, которого я в полутьме не заметил. На пороге появился железнодорожный стрелочник. Все входившие молча оглядывали нас. Их взгляды говорили: «Вот так парочка! Нашли чем заниматься в такое время». Это, видно, почувствовала и Ирада. Она встала, накинула платок и вышла из дежурки. Я вышел вслед за ней. Когда мы подходили к баракам, Ирада спросила:

— Вы еще не сняли шпор?

— Нет,— ответил я.

— Почему же?

— Это ведь не простые шпоры, а командирские,— пошутил я.— Я ведь был командиром взвода, но не пришлось дослужить...

— Не пришлось? Почему?

— Да так,— ответил я.

Мне не хотелось рассказывать эту нелепую историю. Однажды во время учения один из рядовых моего взвода, очень неловкий человек, нечаянно ударил меня саблей по ноге. Рана была глубокая: три месяца в лазарете, а потом, как негодного к военной службе, меня демобилизовали. Я коротко объяснил это Ираде.

— А сейчас рана не болит?— спросила Ирада.

— Иногда болит.

— Значит, рана еще не зажила?

Я взглянул на Ираду—о какой ране она спрашивает?— и сказал:

— Рана еще свежа.

— Ну что ж, желаю полного выздоровления!

Мы молча дошли до перекрестка. Она пошла в одну сторону, я— в другую.

Глава восьмая

Даже у самых неорганизованных людей есть свои порядки. Каждый день в нашей комнате назначался дежурный. Он приносил воду, кипятил чай, колол дрова, разжигал печь и подметал пол. Правда, для того, чтобы пол был чист, нужно было не мести его, а скрести скребком и мыть, но полы у нас мылись два раза в месяц и оставались после этого чистыми всего лишь несколько часов. Стоило смене прийти с работы, как опять глина налипала комьями.

Мы привыкли не замечать этого. Важнее, что тумбочки, в которых лежали наши вещи, не запирались и пропаж никогда не бывало. В нашей среде действовал неписанный кодекс, правда, в нем было весьма ограниченное количество статей. Так, например, в нем не было параграфа, предусматривающего осуждение за драку.

Через несколько дней после встречи с Джураевым я попытался вынести на всенародное обсуждение законопроект, осуждающий драки. Жители нашей комнаты сидели на кроватях и довольно равнодушно слушали меня. Я пытался доказать, что драка, происходившая в бараке плотников, является позором, о ней узнали и Джураев, и Краснянская, а это неприятно, обо всех нас будут говорить: хулиганы.

Я не умел говорить длинные речи... Множество раз повторял: «вот», «понимаете», «значит»,—и только благодаря им сумел слепить две-три фразы, произнеся которые умолк и сел на свою кровать.

— Неправильно ты проводишь собрание,— сказал Николай.— Раз ты комсомолец, ты должен нас, беспартийных, воспитывать. А собрание надо проводить так: выбрать председателя, секретаря, чтобы писал протокол. А так что? Посидим и разойдемся. Ничего не останется. Что еще скажешь?

— Ничего,— промямлил я.

— Ну, тогда собрание считаю закрытым,— объявил Николай.

Я понимал, что ему не хочется вновь разговаривать о происшествии, ведь как-никак ответный удар Архипке остался за ним.

Каждый занялся своим делом. Только Архипка пожелал выступить в прениях:

— Почему прекратить драки?— удивился он.— В этом ничего плохого нет, иначе от скуки помрешь. А то что мы здесь видим? Столовая! Ни котлет деваляй, ни бифштексов, одна кислая капуста. Где магазин? Где ресторан? Водки негде купить.

— Эй, не очень!— прикрикнул на него Николай. Все поняли, что означает этот окрик. Понял это и Архипка, он замолчал. Дело в том, что все мы питались в столовой — завтракали, обедали и ужинали. Хорошо ли, плохо ли нас кормила Сабира-хола, но мы были сыты. А кругом, в селениях, было голодно. Там считали, что на Кинджикстрое рай — в столовой кормят три раза в день. И как ни жаль было людям уходить из дома, от земли, а уходили, устраивались землекопами на Кинджикстрой часто лишь потому, что там была столовая.

Знали мы и другое. Парторг Джураев организовал в шести школьных школах бесплатную раздачу обедов для детей. Об этом было много разговоров. Ведь продуктов лишних не было, обеды детям варились на общей кухне из продуктов, выделенных на питание рабочим. Но Джураев на общем собрании без долгих разговоров провел голосование. Все проголосовали: кормить детей за наш счет!

Кто-то из «загибщиков», как называл их Джураев, предложил кормить только детей колхозников, но парторг спокойно поправил: «Дети есть дети. Будем кормить и «единоличных» ребят!»

На следующий день в шести ближайших школах выдали горячие обеды школьникам. На других участках стройки тоже организовали «школьные обеды».

Словом, воевали сразу на многих фронтах, не только на строительном.

Вот почему Архипкина речь о бифштексах показалась нам кощунственной.

— Ну ладно,— согласился Архипка,— про харчи не буду. А возьми другое: что мы здесь видим?

Да, он был отчасти прав. Конечно, в бараке раздаются звуки гитары или гармони, но редко и ненадолго. Рабочие уходят на смену или возвращаются с работы и, торопливо поев, ложатся спать. В выходные дни переезжаем на плоту Кинджик и идем в магазин. А некоторые машинисты, у которых водится побольше денег, чем у нас, уезжают в Ташкент и возвращаются оттуда навеселе. Вот и все пока.

Правда, мы с Ирадой на складе получили материалы для клуба. Но когда он будет? Архипка долго еще что-то ворчал. Басит Атакулов похрапывал у стенки и причмокивал губами. Рашид Махкамов писал письмо, обхватив узкую тумбочку босыми ногами. Видно, написать письмо его попросили, потому что он изредка спрашивал что-то у Карима. Выслушав его, он устремлял взор к потолку и шептал, составляя новую фразу, потом аккуратно погружал перо в чернила и снова склонялся над бумагой.

Николай Кандыба сидел на койке и перебирал струны гитары. Мы все уже знаем мотив этой песни, которую Кандыба поет по-испански. На него часто «нападала лирика». Иногда он рассказывал о заграниче.

— Вот в Порт-Саиде улица из одних отелей и ресторанов; нет, правда, — одни отели и рестораны! Музыка, танцы — день и ночь, еды сколько хочешь, а посмотришь — рядом человек на земле лежит. Что такое? Умер от голода. Чуть дальше пройдешь, вся площадка занята — спят люди, завернулись в свою рванину и спят. Жить негде. А в туземный квартал лучше и не ходи — такая голь, такая... В порту нас увидели, по-русски говорят: «большевик», «Ленин», «хорошо». Это они знают. Все нас знают.

— Барселона — красивый город. Сойдешь на берег — тут тебя сразу обступят, мол, пойдём туда, пойдём сюда. А я говорю: нет, девчата, я сначала в город пойду. Они с матросами гуляют. Посмотришь — совсем молодые. А поют как! Чуть не плачут, и вдруг смеются... Есть песни грустные, а есть веселые, быстрые.

Гитара у Николая была испанская — из Барселоны. Он рассказывал, как купил ее. Однажды поехал в лодке с одним моряком и с двумя девушками. Девушки играли на гитарах и пели. Катались на лодке до утра, много смеялись, но больше всего пели.

Потом все вместе пошли в город и купили гитару.

Николай с ней был везде, куда ни кидала его судьба. Я вспомнил, как во время драки разбили чью-то гитару. Хорошо, что драка была не в нашем бараке.

Христофор рылся в тумбочке. Николай тихонько наигрывал и пел. Он пел хорошо, с чувством. Правда, всех слов понять было нельзя, он четко выговаривал только окончания. Христофор вытащил книжку и стал перелистывать. Николай спустил ноги с кровати и приготовился слушать.

Христофор читал, то и дело откидываясь назад и отстраняя от себя книгу, — свет был тусклый. Я посмотрел на Христофора и подумал, что за эти пять лет, которые я его не видел, он очень изменился, стал похож на своего отца, молчаливого, степенного. Куда-то девалась его лихость, его презрительная улыбка, широкие плечи опустились и статная фигура, раньше чуть откинутаая назад, тоже изменилась. Теперь Христофор ходил чуть наклонив голову.

Рашид кончил писать письмо и подсел ко мне.

— Кто дерется, того надо, по-моему, палкой бить по голове, — сказал он, — особенно этого, — он кивнул на Архипку. Архипка смотрел в окно и замирал, прислушиваясь к вою ветра. Я подумал, что он ждет Рахиль, а может быть, ждет, когда пройдет мимо Ирада. — Кричит: Ира, Ира. Дурак. И что он за жених? — продолжал Рашид. — У нее другой есть. Знаю, сам видел: Турсунов, Вахид Турсунов — началь-

ник электричества. Он сейчас в командировке. Ирада от него без ума. Он ей подарки привозит из Ташкента, мне Сабира-хола говорила. Ирада хитрая, не берет подарков, а сейчас каждый день ему письма пишет и телеграммы...

— Врешь!— вдруг закричал Кандыба. Христофор положил книжку на кровать, улыбнулся. Так всегда бывало. Кандыба не хотел верить книжке.— Чего врешь!— кричал он.— Почему же Ася не осталась?!

— Я же тебе читал. Ее брат увез насильно,— терпеливо объяснял Христофор. Он читал вслух «Асю» Тургенева.

— Что же она, рабыня какая?!— возмутился Кандыба.— Черт возьми! Эх, а ведь любила! И главное, он не знал адреса. Да я бы...— Он подошел к печке, помешал в ней дрова и, обнаружив, что они сырые, стал браниться.

В это время ветер забрался в нашу трубу и весь дым повалил в комнату.

Архипка подбежал к печке, захлопнул дверцу и ударом ноги широко распахнул двери барака. С ним лениво переругивались Кандыба, Карим, Рашид. Только один Христофор не разговаривал с Архипкой. После той ночи, когда Архипка сбежал, он не сказал ему ни одного слова. Машинист Бессараба тоже молчал. Но от него вообще трудно было слова добиться.

Архипка говорил:

— Знаешь, Рашид, мне предлагают записаться в школу машинистов,— и, обращаясь к Николаю Кандыбе, спросил:— Ты что на это скажешь?

Кандыба, почесывая затылок, спросил:

— А на что она тебе сдалась? И так на работу еле ползаешь, и в школе будешь только себе и людям мозги путать.

— Мне надоело таскать шпалы,— признался Архипка.— Сколько можно? А без удостоверения за рычаг не сажают.

К Архипке подошел Рашид, подошел незаметно и, став позади, сказал:

— Знаешь, Николай, почему Архипка в школу собирается? Думает начальником сделаться, в Верхнюю махалю переехать, корову завести и на Рахили жениться... Так, Архип?

Архипка резко повернулся к Рашиду и переспросил:

— На ком жениться?

В открытой двери показалась Рахиль. Все засмеялись — легка на помине. Рахиль не обратила внимания на смех.

— Вам жарко?— спросила она, закрывая дверь.

— Что, не сидится без Архипки?— спросил у нее Кандыба.

— Да, соскучилась,— ответила Рахиль, подходя к кровати Архипки и усаживаясь на нее.

— А я думал, что вы сегодня ездили в церковь венчаться,— продолжал зло шутить Кандыба.

Я посмотрел на Рахиль. Она не повернулась к Кандыбе, смотрела на Архипку. Кудрявая, огневолосая, голубоглазая, очень красивая. Архипка сел рядом с ней. Она повернулась и что-то шепнула ему на ухо.

— Венчаться?— внезапно громко сказала Рахиль.— Ты думаешь, Николай, что мы ездили венчаться?— проговорила она.— Ты думал, что я вышла замуж?— Она резко встала, одернула свою кофточку, как-то очень озорно сделала шаг вперед, передернула плечами, потом махнула рукой и села на кровать.— Я уже устала выходить замуж. Нет ничего лучше холостой жизни. Вот если Архипка возьмет, я, пожалуй, еще раз попробую.

Мне стало жаль ее, потому что последние слова были сказаны

как-то очень искренне, с болью, словно она не каялась, а делилась заботами и горестями.

Архипка обнял ее за плечи. Она сбросила руку и поднялась.

— Что вы здесь киснете? В столовой уже наяривают две гармони и одна гитара.—Она повернулась к Архипке:— Поторапливайся.—И ушла.

— Наяривают?—сказал Николай, беря гитару.—Тогда и я пойду.

Глава девятая

Я получил грустное письмо от брата.

Я уже рассказал, что у меня на родине была знакомая девушка. Милая, скромная девушка-горянка, с которой мы несколько раз встречались у родника. Потом она заболела и уехала к дальним родственникам. Звали ее Ирадой.

Брат написал, что она умерла—вдали от дома, в степи, у родственников, внезапно.

Накануне она была весела и спросила, нет ли от меня письма. А ведь мы с ней никогда не переписывались. Да и виделись последний раз очень давно. Почему же она меня вспомнила? Вечером она дождалась дяди—он был виноделом в совхозе. Его считали знатоком всех болезней. Она попросила стакан вина. Дядя только покачал головой и сказал жене, что вид Ирады его беспокоит. Ночью тетушка слышала, как девушка тихонько вскрикнула. Это был конец.

Потом ее мать приходила к нам домой и все рассказала моей матери, а та—брату. Отцу, конечно, ничего не сказали.

Письмо это увело меня домой. Я видел себя на знакомых улицах нашего селения. Мне казалось, что я спускаюсь по тропинке из нашего дома, оглядываюсь назад и около очага вижу мать; она смотрит мне вслед и передником вытирает глаза. Я иду на Нижнюю улицу, пылю сапогами, а из окон, из-за палисадников на меня глядят добрые глаза моих односельчан. Я слышу, кто-то говорит: «Бедный Джедвед, как ему тяжело перенести смерть девушки...»

Так бы это, наверно, и было, если бы я находился у себя в селении. Я подумал, что в Ташкенте, в нашем институтском общежитии, эта новость тоже бы распространилась быстро.

Как-то один наш студент получил письмо о том, что умерла его невеста. Он очень переживал. Не пошел на лекцию, молча ходил по коридору, ложился на кровать. Девушки из соседнего корпуса приходили, чтобы посмотреть на убитого горем парня. Некоторые плакали.

Я понимал, что мне тоже сейчас, здесь, в бараке, надо с кем-то поделиться, но делиться ни с кем не хотелось.

Я стал писать Эльпиде. Написал ей о письме, о том, как умерла девушка, как мне ее жаль и как я сержусь на себя за то, что у меня не пролилась из глаз ни одна слеза, только где-то на сердце легла еще одна морщина. Я не писал Эльпиде любовного письма. Это было, пожалуй, единственное письмо, в котором я с ней разговаривал, как с другом, я говорил ей: у меня сейчас, кроме тебя, нет близкого человека. Есть, конечно, хорошие ребята, есть Христофор, есть его друг Николай Кандыба, есть славные парни Карим, Рашид, Басит, есть смешной молчаливый Бессараба, но я еще не могу пойти к ним и выплакать горе, не могу им сказать: «Знаете, умерла Ирада». И только тебе я могу написать об этом. Потом я написал ей про обводный канал...

Я запечатал письмо и понес на почту, а когда опустил его в ящик, вспомнил, что даже не написал на прощанье: «Целую тебя крепко-крепко»...

Эльпиде никогда не забывала написать в конце эти слова. И я никогда этого не забывал. «Целую тебя крепко-крепко...» Четыре слова, они были как заклинание, как символ нашей любви.

В столовой я встретил Христофора. Он доел свой обед.

— Прав Архипка,— сказал он, показывая на некое блюдо, именуемое в меню гуляшом.— Не поймешь, что дают. Чепуха какая-то! Хоть бы ты принял меры, все-таки «Легкая кавалерия».

Я пошел за борщом. Принес сразу первое, второе и третье.

На третье мы обычно получали густую массу темно-серого цвета под названием «кисель из сухофруктов».

— Хочешь посмотреть на Эльпиде?— спросил Христофор и вынул из кармана фотографию.

Я понял: что-то случилось, но не испугался. Я был подготовлен ко всему. Эльпиде была в белом платье, оробевшая, притихшая, какой я не мог ее себе представить. Рядом с ней стоял довольно симпатичный на вид парень. Вместо галстука на нем была «бабочка». Я усмехнулся— все женихи в Батуми снимались в черной тройке с бабочкой. Христофор подождал, пока я проглотил обед, и мы пошли вместе.

— Я и сам удивился,— сказал мне Христофор.

Я не ответил ему.

— Ты будто расстроен?

— Не поэтому.

— Врешь ты, врешь!— И он повторил:— Для меня это было полной неожиданностью. Конечно, этого нужно было ожидать. Она пишет, что поедет с ним в Краснодар. Он ведь специалист по чайному делу, инженер.— В голосе Христофора мне послышались гордые нотки.

«Откуда ты знаешь, хороший он человек или нет,— думалось мне.— Какая разница, инженер или простой нижник на экскаваторе? Важно, чтоб была любовь.»

Я подумал о той девушке, которая несколько лет ждала от меня письма. Горький комок стал у меня в горле. Я, не раздеваясь, лег на койку и услышал, как глухо бьется мое сердце. Потом я услышал, как Христофор о чем-то шепчется с Николаем. Поворачиваясь на другой бок, я открыл глаза и увидел серьезное лицо Николая, полное участия.

— Переживает парень,— услышал я сквозь подступившую дремоту.

— Вставай, Джевдед.— Николай тряс меня за плечо.— Смена вся ушла, смотри не проспай.— Я проснулся, потянулся на койке, зевнул и с трудом раскрыл глаза. Я почувствовал себя разбитым. Плечи были налиты свинцом, казалось, к ногам привязаны гири. «Что такое,— подумал я,— неужели заболел?»

— Ну, пойдем, пойдем,— говорил Николай.

Я с трудом натянул сапоги, набросил ватник и побрел за Николаем.

— Эх, дурачок,— успокаивал меня Николай,— ничего ты еще не знаешь.

Я хотел было ответить ему, что, конечно, не плавал я с испанками на лодке и не пели они мне андалузских песен, но потом раздумал— мне не хотелось обижать его.

Проходя мимо «Голубых скал», мы, как всегда, заглянули в окно. Там никого не было, только светилась до красна раскаленная печка— источник радости экскаваторщиков. У железнодорожного полотна нас встретил Тахтабаев. Он шагал по шпалам и поминутно своими толстыми короткими пальцами покручивал усы, что всегда свидетельствовало у него о дурном расположении духа.

— Давайте скорей, опаздываете,— ворчал он.— Давайте. Сегодня работы вам хватит.

Работы в самом деле было много.

— Паршивые дела,— этими словами встретил нас Христофор,— сплошная скала, копать нечего. Не знаю, что будем делать.

С экскаватора прыгнул Алмазов. Он, видимо, уже принял смену.

— Прямо идиотство какое-то,— сказал он.— Прямо не знаю, как назвать. Два часа простояли и не удосужились вызвать подрывников. Говорят, Ирада уже скандалила. А что толку!—И в этих обстоятельствах Алмазов не изменил своей привычке говорить тихо. Я еле разобрал его слова.

— Что будем делать?— спросил Карим и добавил:— Я предлагаю собраться у костра и рассказывать сказки про Али-Бабу.

Алмазов ничего не ответил, надел рукавицы и, схватившись за трос, соскользнул в яму. Мы последовали за ним. Там, внизу, лежал большой каменный пласт. Мы пошли вдоль реки.

В темноте мы потеряли Алмазова из виду, карабкались по камням, вязли в грязи. Потом мы поднялись наверх. Алмазов уже ждал нас.

— В двадцати метрах отсюда никаких камней нет,— сказал он.

— Правильно. И я так предполагал,— подтвердил Архипка, который никуда не ходил, а сидел у костра.

— Ну, давайте работать,— крикнул Алмазов,— давайте подготавливать дорогу.

Легко сказать — подготавливать дорогу! Рельсов немного, проложить нужно двадцать метров пути. Это значит — три раза укладывать и снимать рельсы.

— Час провозимся, зато начнем работать. Другого выхода нет,— говорил Алмазов.

Он, конечно, рассуждал правильно. Пусть мы потеряем час, зато экскаватор будет работать, а иначе придется сидеть до утра.

Начали ровнять землю, перетаскивать шпалы и рельсы. Алмазов и его помощник Карим тоже работали кирками. Интересно было наблюдать за Архипкой. Когда начинали копать, стронуть с места его было трудно, но когда работа была в разгаре, он, видно, и сам увлекся, хотя работать не умел — не было у него спокойствия, ритмичности, которые нужны любому землекопу. Он начинал изо всех сил колотить грунт ломом или киркой и быстро уставал. Христофор был на высоте: когда мы останавливались на перекур, он говорил таким же спокойным голосом, как и всегда. Нам же нужно было сначала отдышаться.

Проложить двадцать метров пути оказалось делом совсем не быстрым. Оно заняло у нас два с половиной часа. Наконец мы установили машину, и ковш с высоты стрелы упал на землю и глубоко врезался в податливую почву.

Экскаватор, ни на минуту не останавливаясь, проработал до конца смены. А в это время мы приготовили участок для следующей смены. Машинист Агапов, пришедший утром, протяжно свистнул при виде готовой площадки.

— Ну, спасибо, Андрей!— воскликнул он радостно и сразу сел за рычаги.

...Спасибо-то спасибо, а особо благодарить нас было не за что. Уж лучше бы мы час или два простояли. Наш сменщик Агапов только начал работать, как из машинного отделения повалил дым. Агапов выругался и выключил рубильник. Опять простой. Оказывается, не только в железнодорожном пути и в грунте было дело, а и в моторе.

В ту пору во всем Узбекистане было всего две гидростанции. Ближайшая к нам находилась в полуторастах километров. От нее шла линия высоковольтной передачи на Головной узел. За время пути (а тогда это был большой путь для электричества) напряжение изменя-

лось, и это сказывалось на моторах экскаваторов. Они то и дело перегревались и выходили из строя. Вот почему и мы, и монтеры из электрохозяйства Турсунова, и сменные инженеры Шадманова и Джураев—все с особенным вниманием следили за состоянием кабеля, проводки: от этого зависела работа экскаваторов. Говорили, что Турсунов у себя в цехе сам перебирал моторы и даже пытался перематывать обмотку, но как только мотор устанавливали на машину и как только опять снижалось напряжение — вновь повторялась старая история.

А на Головном узле везде были моторы: на бетонном заводе, в машинном цехе канатной дороги, на строительстве жилого массива. Было ясно, что при таком положении с энергией о плане и о графике строительных работ и говорить нечего. Нужна была электрическая сила у себя, на месте. Таковую станцию должен был привезти с Днепра «начальник электричества» Вахид Турсунов, предполагаемый жених Ирады, молодой инженер, прошедший хорошую школу на Днепрострое.

Уже было готово здание новой электростанции, уже начало поступать оборудование. Его вне всякой очереди доставляли с правого берега на левый, а самого Вахида Турсунова еще не было. Его ожидали на стройке, его вспоминали каждый раз, когда подводило электричество. Так было и сейчас.

— Хорошо начинаем смену,— сказал подошедший Джураев, выругался и посмотрел на часы, словно мы были виноваты в том, что у Агапова стал греться мотор.

— У тебя грелся мотор?— спросил Джураев у Алмазова.

— Нет,— ответил Алмазов.— У нас мотор не грелся! Сначала простой был, а потом, как начали работать, не замечал, чтобы грелся.

— Не грелся,— подтвердил Карим.

— Обидно, понимаешь,— начал Агапов.— Тут бы как раз развернуться...

Я глядел на Джураева. Он молчал, обдумывал что-то. Я потом часто рассказывал друзьям про нашего Закира Джураева. Я не знал случая, чтобы он не нашел выхода из самого сложного положения. Так было и на этот раз. Джураев поднялся в машинное отделение, приложил руку к мотору и отдернул — горячо.

— Тряпками обложите, мокрыми тряпками,— приказал Джураев.

Тряпки шипели, от них густо шел пар. Мы меняли тряпки, понимая, что это не выход.

Джураев молча стоял у мотора и думал. Потом взял с пола кусок фанеры и машинально стал обмахивать мотор, как это делают шашлычники на улицах, раздувая в своих жаровнях угли. Все заметили, как посветлело лицо Джураева. Он оглядел нас, замахал своей фанеркой посылнее, потом отбросил ее в сторону и весело сказал Агапову:

— Начинайте работать, тряпки еще меняйте. Сегодня обойдетесь этими компрессами, а завтра поставим вентилятор.

Это было решение вопроса. Когда приехал Турсунов и увидел на каждом экскаваторе по вентилятору, хлопнул себя ладонью по лбу: «Какой молодец Джураев, а мы, электрики, не сообразили!»

Да, это были нелегкие годы. Наши заводы только начинали выпускать свои отечественные экскаваторы. Моторов было очень мало, приходилось выдумывать такое, что кажется сейчас наивным... Ну, в самом деле, что это за изобретение: вентилятор для охлаждения мотора—кустарщина. Ничего подобного! Это было замечательное изобретение!

...И, конечно, всем ясно — без Магнитки, Кузнецка, Кинджикстроля не было бы Куйбышевской ГЭС, большого шагающего экскаватора,

кибернетической машины и установок для запуска спутников. Я знаю, что мы заложили все это еще тогда.

..Возвращаясь домой, за железнодорожным переходом я увидел Ираду. Она стояла среди подрывников и размахивала руками. Я остановился за углом трансформаторной будки и стал наблюдать за ней. Лицо ее мне показалось усталым. Говорила она своим «голосом номер два», как мысленно я назвал ее сухой официальный тон, за которым она часто прятала волнение, растерянность, смущение.

На этот раз Ирада сердилась и выговаривала молодому человеку в новом комбинезоне:

— Я вам приготовила все, выделила людей. Почему же не произвели взрыв? Из-за вас простояли две смены! Это настоящее вредительство!

Человек в комбинезоне, как я потом узнал, был начальником отряда подрывников. Он что-то пытался объяснить Ираде.

— Ложь! Аммонала было достаточно. Почему вы оправдываетесь, а не идете работать? Имейте в виду, что будете отвечать перед Краснянской!

Подрывники двинулись в сторону экскаватора. Ирада крикнула им вслед:

— Скажите машинисту паровоза, пусть даст гудок тревоги перед взрывом!

Я вышел из-за будки и направился к мостику через канаву, в которой стояла черная, как деготь, вода. Не успел я сделать пяти шагов, как Ирада окликнула меня.

— Джеввед! Это вы? Чего прячетесь?

Я подошел к ней. Она и в самом деле выглядела усталой и расстроенной.

— Ну, как? Всю ночь простояли?—спросила она меня.— До чего паршивый грунт! А я тут этих подрывников разыскивала. Они еще вчера должны были подорвать.

— Мы работали,—сказал я.

Ирада удивилась.

— Андрей Захарович нашел мягкий грунт за скалой, и мы подали экскаватор вперед на двадцать метров.

— Правда?!—обрадовалась она.— Ну, молодец, ну, молодец Андрей Захарович!

— Вас не было видно сегодня,—сказал я.

— Меня должен был заменить Джураев, но его вызвали в райком, а Тахтабаев не предупредил меня.

— Скажите, Ирада, кто такой Турсунов?—вырвалось у меня совершенно неожиданно.

Ирада сразу насторожилась, нахохлилась и сурово посмотрела мне в глаза.

— Вы разве не знаете? Инженер. Зовут его Вахид. Вахид Саматович. А почему он вам понадобился?

— Да нет, просто так... Я слышал, что он крупный специалист,—пробормотал я и поспешил поскорее захлопнуть рот.

Я понимал, что несу чепуху, но ей-богу не знал, о чем еще говорить. Не спрашивать же, когда она собирается выйти замуж за своего Турсунова! Какое мне дело в конце концов!..

Не знаю, как она истолковала это мое растерянное молчание, но она вдруг шагнула ко мне, порывисто положила мне на плечи руки — при этом полетели на землю папки и какие-то скрученные в трубку бумажки, вечно торчавшие у нее под мышкой.

— Джеввед! Кто вам сказал, что Турсунов приехал?

Я удивился. Я в этот миг повторял пришедшую мне в голову красивую фразу: «Ее руки, как две птицы, взлетели и опустились на мои плечи». Я не знал, что Турсунов приехал. Я ей так и сказал:

— Я не знал, что Турсунов приехал.

— Не знали...

Птицы покинули мои плечи.

Я помог ей собрать бумаги. Она выпрямилась, взглянула вперед и воскликнула:

— Смотрите, Краснянская идет в «Голубые скалы», сейчас она меня ругать будет. Эх, если бы ты знал, Джевдед, что за человек эта Анна Яковлевна! Она работала на Днепре, а муж ее был главным энергетиком. И однажды ночью—это было весной, когда она отстайвала перемышку, понимаешь, весна, полые воды, а тут еще ветер,— ты понимаешь, весь Днепрострой был под угрозой. Мне рассказывали... Турсунов рассказывал, он работал там... И вот, на перемышке были тысячи человек, таскали мешки с землей, песок, камни, и Краснянская руководила работой. В этот момент ей сказали, что муж ее погиб. Он устранял аварию, а в это время сорвался провод высокого напряжения... Ну, ты сам понимаешь... Анна Яковлевна только спросила: «Есть ли надежда?» Ей сказали, что надежды нет. Тогда она позвала двух инженеров и сказала, что ненадолго отлучится. Она пришла через полчаса и целые сутки никуда не уходила. Какой человек!..

Ирада подняла руку и помахала над головой:

— Иду!—крикнула она и продолжала:—Я у нее вместо дочери, очень она меня любит. Но гоняет больше всех, прямо не дай бог. И я к ней уже привыкла.

Она не попрощалась со мной и побежала к «Голубым скалам». Я посмотрел ей вслед. Она, наверное, почувствовала мой взгляд и обернулась. Я видел, что она колеблется.

— Эй, Джевдед,—крикнула она. Я посмотрел на нее.—Знаешь что? Если вечером свободен, приходи в семь вон к той будке, ладно?—Она накинула на голову платок и убежала.

Я долго глядел ей вслед.

— Что-то очень пристально глядишь,—раздался позади меня голос Христофора.

— Кто? Я? Говори, договаривай...

— Подождем Кандыбу,—сказал Христофор.

Мы постояли, закурили.

— Наверное, напрямик пошли с Архипкой,—заметил Христофор и с тревогой добавил:—Как бы они опять не подрались.—Он помолчал и стал рассказывать про Николая.

— Хороший парень, понимаешь. Очень хороший парень. Честный очень честный, вранья не терпит. Совсем не терпит вранья.

Я и раньше замечал у Христофора эту манеру повторять иногда одни и те же слова.

— Я познакомился с ним в Батуми. Как-то зашел я к Самсону Ферияди, зашел рано, выпить рюмочку гурзуфского муската. А буфетчик—старый грек. Он собаку съел в своем деле. Его руки, как флюгер, так и мелькали, так и мелькали над прилавком! Пианист, настоящий пианист! Или даже скрипач. К нам в Батуми приезжал знаменитый скрипач Михаил Эрденко. Что он делал! Боже мой, что он делал со своей скрипкой! Я плакал. Честное слово, Джевдед, плакал, и Самсон плакал. Да, этот старый грек—буфетчик Самсон Ферияди—плакал, как грудной ребенок. А Эльпиде—она была еще девочкой, не понимала, что такое музыка и что такое скрипка.

Словом, зашел я к Самсону и стал у прилавка. Там было всего

несколько человек, на одного я обратил внимание. Это был единственный человек, которого я не знал. Это был Николай, Кандыба.

Я посмотрел на него. Сильный, здоровый малый. Матрос, настоящий матрос, и духом, и телом, и лицо очень приятное, и глаза голубые, как небо.

«Не выпьете ли рюмочку?»—спросил я и кивнул Самсону.

И тогда матрос мне ответил: «Можно, приятель»,— и улыбнулся, как улыбаются только наши, батумские. Мы выпили по рюмочке, и я пригласил его пройтись по городу.

Он тогда мне ответил: «Пойдемте лучше на пляж».

И вдруг откуда-то с неба послышался голос, нежный и ласковый. Я посмотрел на потолок и в брезентовой дыре увидел небо. Я прислушался. Нет, голос шел не оттуда. Я опустил глаза с небес на землю и увидел красавицу. Она подошла к Самсону и сказала: «Прошу вас, взвесьте три фунта».

Перед прилавком рядом с нами стояла молодая женщина с золотистыми волосами и такими же ясными голубыми глазами, как у Кандыбы. На ней были широкие шелковые бриджи, а белая кофта оставляла совершенно открытой спину и лишь чуть-чуть прикрывала ее грудь.

Ах, Джевдед! Пускай у меня нет глаза, но я еще могу любить. А тогда, дорогой, я так умел любить, как никто!

Я посмотрел на ее прекрасную кожу, покрытую коричневым загаром, и сделал такое сладкое выражение, хоть беги.

«Я к вашим услугам, ханум,— произнес старый Самсон. Этот грек знал обращение!— Отпущу все, что вашей душе угодно»,— и буфетчик начал взвешивать хурму— три фунта. Он уложил ее в картонную коробку, перевязал коробку зеленой шелковой ниткой и протянул женщине.

В это время молодой матрос с голубыми глазами подошел к Самсону, вытащил из нагрудного кармана деньги и бросил перед буфетчиком: «Дядя Самсон,— сказал он,— получите деньги за эту хурму с меня».

Боже мой, боже мой! Это был Кандыба. Услышав его слова, молодая женщина вздрогнула, кровь прилила к ее лицу. Она посмотрела на всех нас в растерянности, она искала защиты. Смущению ее не было границ. Она обернулась к матросу и дрожащим от гнева голосом произнесла: «Что это значит, почему вы должны платить за мою хурму?» Но Николай Кандыба устремил на даму свои голубые глаза, и на его простодушном лице появилась мягкая застенчивая улыбка, в голосе послышалась дрожь.

Он сказал: «Мадам! Через четыре дня я отплываю в дальние страны, со мной может случиться все... Знаете, бывают в океане сильные штормы... На прощанье я хочу принести вам маленькую радость.— Он вдруг нахмурился.— Если не примете, вы обидите моряка, глубоко обидите. Если примете эту коробочку, я буду счастлив». И он улыбнулся такой улыбкой!

Да, именно он, только он мог так сыграть.

«Это же неудобно, не принято»,—сказала молодая женщина, но мы все поняли, что она сдалась. Она посмотрела на моряка, чуть прищурив свои огромные, полные неги глаза, и мы все поняли...

«Я не могу принимать подарки от незнакомых людей».

«Неважно,— спокойно возразил матрос, улыбаясь,— здесь — Батуми, тут все живет и дышит благородством. Вы видите эти горы,— и Кандыба указал на панораму, открывающуюся за террасой.— Видите эти горы, это море, это прекрасное солнце? Человеческое сердце должно смягчаться при виде таких красот!»

«Красоты вижу,— ответила молодая женщина,— но при чем тут

хурма?» И тогда я просительно обратился к красавице: «Берите, мадам, в этом нет ничего предосудительного. И я был бы счастлив, если бы был знаком с вами...»

Дама посмотрела на меня. Она меня узнала! «Мы с вами знакомы,— сказала она.— Помните, вы помогли мне».

Я сразу вспомнил. Я же ей помог достать комнату в пансионате. Но, увы, я упустил момент. Дама протянула руку Кандыбе. Он пошел за ней, проводил ее через весь зал, учтиво поклонился.

Она кивнула ему головой и сказала: «До свиданья».

Он вернулся к стойке, купил фунт маслин, а потом протянул мне руку, сильно пожал ее и вышел.

А на следующее утро я узнал: эта молодая женщина рассказывала своей хозяйке, что она дочь знаменитого профессора из Одессы.

...Да, я очень обрадовался, когда встретился здесь с Кандыбой, так же, как обрадовался и тебе.

У вас много общего. Он тоже усмирлял Архипку. Тот начал приставать к нему, а Николай поднял его над головой и швырнул через четыре койки. С тех пор Кандыба просто не терпит Архипку. Сейчас они пошли вдвоем, а у меня душа надрывается.

А какой он наивный человек, какой Николай наивный... Я люблю читать. Я, может быть, за всю жизнь прочитал двести или тысячу книг, но это были хорошие книги. Я рассказывал Николаю про Анну Каренину. Он не отходил от меня два дня и слушал, раскрыв рот.

Ты знаешь, Джевдед, он не понимает, что такое книга, он большой ребенок, ему нельзя объяснить, что никакой Анны Карениной на свете не было. Он у тебя не спрашивал про книги? Подожди, еще спросит. Он у всех спрашивает про книги, а сам читать не любит. Он ведь, знаешь, был на Пятиречье, но не в лагере, конечно, а вольным, завербовался туда. Он и Архипку там знал. Когда здесь встретил, сразу они поспорили.— Христофор задумался.— У инженерши нашей нет книг?

— Не знаю, не спрашивал.

— Я думал, у вас уже... Очень влюбленными глазами глядел ей вслед.

— Я? Вот уж нет!

— Эх, Джевдед,— вздохнул Христофор.

Может быть, он вздохнул, думая об Эльпиде?..

Глава десятая

В семь часов вечера я подошел к трансформаторной будке. Ирады не было. Я поднялся на насыпь обводного канала, посмотрел вправо, влево. В этот предвечерний час здесь было необычно тихо. На желтоватом фоне заката резко выделялись силуэты экскаваторных стрел, а сами экскаваторы, эти громадные четырехугольные коробки, сливались с отвалами. Я стоял на том месте, где еще совсем недавно работал наш экскаватор.

Сейчас передо мной на глубине тридцати метров было сухое дно будущего Кинджика. Сюда придут его бурные воды, на месте нынешнего его русла будет котлован, а там, где сейчас бушует река, будет совсем сухо.

Все это было удивительно и непостижимо. Не верилось, что люди, которые, собственно, ничего особенного не делают — ну, кладут на землю шпалы и рельсы, прокладывают кабели, смазывают машину, обдувают моторы вентилятором,— что эти люди могли создать такое глубокое искусственное русло, в котором поместится вся река.

Ирады не было. Несколько камешков покатились в глубину кана-

ла. Я повернул голову и увидел, что на противоположной стороне насыпи показался высокий широкоплечий человек в кожаном пальто. У него были пышные волосы, шапку он держал в руках.

— Эй, кто там? — окликнул я.

— Я, Турсунов.

Это был голос очень уверенного в себе человека, и я почувствовал, что начинаю ненавидеть его.

Он стоял против света и шурился на меня. Я-то видел его очень хорошо. У него было желтое лицо.

— Вы чего здесь? — спросил он.

Я разозлился и ответил:

— Пришел на свидание.

— Вот как? — он засмеялся.

Нас разделяло метров тридцать. Такова была ширина по верхнему бьефу обводного канала.

— Ну, ладно, — сказал Турсунов. — Ждите...

Я решил сбить с него спесь и ехидно ответил:

— Вот и жду, дорогой Вахид Саматович.

— Вы меня знаете?

— Знаю. — По-моему, в голосе моем было достаточно иронии. Он удивленно пожал плечами.

Я огляделся по сторонам, Ирады не было. По склону канала снова посыпались камешки — Турсунов спустился к берегу. Шагов его не было слышно, но, видно, он ушел недалеко, а может, просто присел за отвалом. А камешки все катились, все шуршали. Я прислушался. Оказывается, это шуршали не камешки. Шум доносился со дна канала. Я спустился чуть ниже. Может, какой-нибудь зверь пробирается по дну? Я крикнул, и голос мой ушел в темную глубину, а шорох не прекратился.

Спускаться туда не хотелось. Я вырвал несколько листков из записной книжки, зажег их и бросил вниз, но ничего не увидел. Спустился еще ниже, потом еще. Уж кто-кто, а нижники не хуже акробатов. По несколько раз в день им приходится то подниматься на насыпь, то спускаться в канал. Я снова зажег бумагу и, как только зажег, увидел: на дне что-то блеснуло, и в следующее мгновение все понял.

Я спустился вниз. Ноги увязли в густой грязи. Откуда-то сверху, по промытым уже камешкам струилась вода. Может быть, это родничок? Нет, конечно, нет. Канал находился ниже уровня реки, и, видимо, по каким-то подземным ходам от реки протек сюда ручеек. Он долго пробивал себе дорогу в толще земли, но, пробив, стал расширяться быстро. Закрывать его камнем или замазать глиной не удалось. Надо было кому-нибудь дать знать.

Я крикнул:

— Эге-гей! Турсунов! Давай сюда.

Я скинул ватник, засунул его в образовавшуюся в стене воронку, забил глиной, затрамбовал сверху землей, притоптал сапогами и полез наверх. Я лез быстро, мне пришлось два раза остановиться, передохнуть. В эти секундные передышки я кричал:

— Эге-гей! Турсунов! — И когда уже почти поднялся на поверхность, увидел над краем голову Турсунова.

— Чего орешь?

— Там вода прорвалась, вода!

— Чего орешь? — не понял Турсунов.

— Вода, говорю, прорвалась!

Меня взбесило, что я кричу ему, а он все не понимает, и я снова крикнул:

— Вода!

Турсунов махнул рукой и скрылся за насыпью.

— Вода! — закричал я. — Вода! Скотина! Вода! Дурак! Вода в обводном канале! — и я начал спускаться вниз.

Было тихо, журчание прекратилось. Потом вдруг раздался какой-то небольшой удар, послышался плеск и шум водяного потока. Я понял, что прорвало мой пластырь.

Я оказался в воде почти по колено. Поднялся повыше и сверху стал забрасывать поток землей. Он теперь был пошире. Это была труба в стене канала, на высоте около метра от дна. С каждой минутой воды становилось больше. Вода могла разрушить канал, залить склады с горючим, хранившимся в канале, подстанцию, стоявшую у выхода канала, могла разрушить всю многомесячную работу многих машин и людей.

Я снова заткнул дыру своим ватником. На дне были камни, я заложил и камни, а вода все пробивалась.

Я стащил сапоги, стал снимать ватные брюки. Сидеть на камне было неудобно, он был мокрый, скользкий. Я пытался сбалансировать на одной ноге и поскользнулся, нога без портянки попала в грязь. Я наскоро ее вытер, обмотал портянкой и затолкал в сапог. Потом так же быстро переобул другую ногу, распластал брюки, так что они закрыли ручеек, и придавил сверху руками. Ручеек замолк. Я придавил пластырь спиной.

Теперь вода капала где-то справа. Она уже не журчала, а капала. Это меня обрадовало. Нужно было дожидаться начала ночной смены, стало быть, пробыть здесь, внизу, часов до одиннадцати. Надо только через каждые десять-двенадцать минут кричать, и рабочие, идущие на смену, меня, конечно, услышат.

И Ирады нет. Если она пришла, то сейчас встретится там, наверху, с Турсуновым. Удивится. Или обрадуется случайной встрече со своим женихом. Случайной?! Дурак я! Может, вовсе и не случайной! Почему Турсунов тут оказался? Сейчас он спросит ее, зачем она подшутила «над этим бедным парнем», а она не ответит, а только засмеется, и Турсунов засмеется и укроет ее лолой своего кожаного пальто.

Справа от меня вода все капала. Я по-прежнему упирался спиной в стену канала. Но прошло некоторое время, и рубашка моя промокла. Я попробовал переменить положение, но сразу хлынула вода, по спине потекли холодные ручейки.

— Эге-гей! Кто там! — закричал я, но никто не отозвался.

Я подумал, что надо упираться не двумя ногами, а одной, другой ноге давать отдых. Я уперся одной ногой, но сразу же закололо в боку. Нет, надо упираться двумя ногами. Я начал заигрывать с рекой: сзади прижал руками и чуть-чуть освободил спину. Нет, вода смирилась только в том случае, если я прижимался всей спиной. Река словно притаилась и выжидала. Стоило мне шевельнуться, вода начинала течь и каждый раз все быстрее.

Нужно было стоять, не шевелясь. Сколько я простоял, не знаю. Может быть, прошло десять минут, может быть, полчаса. У меня сильно болели плечи и шея. Я вертел головой и кричал:

— Эге-гей! Эге-гей!

Так можно кричать до утра. Не обязательно, чтобы рабочие шли именно этой дорогой, они могут пойти от оврага напрямик. Нет, пожалуй, кто-нибудь пойдет здесь — по привычке.

— Эге-гей! Эге-гей!

Совершенно ясно, что выстоять до утра я не смогу. Может быть, лучше выбраться отсюда, добежать до «Голубых скал» и оттуда позвонить в контору? Много ли за это время успеет сделать вода?

— Эге-гей! Эге-гей!

Нет, вода может сделать многое, она пробьет такую дырищу, что ее никакими камнями и бетоном не закроешь. И будут говорить, что я, как Архипка, струсил, не мог постоять несколько часов, погубил склад горючего и подстанцию, сорвал работу на неделю, то есть на неделю позже будет пущен весь Кинджикстрой по моей вине.

Почему по моей вине? Ведь я мог здесь не оказаться, я мог не услышать. Я устыдился этих предательских мыслей и, чтоб они не лезли в голову, стал снова кричать.

Потом я начал засыпать, наверное, от холода и от усталости. Я клевал носом, не чувствовал боли и холода. Под коленками у меня стало слабеть, ноги сами собой согнулись, я на секунду заснул. Но в тот момент, когда согнулись мои ноги, по спине хлынул поток воды.

— Эге-гей!

Я кричал долго, забывая, кричу я или не кричу.

— Эге-гей! Эге-гей! Эге-гей!

Внезапно мне на голову скатился земляной ручеек.

— Эге-гей!

— Чего орешь?

Передо мной с лопатой в руках стоял Турсунов. Он зажег спичку, быстро оценил обстановку, оторвал меня от стены, набросил на меня свою кожанку, а сам прислонился к стене.

— Давай вверх,— приказал он своим командирским голосом. Он порылся в карманах брюк, вытянул папиросу.

— На, закуривай.— Он закурил сам и объяснил:— Пришлось бежать домой к Анне Яковлевне. Из конторы к ней не мог дозвониться. Пока она пришла, собралась людей...

— Который час?— спросил я.

Турсунов поднял часы к глазам и, затянувшись папиросой, посветил на циферблат.

— Без четверти десять.

Значит, я здесь пробыл два с половиной часа.

— А Ираду вы не видели?— вдруг спросил я.

— Ираду?...— Турсунов удивленно взглянул на меня и, видимо, все сразу понял. Он пошевелился и, прижав сзади руками пластырь, выпрямился. Так делал вначале и я, когда начинала уставать спина.

— Однако здесь не особенно удобно,— заметил он.

На склоне канала замелькали фонари, сверху посыпалась земля. Мы подняли головы. Фонари медленно спускались.

У меня что-то случилось с глазами, они заболели, заслезились, появилась резь и голова стала большая и тяжелая. Стало жарко. Я понимал: это слабость.

Сверху скинули брезент. Им закрыли протоку и начали заваливать землей. Работали часа три.

Анна Яковлевна сама спустилась в котлован, сначала руководила работами, затем, убедившись, что возможная авария предотвращена, оставила командовать Ираду и Джураева.

— Забросайте его землей, камнями, можно до самого верха,— сказала она перед тем, как уйти.— Нам эта часть канала сейчас не нужна. Когда будем пускать воду, разроем перемычку.

После работы я подошел к дяде Пете и стал рассказывать, что ватник и брюки остались там, под землей. Комендант страшно рассердился, начал кричать, что никто ватного обмундирования не спишет, а потом вдруг умолк, взял меня за плечи и спросил:

— Ты что?— и посмотрел мне в лицо.— Это ты?

— Конечно,— рассмеялся я.— Я, а кто же еще?

— Это ты стоял там?

— Ну да!— и я стал объяснять еще раз, что заткнул проклятый ручей сначала ватником, а потом ватными брюками, что, когда скинули брезент, я не смог их вытащить, так как они отвалились от стенки и упали в грязь и их затоптали.

Дядя Петя глядел на меня отсутствующим взглядом.

— Ладно!— внезапно прервал он меня.— Пойдем.

— Куда?

— Ко мне. Домой. Я тебе чаю дам.

— Чаю?— удивился я.— Зачем чаю?

— Чаю, чаю. Надо тебе чаю.— Он вел меня и что-то говорил. Он привел меня в маленькую комнату, велел раздеться, лечь в постель, прикрыл простыней, двумя одеялами и исчез. Я проснулся от прикосновения чего-то горячего.

— Ничего, ничего,— говорил он,— это самое первое дело.

Поверх одеяла он поглаживал меня горячим утюгом.

— Терпи, терпи.

— Ты брось,— говорил я.— Ты дай мне только чаю.

По мере того, как он водил по мне горячим утюгом, у меня возрастала жажда, потом совсем пересохло в горле, я закашлялся, потом загорелось внутри.

— Терпи, терпи,— приговаривал комендант.— Это хорошо, это правильно.

Наконец, он принес мне кружку с кипятком и кинул туда громадный кусок сахара.

— Не надо сахара! Мне так хочется.

— Нет, брат, уж коль я стал тебя лечить, так уж вылечу. Пей с сахаром!

Он перочинным ножом помешал в кружке, и я стал с жадностью пить эту густую, сладкую воду. Я выпил кружечек пять и сказал:

— Ну, спасибо, я пойду.

— Нет, брат, не пойдешь. Ложись и молчи.

Я лег, закрыл глаза, а когда проснулся, то снова уже был вечером. Некоторое время я лежал с закрытыми глазами. Потом над самым ухом услышал голос Тахтабаева. Он что-то говорил, ему отвечал комендант. Я понял, что Тахтабаев настаивал, чтобы меня отправили в больницу, а комендант уверял, что ничего со мной не случится.

Я открыл глаза и сел.

— Ну, вот! Все в порядке!— сказал комендант.

Тахтабаев спросил:

— Ты как себя чувствуешь?

Я сказал:

— Хорошо.

— Ну, тогда, если хочешь, выходи в свою смену.

— Насчет ватника и брюк решили вопрос,— сказал комендант и кивнул на табуретку.

Там лежали новые ватные брюки и ватник. Они мне напомнили кавалерийскую форму. Были они светло-зеленого цвета, из плотной бумажной материи.

— О,— сказал я,— командирские.

— Заслужил,— сказал Тахтабаев.

— Мы только двадцать пар таких получили,— сказал комендант и добавил со вздохом:— Ну, а те, которые ты там бросил, я списал по акту. Уже все оформил. Акт на склад сдал. Все равно — будут пускать воду, их не найдешь, а если и найдешь, от них уже толку не будет.

Глава одиннадцатая

На стене конторы Головного узла висит большой лозунг:

КУРСАНТЫ-ЭКСКАВАТОРЩИКИ!
СОРЕВНУЙТЕСЬ ЗА ПРАВО ЗАНЯТЬ МЕСТО В ЭКИПАЖАХ
НОВЫХ ЭКСКАВАТОРОВ!

Комитет комсомола Головного узла.

Контора находилась точно в таком же бараке, в каком жили и мы. Там было только больше комнат. Впрочем, комнат там было столько же, но они были перегородены фанерными стенками. Поэтому не удивительно, что когда я проходил по коридору мимо комитета комсомола, я услышал за стенкой разговор, который заставил меня остановиться. Все знают, что подслушивать нехорошо и все-таки порой подслушивают.

— Я не смогу этого сделать,— говорит Ирада,— не смогу, Анна Яковлевна. Зачем вы всегда поручаете мне то, чего я не могу?

— Сможешь,— отвечала та,— сможешь. Экскаваторщики должны сами для себя доставлять груз. Такелажников у нас нет, а Мансурова, честно говоря, я не хочу трогать. Слишком он осторожен, да к тому же просился в Ташкент, там у него жена что-то загостилась. А если Мансуров уедет, кому поручить? Джураев и так день и ночь то на обводном, то на монтаже вместе с Турсуновым. Его трогать нельзя. Вчера насильно погнала их спать, а они все равно удрали. Значит, остаешься ты.

По коридору прогрохотали сапоги, и из-за угла вышел Кандыба. Он ничуть не удивился, увидев меня:

— Тебя ищут, а ты, оказывается, уже здесь. Тебе кто сказал?

— Кто ищет? Я ничего не знаю.

— Мансуров. Вызывает нас. Всех. Меня сам встретил в столовой и говорит: «немедленно!»

Мансуров сидел один.

— Заходите,— сказал он.— Больше никого не будет. Еще список не подготовили. Соберемся завтра, а пока предварительно.

В комнате стояли стул и диван.

— Садитесь!— обратился он к нам, указывая на диван.— Мы хотим поручить вам важное дело... Правительственное.

Мы с Николаем переглянулись.

— Почему нам?— спросил Кандыба.— Говорите толком!— Он не любил загадок. Терпеть не мог, когда с ним так разговаривают: дескать, важное дело, правительственное...— Если можно сделать, то сделаем и так, чего агитировать.

— Я не шучу,— продолжал Мансуров, нахмурившись.— Нам необходимо переправить через Кинджик драглайн. Два драглайна.

— Драглайн?! Какой? Наш?

— Нет, не наш! Мы получаем новые. Их подвезут по железной дороге из Кок-Бугаза. Переправлять будете вы. Мы перебирали тут в памяти всех специалистов и решили, что никто, кроме вас, взяться за это не сможет. Взяться-то, может быть, смогут, возьмутся, но не сделают.

Лесть была такая грубая, что Николай поежился. Глупо: что могут сделать два нижника! Смешно!

— Переправить через Кинджик экскаватор? И вы, Абдулла Садыкович, хотите запрячь в это дело нас двоих?— спросил Николай.

— Что значит «запрячь»? Я вызвал вас сюда потому, что хорошо вас знаю и ценю. Чтобы перебросить экскаваторы с одного берега на другой, нужно обладать силой и находчивостью. Я правильно говорю?

— Доставить на левый берег экскаватор?..— задумчиво сказал я.— При таком сильном течении? При такой глубине? Ну, знаете ли...— тут я случайно взглянул через дверную щель и заметил, что в соседней комнате сидит Анна Яковлевна, а рядом стоит Ирада. Обе они прислушивались к нашему разговору. Я улыбнулся. Мы поменялись ролями. Несколько минут назад я слушал их разговор.

— Нам все равно!— сказал я, искоса поглядывая на Николая и полагая, что он согласится со мной.— Будем ли мы лазить под экскаватором на участке, измазанные мазутом, или нырять в глубину сумасшедших вод Кинджика—разницы тут нет. (Раз они меня слушают, пусть услышат красивую речь!).—Однако, что мы, два человека, сможем сделать? Для переправы экскаваторов потребуется, по крайней мере, человек тридцать.

— Будет пятьдесят...— сказал Мансуров, сразу повеселев.— Не беспокойтесь! Будут все люди Алмазова, Бессарабы и Агапова. А с вами я только так, предварительно...

— Вроде репетиции...— сказал Кандыба вполне серьезно, ему в тон.

— Ну да,— не понял иронии Мансуров.

— Тогда мы пошли,— подвел итог Кандыба.

Когда мы вышли, Кандыба сердито плюнул.

— Ну и тип! Только болтологию разводит.

— А все-таки как?— спросил я Николая.— Будем нырять?

— Ну что ж!— задумчиво ответил он.— Нам придется там не только нырять, а и еще кое-чего... Только бы не с Мансуровым. С ним каши не сварить. Вызвал всех, а список не подготовил. Сказал бы машинистам — и все. А то список! Вот такой заведется и все у него только на бумаге. Ну и тип!..

...Мы тогда все сердились на Мансурова, человека, как-то плохо определившегося в жизни, не нашедшего себя. Мне сейчас кажется, что Мансуров иногда сердился и кричал потому, что так делали — сердились и кричали — другие. Он видел, что Джураев, Краснянская и другие инженеры, несмотря на страшную занятость, находят время поговорить с рабочими, посмеяться, и не для того, чтобы показать свою близость к простым людям, а просто им было интересно с Кандыбой, с Рашидом, со мной, даже с молчаливым Бессарабой. Этой естественности в обращении с людьми у Мансурова не было. Он по характеру был человеком крайне необщительным и то, что его после института, как и других инженеров, направили на стройку, было, по-видимому, ошибкой. Он теперь заведует республиканским архивом Энергостроя. С утра ставит чайник на плитку и блаженствует среди старых фолиантов, вдыхая душистый запах зеленого чая. Здесь он чувствует себя на месте, этот в сущности хороший, но недалекий человек.

В бараке был один Рашид, который сидел за столом и лениво листал старый журнал «Гулистан».

— Мне сказали, что вы согласились тянуть две машины по Кинджику. Так?— спросил он.

— Если это сказала Карамат, стало быть, так,— ответил за меня Николай.

Карамат работала в отделе геологии. Два наших друга — Рашид и Карим — любили произносить это имя. Девушка этого еще не знала. Придет время, ей придется делать выбор между Каримом и Рашидом.

— Я ее случайно встретил, и она сказала... Я только хочу узнать, понимаете ли вы задачу?

— Мы не понимаем,— сказал я,— зато Мансуров понимает.

Утром Ирада пришла в барак с новостью. Мансуров уезжает в Ташкент, а руководить переброской экскаваторов будет она и Алмазов. Она взглянула на Бессарабу и добавила:

— И, конечно, машинист Бессараба.

О переправе машин через Кинджик на стройке говорили все, и все думали, как это сделать.

Мы тоже стали думать.

— Чепуха — переправить два экскаватора,— первый нарушил молчанье Архипка.

Ирада даже опешила.

— Как чепуха? Они ведь не разобранные.— Теперь настала очередь удивляться Архипке. Он один этого не знал.

А можно ли переправить через реку такую махину? Очень это было заманчиво. Разобранный экскаватор обычно собирали месяца полтора: не хватало каких-то деталей, что-то терялось в дороге, ломалось на месте сборки. А тут сразу — переправил и начинай работать. Экскаваторы на стройке нужны были позарез, канителить с монтажем было некогда. Словом, проблема действительно оказалась сложной.

Бурный Кинджик, тащивший за собой громадные валуны, конечно, не смоем многотонный экскаватор, но проложить рельсы по дну невозможно. Их сразу завалит камнями. Стало быть, по дну экскаваторы не перетащишь. Как же поступить? В этот день мы решили подумать и разошлись — кто спать, кто на работу.

Странно, что решение подсказал не кто иной, как Архипка. Всю ночь он где-то пропадал. Вернулся под утро навеселе.

— Как работать будешь, дура? — крикнул ему Кандыба.

— Зачем работать? Будем в Кинджике купаться, экскаваторы перетаскивать, — ухмыльнулся Архипка и радушно спросил: — Тебе что, выпить хочется? Могу предоставить, — и Архипка извлек из кармана бутылку. — Сохранил для опохмелки.

— Дура. Дура и есть, — почти беззлобно сказал Кандыба. — Убери свою бутылку. Тут люди думают, а он только знай свое.

— А чего тут думать? Положил экскаваторы на салазки, привязал друг к другу покрепче и шагай, куда надо. — Архипка пьяно захохотал.

— Ладно, ложись спать, — сказал Кандыба.

— Почему спать, я правду говорю! — не унимался Архипка.

И в этот момент и я, и Кандыба, и все, находившиеся в бараке, сразу поняли, что Архипка, действительно, говорит правду.

И в самом деле, можно построить громадные сани и на них волоком перевезти, если не весь экскаватор сразу, то во всяком случае сначала всю стрелу, а затем всю машинную часть.

— Молодец, Архипка! — воскликнул я.

— Чего молодец? — удивился тот.

Кандыба был более осторожен.

— Тебе кто сказал? — спросил он.

— Чего сказал? — еще больше удивился Архипка.

Когда же мы растолковали ему, в чем дело, он вдруг посерьезнел и даже, кажется, протрезвел. Принялся вместе с нами обсуждать де-

тали переправы, потом вдруг состроил плаксивую физиономию и за-
хныкал:

— А вы все про Архипку треплетесь, гады, что, мол, такой-сякой...
А кто про салазки первый сказал? Архипка! А будете говорить, небось,
что сами выдумали. Сейчас побегу к Шадмановой, скажу, что я пер-
вый... Вот побегу и скажу,— и он стал напяливать ватник.

— Дрянь ты. Дрянь и есть!— в сердцах сказал Кандыба.— Кто к
твоей славе будет примазываться? И так все тебя знают!..

— А я вот пойду.

Он ходил недолго, вернулся веселый.

— Молодец, сказала, а в комнату не пустила,— объявил он.

Когда он говорил это, в нем не было уже и следа пьяной удачи.
Он притих, снял ватник, потом рванул с себя рубашку и пошел на ули-
цу вытираться снегом. Случай для Архипки небывалый. Мы перегля-
нулись.

— Сразу заважничал,— сказал Христофор.

— Дура,— подытожил Кандыба.

— Он очень доволен,— сказал Рашид, радуясь.

— Протрезвеет — лучше будет,— сказал Карим.

— Да,— подтвердил Бессараба.

Я впервые подумал тогда, что Архипке, действительно, нравилась
Ирада, и что, может быть, в этом трусе, в этом бесшабашном и жалком
человеке зетеплилась надежда. Я впервые почувствовал, что мне не-
приятен Архипка с его широкой амплитудой поступков от злодея до
пророка...

Нужно было найти брод. А как найти? В управлении запросили
данные гидрологических изысканий, но Ирада не стала ждать. Пониже
парома река разливалась шире, там и решили переправлять экска-
ваторы.

Два трактора были прикомандированы к нашей группе, они при-
волокли тяжелые сани, которые с трудом уместились на парома. Потом
начали переправлять тросы.

Утром рано мы пошли на паром. Метрах в пятидесяти от правого
берега на железнодорожной платформе стоял новый драглайн.

Мы посмотрели на этого великана, на громадные сани — и расте-
рялись. Как мы сладим с такой махиной? Видимо, такое чувство воз-
никло у всех собравшихся.

— Видишь, какой он?— спросил меня Николай, показывая на экс-
катор.— Это, брат ты мой, не то, что таскать шпалы...

— Что ты говоришь?— спросил подошедший к нам Христофор.

— Смотри, какой,— повторил Николай.

— А ты не знал?— бросил Христофор.

В этом коротком разговоре скрывалась решимость. Я часто заме-
чал, что люди перед трудным путем или перед началом сложной работы
всегда обмениваются на первый взгляд маловажными фразами.

Я протиснулся к берегу. У самой воды стояли двое.

— Я, признаться, думал отказать...— сказал один.

— А я нет! Я люблю такое дело.

— И я люблю, но вначале сомневался.

— А я нет! Я люблю такое дело.

...Каким бы ни был человек, он всегда должен быть уверен, что то,
что он делает — хорошо. И это «хорошо» определяет не он сам, а его
товарищи, окружающие люди. Мы должны знать, что полезны для
людей, полезны для отечества. Сейчас мы беремся за дело, за которое
не смог взяться никто,— и это будет оценено достойным образом.
Сколько человек делает в жизни такого, чего вовсе не обязан делать!
Но делает, и делает с удовольствием.

Ирада вызвала машинистов и что-то долго им объясняла, показывая то на паром, то на правый берег, где нас терпеливо дожидались экскаваторы.

Машинисты отошли от Ирады, подошли к нам и стали объяснять, как надо перевалить машины с платформ на сани, то есть то, что мы знали сами и без них.

Наконец подошел паром.

Нашей бригаде достался второй экскаватор.

— Вот и хорошо, — сказал Николай, — первым делом построим ему сходни, а по ним он сам сползет с платформы. После подкатим его к парому.

Мы принялись за работу. За ночь были подготовлены бревна и шпалы, и мы стали сооружать из них пологий спуск.

Работали мы, как обычно, спокойно и деловито, один лишь Архипка отлынивал, носился от бригады к бригаде, что-то кричал, ежеминутно подбегал к Ираде и кидался бегом то к парому, где разгружались лебедки, то к нам.

Мы не обращали на него внимания, но Агапов и Бессараба считали его связным Ирады и выполняли все его указания. Архипке это очень нравилось.

Мы свой спуск закончили первыми. Ирада приказала заводить лебедки. Началось самое трудное. Переплетенный тросами экскаватор должен был стронуться с платформы сразу всем корпусом.

Три лебедки и сложная система передач и блоков сделали это дело. Три машиниста стали к лебедкам. Ирада командовала. Тросы натянулись — еще, еще, экскаватор дрогнул и пошел!

— Стоп! — крикнула Ирада. — Проверим настил...

Пока заводили тросы и строили, никто не думал о времени, а сейчас вспомнили, что шесть часов пролетели незаметно, пришел и аппетит. Пока мы это вспоминали, Архипка на пароме подвез «скорую помощь» — нашу повариху Сабиру-холу, с обедом в больших бидонах.

— Все-таки молодец этот Архипка, — заметил Рашид, расправляясь с гуляшом. — Не растерялся.

После еды люди всегда становятся мягче и добрее. Может быть, поэтому в продолжение всего этого дня ни Христофор, ни Николай, ни Карим не сказали дурного слова об Архипке. А может быть, просто они были благодарны ему за то, что позаботился обо всех. Ведь прежде в товарищеских чувствах Архипка замечен не был.

В процессе работы нам пришлось столкнуться с тысячью всяких трудностей — мы должны были выдумывать, изобретать, приспособлять. Сейчас об этом рассказывать не интересно, а тогда нам казалось, что каждое наше усовершенствование — бог весть какое важное открытие.

На правом берегу три трактора ждали команды. На санях должны были двигаться «аварийщики»: Рашид, Карим, один незнакомый нам нижник из бригады Агапова и я. Нашей обязанностью было следить за креплением тросов, натяжением их.

Приехала Краснянская, обошла сани. Собрала машинистов, спросила, все ли готово, и сказала Ираде, что можно давать команду. Загрохотали тракторы, натянулись тросы. Сигнальщики подняли флажки, сани тронулись. Рядом с ними отошел от берега паром. Там была Ирада, Краснянская, машинисты и многие рабочие.

Они тоже были аварийщиками, тоже следили за движением саней. А сани вошли в воду — и Кинджик забурлил.

Мы двигались очень медленно. Находясь наверху, мы ощущали, как сани наезжают на камень и тросы натягиваются сильнее, но вот камень выскальзывает, и сани рывком подвигались вперед.

Корпус драглайна захлестывала сильная вода, она заливала нас с ног до головы. Потом внезапно волнение успокоилось — это машина погрузилась наполовину в воду. Но тут сани начали переворачиваться. Они сильно качнулись и стали крениться на правый бок.

Мы подняли флажки. На пароме заволновались.

— Уходи, Карим! — крикнул я. — Становись на левый борт!

Я попытался подтянуть его ближе к себе, но не тут-то было... Трос закрипел, одна из поперечных валок саней, оторвавшись от железной скобы, сделала медленный разворот в воздухе, и Карим, не успев пригнуться, полетел в воду. Бурное течение сразу подхватило и потащило его. Задыхаясь, барахтаясь, Карим вынырнул на поверхность и попытался плыть. Но на нем были ватные брюки, на ногах длинные резиновые сапоги.

— Держи налево! — Властный голос Краснянской пробудил в нас желание действовать.

Карим постарался взять левее, к парому, но волны уносили его на середину реки. Я стал снимать резиновые сапоги, оглянулся и увидел, что Рашид тоже раздевается.

— На! Держи крепко! — крикнул кто-то с парома. — Да быстрее! — Рядом с Каримом шлепнулась веревка.

Он ухватился за нее обеими руками.

Еле взобравшись при помощи каната на паром, Карим зашатался и упал. Его стали приводить в чувство, а паром подхватили десятки рук и поволокли к берегу.

На берегу Карима, уже пришедшего в себя, ждала машина Краснянской, а спустя два часа мы встретили его на дороге. Он шел по берегу уже в сухой спецовке, раскрасневшийся от «лекарства» и быстрой ходьбы.

— Как драглайн? — спросил Карим и пошатнулся.

— Все благополучно, — сказал Алмазов. — А я перепутался в самом деле! Угодить в Кинджик, да в такое время!

Карим попытался объяснить, как все вышло, но у него это плохо получалось.

— Ты что, выпил? — посерьезнел Алмазов.

— В медпункте дали, — ответил он и снова смешно качнулся, взмахнув руками.

Мы засмеялись — герой...

— Ну ладно, пошли, — скомандовал Алмазов. — Завтра второй перетянем.

Назавтра дело пошло быстрее. И опять Архипка активничал. Он первый догадался, что надо демонтировать стрелу непосредственно над салазками. И оказался прав. Стрела и ковш хорошо улеглись на салазках. Их переправили, а потом взяли за драглайн. На этот раз все обошлось хорошо.

Все удивлялись: куда девался прежний Архипка?

Может быть, нужно было ему все время давать ответственные поручения, может быть, следовало Ираде как-то иначе к нему относиться? Во всяком случае, я потом больше никогда не видел Архипку таким, каким он был во время переправы двух экскаваторов.

В первые недели моего пребывания на Головном узле произошло много событий, которые запомнились мне навсегда.

...Накануне Нового года пришло тепло. После дождей грязь стала такая, что пройти от барака до столовой считалось героизмом. А у экскаватора было еще труднее. Но как ни облепляла ковш вязкая глина, как ни перепачкивались мы, нижники, прокладывая дорогу для

экскаваторов, а настроение у всех было приподнятое и не только потому, что пришло тепло. А тепло пришло — куда девались эти холодные ветры, которые то и дело прорывались из ущелья, били вдоль реки так, что стоять было трудно. Теперь была теплынь. Над рекой весь день светило солнце. Все чаще и чаще мы поднимались на земляные отвалы и глядели вдоль обводного канала: длинный, глубокий — видна работа. Но радоваться было рано. Ночью в обводный канал прорвался силь.

Где-то в высоких горах солнце растопило снега, прошли дожди, и горная вода начала набирать силу. Потекли ручейки с одного склона на другой. Они соединялись в лощинках, в ущельях, прорывали в снегу, в податливой почве дорогу, несли с собой землю и мелкие камешки. Все ниже и ниже, все больше и больше воды, все больше земли, все крупнее камни.

Вот хлынул поток на широкое плато и, не находя выхода, уперся в холмы, собираясь с силой. Уж набралось воды с целое озеро, ветер колышет волны, и где-то, в какой-то небольшой впадинке, вода начала пробивать себе лазейку. Сначала небольшой ручеек понесся вниз по ущелью, потом все глубже стал прорывать русло, и вся громада воды, собравшаяся, может быть, за неделю, рухнула вниз, неся с собой валуны, тысячи тонн песка и земли. Выйдя из ущелья, силовой поток разошелся несколькими рукавами. Один из таких рукавов прорвался к нам. Он стремился слиться с Кинджиком, но на его пути встал обводный канал, и силь пошел туда.

Нас разбудили ночью, когда силь еще приближался. Остановить его мы, конечно, не могли. Мы копали траншеи, уводя небольшие потоки в сторону. В другом месте подрывники взрывали землю. Но основной поток неумолимо стекал в обводный канал. Он прорывал искусственные хребты отвалов и устремлялся в канал, и все камни, мешки с песком, которые валили в воду, чтобы преградить ему путь, этот поток забирал с собой.

Казалось, что силь скоро заполнит весь обводный канал и вся работа пойдет насмарку. В темноте трудно было различить, кто как работает, но у берегов силового потока собрались тысячи людей с лопатами, с кирками. Кто-то командовал, приказывал перейти на тот или иной участок. Люди повиновались, работали лихорадочно и не думали об усталости, об опасности. Так тушат пожар, не думая об ожогах. Потом где-то вдалеке прохнуло взрывы, и минут через пять сила потока стала ослабевать. Мы остановили его, отвели в сторону и столпились у обводного канала.

Когда рассвело, все увидели, какую громадную работу сделали экскаваторщики. Огромный, широкий, глубокий канал был готов принять громадную бурную реку Кинджик и, хотя силь прорвался туда и хотя тысячи людей его не могли остановить, он наполнил всего лишь дно канала, и то не везде. Ведь только что казалось, что никто перед этой стихией не может устоять. А вот мы построили сооружение — и оно устояло.

Глава двенадцатая

Получка. У нас весь барак уходил за получкой пораньше. В бухгалтерии выстраивались длинные очереди. Я ходил за получкой на следующий день, когда бывало меньше народу, я уже знал, сколько получу, ибо все нижники получали одинаково. Просто вся выработка

делилась на всех, только один Кандыба как старший нижник получал на пятьдесят рублей больше.

Уже третья получка. Два месяца прошло незаметно, как один день.

Когда мы сегодня сдавали смену, механик Тахтабаев сказал Алмазову:

— Счастливые. Почти двое суток гуляете.

Счастливые? Почему счастливые? Всегда так перед ночной сменной — мы свободны почти два дня: выходной и день перед выходом «в ночь». Но я и в самом деле почувствовал себя счастливым. Сходил в библиотеку поменять книги, потом — в бухгалтерию. На обратном пути приятно было ощущать в кармане шелест бумажек.

Надо зайти в постройком, взять ордер на бумазею — старые портянки продырявились, а в резиновых сапогах без теплых портянок не обойдешься. Да заплатить за два месяца комсомольские взносы. Пожалуй, можно купить кепку или перочинный нож с шестью лезвиями. Нет, пожалуй, кепку. Но сначала неплохо бы забежать в столовую.

Сабира-хола, или как мы ее называли, тетушка Сабира, к моему удивлению, сегодня не ворчала, хотя до закрытия столовой оставалось несколько минут. Она сама вынесла мне тарелку лагмана и три стакана компота из урюка.

Что с ней сегодня? И вдруг я сообразил: ведь Новый год!

— Приходи ужинать, — сказала мне тетушка Сабира, когда я, наевшись досыта, поднялся из-за стола, — и товарищей своих приводи. Всем скажи, что будет сегодня пироги с капустой и пироги с урюком.

Ага, теперь я понял, почему сегодня в компоте не было ни одной ягодки! Видимо, по этой же причине не было борща с капустой.

Я высказал свои соображения поварихе. О, как мне досталось! И не мое дело заниматься кухонными делами, и вовсе я не мужчина, а женщина, раз у меня такие мысли. Оказывается, она просто решила сегодня угостить как следует, потому что выпивка без закуски всегда приводит только к дракам, а так как выпивки в такой день избежать нельзя, то ей и пришло на ум приготовить вкусную закуску.

О, эта тетушка Сабира! Она знала всех рабочих, которые ходили в столовую. Она все знала о каждом, а если появлялся новичок, она сразу замечала его. Пока он стоял перед ней, держа в руках тарелку, она задавала ему наводящие вопросы и не отпускала от себя, пока все, что ей надо было узнать, не выведывала.

Это была славная, немного чудаковатая женщина. В своих разговорах с людьми она исходила из вполне правильного тезиса, который при любом случае излагала с присущим ей темпераментом.

— Как же мне не говорить? Мне что, молчать?! Как бы не так! Вы посмотрите кругом — что делают у нас люди? Работают, сидят или спят у себя в бараках, но три раза в день ходят в столовую. На производстве есть инженеры, парторги, группорги, профсоюз — они там командуют, бараками заведует комендант дядя Петя и дежурные, а в столовой кто? Одна я — ваша Сабира-хола. Одна я за всех отвечаю! Вот так!

— Вы уж очень много на себя берете, тетушка Сабира, — заметил ей как-то дядя Петя. — Какое ваше дело, кто где родился?

Ну и выпала тогда ему тетушка Сабира! Она молча выслушала его, и ничто не изменилось в ее лице. Затем неторопливо вытерла фартуком руки, подбоченилась и так же молча двинулась на коменданта. Тот отступил и стукнулся затылком о косяк двери. За ударом физическим последовал удар моральный:

— Ага, не мое дело! А что твои парни по два месяца не пишут писем домой — это чье дело? А пьянствуют? А приходят другой раз ко мне в столовую — смотреть больно, сразу видно — горе у человека. Это

че дело? Что ж, может, скажешь не мое дело — накормить его лучше?!

Сабира потащила коменданта к парторгу и к начальнику. И Краснянская и Джураев не только согласились с ее доводами и подтвердили, что каждый на своем участке должен быть агитатором, но и посоветовали дяде Пете проводить беседы в бараках и так знать людей, как их знает тетушка Сабира.

Дядя Петя был посрамлен. Но у нашей Сабиры отходчивое сердце: Только в крайне редких случаях напоминала она о своей власти. Как всякий могущественный человек, она была великодушна.

Каждого рабочего, вновь прибывшего на стройку, Сабира-хола по-прежнему выпрашивала. Делала это она чрезвычайно дипломатично, умно и хитро, словно была не простой поварихой, а каким-нибудь знаменитым послом.

Я в первый день очень удивился, познакомившись с ней. Думаю, чего она так долго копается? Неужели нужно столько времени, чтобы выбрать кусочек мяса и бросить в мою тарелку. Вот уже выбрала — как на грех, мясо соскочило с вилки, она стала искать другой кусок.

Пока руки ее еле двигались, язык успевал задать тысячу вопросов. Но нельзя же ни с того, ни с сего начать расспрашивать незнакомого человека.

— Я уж тебе положу побольше... Ах, эта вилка... Говорила коменданту... А ты издалека приехал? — вот как она расспрашивала.

Ей нужно было знать, откуда я родом, живы ли родители, чем занимаюсь, служил ли в армии, есть ли невеста, сколько мне лет, какое образование, кем работаю на стройке, пью ли, не сидел ли в тюрьме и еще многое другое. Когда Сабира-хола, наконец, обо всем выпросила, то ловким движением подхватила кусочек мяса и положила в тарелку с борщом.

— Иди, парень, — сказала она мне, — кушай на здоровье и помни, что водка уже многих погубила.

Учить людей уму-разуму было ее специальностью. Правда, злые языки говорили, что у тетушки Сабиры свои любимчики, которым она подливала больше масла в кашу и наваливала в тарелку столько мяса, сколько полагалось на пятерых. Но не даром же гласит пословица: все делай, что велит мулла, но не делай того, что он сам делает.

Словом, сытый и веселый, я направился из столовой в барак. Для того, чтобы попасть в наш барак, нужно было пройти мимо Верхней махали — так Рашид окрестил новые дома, построенные для инженеров. Они расположились на невысоком холме, куда вела бетонированная дорожка. Я подумал, что здесь, в этом домике с занавешенными окнами и с голубой дверью, в которую вделан английский замок, живет Ирада. Ее нет дома, она сейчас на берегу реки, следит за работой взрывников. Христофор, Архипка, Карим вызвались ей помогать. Контора хорошо оплачивала работу подрывников.

Увязая в жидкой желтой глине, я шел по улице. Далеко внизу, в стелящемся по земле тумане, раскинулись кишлаки. Мимо них, извиваясь, несетя Кинджик, выше, уже под самым Хазар-Кентом, вытянув шеи, уставились в небо экскаваторы. А у края канала, где стоят три чинары, остановился паровоз. Дым из трубы поднимался к небу. Людей нигде не видно. Где же они?

Я долго смотрел вниз, потом по скользкой тропинке начал спускаться и уже почти на пороге нашего барака услышал оглушительный грохот. Черным туманом заволокло берег Кинджика. Любопытный новичок на моем месте подумал бы, что разверзлась земля, что началось землетрясение. Земля так и ходила ходуном. За первым взрывом последовал второй, потом третий.

Я тоже несколько раз помогал взрывникам. Ничего опасного в этой работе не было, только перед взрывом надо как следует спрятаться, чтобы не угодило камнем.

Придя в барак, я прилег и сразу заснул. Меня разбудил Карим Юлдашев.

— Что ты дрыхнешь?! — закричал он. — Ты что, ничего не знаешь?

Протирая глаза, я с трудом пришел в себя, поднялся, посмотрел в окно. Было уже темно.

— Что случилось?

— С Христофором несчастье, — ответил Карим. — Вставай.

— С Христофором? Какое несчастье?

— Ранен во время взрывов. — Карим замолчал, потом сказал: — Умирает он.

— Христофор умирает?

Дальше я не мог слушать Карима, выбежал из барака и помчался к реке. Около моста меня встретил Кандыба.

— Не беги, напрасно. Его увезли.

— Куда?

— Не знаю еще...

— А куда он ранен?

— В плечо.

— Ты видел?

— Видел. Он был без памяти. Говорят, задело и голову...

Мы зашли в «Голубые скалы». Туда нельзя было протиснуться. Люди были незнакомые, наверно, подрывники. Ругались, говорили о несчастном случае. Кто-то обвинял Христофора, кто-то защищал его. Начальник подрывников — молодой парень в комбинезоне — оправдывался перед Тахтабаевым.

Куда увезли Христофора, никто не знал.

Мы пошли к экскаватору. Навстречу нам попался Архипка. Спросили у него. Он скривил губы и сквозь зубы бросил нам:

— Не знаю.

— У, гад, никогда ты ничего не знаешь, — начал горячиться Кандыба. Потом он вдруг остановился, как вкопанный, словно вспомнил что-то и долго глядел вслед Архипке.

На экскаваторе работали слесари-ремонтники. Они рассказывали, уже с чужих слов, что во время взрыва Христофор был в машинном отделении. Осколок камня расщепил дверь и ранил его. Мы зашли в кабину. На полу перед компрессором темнели большие пятна крови. Это была его кровь, она уже запеклась. Мне стало не по себе, я хотел выйти, но Кандыба сказал:

— Стой здесь. — Он поставил меня там, где по его мнению должен был стоять Христофор. Потом что-то промерял шагами, стоял, думал, рассчитывал.

Я спросил у Николая, спросил, боясь поверить вспыхнувшей догадке:

— Ты чего там рассматриваешь?

— Ладно, молчи, — сказал он. Больше я от него ничего не добился.

Потом мы побежали в управление. Там уже никого не было. Мы переправились на пароме через Кинджик и почти бегом направились в кишлачный фельдшерский пункт. Там тоже ничего не знали — никого к ним не привозили.

Медленно возвращались в барак. Я вспомнил: вчера Христофор, такой здоровый, такой веселый, такой милый, сидел на своей койке и что-то мурлыкал себе под нос. Сейчас его нет. Может, его вообще уже нет... А вчера, когда мы собирались на работу, Христофор сказал как-то очень грустно:

— В жизни еще много изъяснов. Она часто глуха к голосу разума и беспощадна к сердцу. Поистине дьявол правит судьбой, ибо ничто в ней не делается так, как это хочется нам.

Я спросил его:

— Чьи это слова?

Он засмеялся, потом сказал:

— И мои, и еще Раймонда четвертого... Вместе сочиняли.

— Хорошая жизнь у тебя, Христофор, — сказал я ему, и мне показалось, что он сконфузился.

— Хорошая? — переспросил он. — Нет, она могла бы быть хорошей. Не учился, когда мог учиться, а теперь — видишь? Кругом все туманно.

Потом Христофор мне сказал, что он знает много, как он выразился, «таких» слов. У него была замечательная память. Все фразы, которые ему нравились, он запоминал.

— Ему не под силу долго разыгрывать роль сердцееда, — процитировал он. — Здорово?!

— А это кто сказал? — спросил я.

— Розамунда Кольдингская. — Он выдумывал имена авторов этих изречений. — Хочешь еще? «Есть мера в вещах, есть, наконец, границы». Наполеон пятый.

— Такого не было, — возразил я. — Их меньше.

— Разве? Ну и шут с ним, если не было.

В бараке все были в сборе. Никто не спал. Видно, обо всем переговорили. Молчали.

Дверь распахнулась и вошел комендант дядя Петя. От него несло водкой.

— Уже готов? — спросил Архипка. И шуточный вопрос его прозвучал в тишине грубо.

Он поднялся со своей койки. Я заметил, что он был не в духе.

— Как это случилось? — тихо спросил дядя Петя, подходя к столу и оглядывая нас. Он снял очки, долго протирал их полрой шинели.

Мы рассказали ему, что знали.

— Где он теперь? — вздохнул Карим.

— Известно где, — сказал комендант, — в Троицкой больнице.

Как же мы сами не догадались?

Около паромы нас нагнал бензовоз. Переправившись через Кинджик, мы сели в кабину. Незнакомый шофер, узнав, что мы едем в больницу к Христофору, довез до ворот. Спросил:

— Подождать?

— Чего уж, поезжай...

— Я обожу минут пять. Если что плохое — скажете.

Больница находилась у самых гор. Везде было давно темно, а над горами все висела светлая полоска, похожая на облако. Где-то там, за горами, садилось зимнее солнце.

Ворота были закрыты. Постучались — никого. Тогда, подобрав животы, мы пролезли под ними, прошли через двор, поднялись по ступенькам и остановились в конце коридора.

— Куда? Куда вы? Уходите! — закричала и замахала на нас руками женщина в халате.

— Простите, не сюда привезли Христофора Дураниди? С Головного узла?

— Дураниди? Никакого такого нет! Уходите! — потом, смягчившись, спросила: — А кто он?

— Эскаваторщик.

— Подождите. — Она ушла и возвратилась нескоро.

— Нельзя к нему.

Из-за спины женщины показался смуглолицый человек лет сорока, в белом халате и белой шапочке. Женщина оглянулась.

— Вот, поговорите с доктором,— и обернувшись к нему, сказала:— Эти молодые люди насчет Дураниди, который с переломом ключицы. Хотят навестить.

Доктор внимательно оглядел нас и покачал головой.

— Состояние больного очень серьезное. У него несколько тяжелых переломов. Сейчас он в гипсе, после операции...

— Может быть, хоть на две минуты? — попросил Кандыба.

— Нет, Нельзя.

— Мы только посмотрим... — попросил я.

— Нет,— сердито буркнул доктор.— Приходите через неделю. Непривычно.

Мы вышли из больницы в сплошную темень. Бензовоза у ворот не было. Холодный снежный ветер гнал по улице сухие листья. Около моста нам неожиданно удалось сесть на машину, и мы довольно быстро добрались до соцгорода.

В бараке уже спали Карим и Архипка. Мы разбудили Карима.

— Нашли?

— Нашли! — Мы начали рассказывать про больницу. Проснулся Архипка.

— Бедный Христофор,— сказал Архипка.

Карим поставил на стол чайник.

— Недавно вскипел. Дать сахару?

Николай ничего не ответил. Он бросил свое огромное мускулистое тело на койку, подsunул голову под подушку и замер. Я предложил ему чаю, он не пошевелился.

Пока я пил чай, Карим надевал костюм, потом намочил волосы и тщательно причесался. Архипка тоже начал одеваться.

— Я уже подал заявление в школу экскаваторщиков,— сказал Архипка.— Думаю, что так будет лучше.— Он помолчал немного и заметил: — С прошлым решил проститься.

— Почему? — спросил я.— Что оно, разве невеселое было?

— Ты, смотри, парень не дурак,— ответил он мне.— Зря я с тобой так часто цапаюсь.

Он надел галстук и сел на кровать. Облокотившись на спинку, он сказал:

— Эх, неправильно устроена жизнь! — И стал мечтать: — Хорошие люди сидят сейчас за богатым столом в убранных шелками комнатах, слушают роскошную музыку. Выпили по чарочке, чуть-чуть закусили и смотрят на часы. Пробьет двенадцать, зазвенят бокалы, люди пожелают друг другу удачи. Да, да, удачи, каждому человеку нужна удача. Потом мужчины обнимут хрупкие талии красивых дам с накрашенными губами, с маникюренными ногтями, и начнутся танцы. Они будут веселиться до утра.— Архипка поднял с кровати брезентовые рукавицы, замасленные мазутом, и помахал ими над головой.— Эх, Архипка, Архипка,— произнес он.— Когда-то и ты был человеком, а что сейчас представляешь?..

Он подошел к кровати Николая и поднял подушку.

— Вставай, Николай,— сказал он, хватая его за руку.— Пошли! Зайдем к Рахили. Она сегодня ездила в Ташкент, у нее кое-что найдется. Может, и Валька там. Что ты здесь с Валькой совсем не того?.. На Пятиречье-то, помнишь?

Кандыба вырвал руку и, приподнявшись, оттолкнул Архипку.

— Иди,— спокойно сказал Кандыба, но мне показалось, что он еле

сдерживается.— Иди к своей Рахили, мне она не нужна, и Валька не нужна. Я знаю куда мне идти...

— Чего толкаешься? Чего бесишься? — завопил Архипка.

— Ты молчи лучше, — сказал Николай и сжал зубы; скулы на его лице задвигались.— Говоришь, с прошлым простился? Чего это ты сегодня с ним прощаться надумал?

— Чего ты ко мне вяжешься?!

— Убирайся! — закричал Николай и сжал кулаки.— Ну?!!

Архипка бросился к своей кровати, схватил пиджак и выскочил вон. Из соседнего барака доносились звуки гармонии, слышались веселые голоса.

— Что с тобой, чего ты затаился? — спросил я Николая, хорошо понимая, почему он обрушил весь свой гнев на Архипку.

В дверь постучали. Николай отошел от меня, сел на койку и, взяв в руки гитару, громко крикнул:

— Входи!

Дверь не отворилась.

— Подумаешь, какая деликатность! Не хочешь входить, стой, мерзвини! — Он запел. Эту песню он еще никогда не пел.— Мексиканская, — объяснил он.

Стук повторился. Я подошел к двери, высунул голову, но в темноте никого не увидел. Хотел уже притворить дверь, как услышал знакомый голос:

— Джевдед..

Я подбежал к Ираде.

— Знаете, Бекиров... — сказала она.— Вы только не удивляйтесь. Я хотела вас пригласить с собой... Вы сегодня свободны?

Глава тринадцатая

— Я? Свободен? С вами?

Меня бросило в жар. Ирада сказала своим мягким голосом:

— Ну да. Я спрашиваю, если свободны... Ведь сегодня все встречают Новый год.

— Я сейчас! — Я кинулся к двери, потом вернулся и, чувствуя себя дураком, сказал: — Извините. Одну минуточку.— Не мог же я пригласить ее в барак!

Быстро переодевшись, я побежал к двери и оглянулся на Николая. Он смотрел на меня с улыбкой. Я подошел к нему и протянул руку.

— Эх, дружище! — Он сделал недовольный вид, что-то пробурчал и тихонько подтолкнул меня к двери: мол, ладно, иди. Я вылетел из барака и увидел, что Ирада уже далеко. Я догнал ее.

— Пойдемте быстрее, нас давно ждут, — сказала она.

— Кого это нас? — спросил я.

— Ну, вас, конечно...

— Вас? Меня? А Турсунова?

Ирада сначала рассердилась:

— Да как вы... — потом засмеялась.— Какой вы глупый, Джевдед! Если бы я захотела пойти с Турсуновым, то вряд ли стоило мне заходить за вами? А?

— Вы поссорились? — с надеждой спросил я.

— Смешно! Вы ревнуете? Это смешно. Ревность — пережиток! — Ирада вздохнула.— Хотя, если любишь... — Потом она посмотрела на меня и сказала серьезно: — Мы не ссорились. Он мне никто. Ну, идемте скорей.

Она меня любила, моя Ирада. А я, мальчишка, этого не понимал.

Дорога была скользкая. Я шел рядом с Ирадой и мне хотелось взять ее под руку. Наверное, мне пришло это в голову потому, что на этот раз у нее не было в руках чертежей и книг, которые она вечно таскала с собой. Она шла не оборачиваясь, твердо ступая по скользкой земле. Я топал рядом с ней и молчал.

— Какой ужасный случай,— сказала Ирада.— Вы были у него?

— Был.— Я рассказал о посещении Троицкой больницы.

— А рука будет двигаться?— спросила она.

— Не знаю. Врач говорит, что состояние тяжелое...

— Мы пришли,— сказала Ирада.— Но сначала доскажите.

Мы стояли у дома, мимо которого у уже сегодня проходил. Это был тот самый дом в квартале инженеров, с голубой дверью и металлическим кружком английского замка.

— Бедный Христофор,— грустно сказала Ирада.— Не везет ему: то глаз, то теперь это ранение...

— Не везет,— согласился я.

Дверь была открыта. Мы вошли в маленькую прихожую. Там никого не было. На лавку, стоявшую у стены, были навалены брезентовые плащи, куртки, ватники. На вешалке — несколько пальто с меховыми воротниками. Мы такие пальто называли городскими. Я помог Ираде снять курточку и повесил на железную ручку окна. Ирада сняла сапоги и достала откуда-то сверток. В нем оказались туфельки на высоких каблуках.

— Мы так всегда делали в институте, когда ходили в гости,— сказала она, прыгая на одной ноге.— А то разве мыслимо по нашей грязи...

Открылась дверь, вошла красивая, незнакомая мне женщина в черном платье с белым шарфом на плечах.

— Ира,— с досадой сказала она, и я с изумлением узнал в ней нашу Анну Яковлевну,— сколько можно ждть?— Она взяла ее за плечи и подтолкнула вперед, кивнула мне головой и протянула руку. Вот уж не ожидал, что попаду к ней на встречу Нового года! Я подтянул ремень, поправил гимнастерку и, кашлянув, смело двинулся за Ирадой. Ирада повернулась ко мне и сказала:

— Анна Яковлевна, это Джевед Бекиров, который...

— Ну, уж его вы мне, пожалуйста, не представляйте! Уж кого-кого, а его я отлично знаю по истории с обводным каналом.— Она похлопала меня по плечу и улыбнулась.— Очень, очень рада, что в этот день вы у меня... Прошу вас, входите...

В небольшой ярко освещенной и довольно скромно обставленной комнате за длинным столом уже сидела большая компания.

При нашем появлении мужчины встали, чтобы поздороваться с Ирадой. Затем начали сдвигать стулья, давая возможность втиснуться и нам. Тут был и наш Алмазов с женой. Увидев меня, он подмигнул, наклонился к жене и что-то сказал ей на ухо. Она тоже посмотрела на меня и, улыбнувшись, кивнула головой.

Анна Яковлевна объявила:

— Вот, товарищи, тот самый Бекиров... Помните протоку в обводном канале? Это он ее обнаружил...

Я страшно смутился, когда все гости, словно по команде, повернулись ко мне. Мне казалось, что они смотрели на меня очень долго. Я так растерялся, что даже забыл снять фуражку, потом я решил, что не стоит ее снимать. Наконец я все-таки снял ее и стал перекладывать из одной руки в другую, и мне казалось, что все видят мою неловкость и только из жалости не смеются. Анна Яковлевна подвела меня к одному из гостей — по-видимому, самому почетному, хотя это был ничем внешне не приметный человек в очках, лет сорока, державшийся очень скромно.

— Знакомься, Вадим.— И ко мне:— Это Вадим Семенович — наш начальник, начальник технического отдела Кинджикстроя.

— Давно ли я стал твоим начальством, Анна Яковлевна...— улыбнулся Вадим Семенович.

— Когда-то он был моим заместителем,— с гордостью заметила Краснянская.— Ну, Абдуллу Садыковича Мансурова вы знаете, Сигизмунда Генриховича тоже.— Менжевецкий был в черном костюме, идеально выбрит, как и в прошлый раз, когда я видел его на лекции. Рядом с ним сидел наш парторг Джураев. Затем меня представили жене Мансурова и жене Алмазова.

Примерно одного возраста, одинаково одетые в белые блузки и синие юбки, эти женщины на первый взгляд были даже похожи друг на друга. Но потом сразу замечалась скромность и доброта одной и язвительность другой. Екатерина Васильевна Мансурова осмотрела меня так, как рассматривают лошадь, усмехнулась и внимательно взглянула на Ираду.

Я сел рядом с Ирадой.

— Прошу наполнить бокалы,— обратилась Анна Яковлевна к гостям.

Кто-то налил ей водки, и она взяла рюмку, подняла ее.

Я налил вина Ираде, себе и своей соседке — жене Алмазова.

— Осталось две минуты, давайте сначала проводим старый год.

Все выпили. Зазвенели ножи и вилки.

— Снова, снова налить! —скомандовал Джураев.

Кто-то вспомнил про приемник, и мы услышали голос Юлаша Ахунбабаева — председателя ЦИК Узбекистана. Он говорил очень спокойные, простые, добрые слова. Он упомянул и о нас, сказал, что подвиги хлопкоробов и строителей Кинджикстроя народ никогда не забудет.

Когда он умолк, Анна Яковлевна вполголоса сказала:

— Ну, вот. Значит, надо скорее заканчивать обводный канал, а потом плотину на Кинджике и одновременно деривационный канал и каскад гидростанций.

— Обязательно,— сказал Вадим Семенович.— Давайте выпьем за Кинджикстрой!

Мы выпили.

— Помнишь, Вадим,— сказала Краснянская,— как приехали сюда? Сначала были одни кетмени, а теперь, смотри: паровозы, экскаваторы. Так и на Днепре было...— Она тряхнула головой.— Что же я разболталась! Пусть тамада командует.

Джураев сказал:

— Слово имеет Сигизмунд Генрихович.

Менжевецкий поднялся, поправил галстук, аккуратно налил в свою рюмку вина, широким эффектным жестом поднял ее.

— Дорогие товарищи! Мне хочется, чтобы все выпили за нашу работу, за наш прекрасный коллектив, за нашу дружбу.

Все зааплодировали. Менжевецкий оглядел гостей и с улыбкой обратился к Анне Яковлевне:

— За нашу очаровательную хозяйку и всех присутствующих здесь дам!

Андрей Захарович уже успел выпить за дружбу целый стакан водки и ему пришлось срочно наливать другой.

Мансуров пил маленькими глотками, зажмурив глаза,— будто горькое лекарство.

Выпить претью рюмку муската Ираде было трудно, она отпила немного. Отставила. Завязался разговор. Ирада молчала.

— Как Миша?—спрашивал у Краснянской Вадим Семенович.

— Представь, отличник!

— А Лена?

— Лена тоже хорошо учится, хоть и слабенюкая. Здоровьем она в отца.—Анна Яковлевна умолкла. Я представил ее в тот момент, когда ей сказали о смерти мужа на Днепрострое. Прошли годы, подросли дети. Продолжается беспокойная жизнь, и, видно, что Анне Яковлевне очень не хватает этого человека.

— Да,—сказал Вадим.

— Да,—повторила Анна Яковлевна. Потом она сказала:—Знаешь, Вадим, никогда не верь женщинам, а особенно таким, как я, вдовам, и вообще одиноким женщинам. Они стараются делать вид, что им живется легко. Чепуха! Как бы они ни хвастались свободой от домашней суеты и многим другим—все это вранье. Пусть женщина будет занята все двадцать четыре часа приготовлением картофельных котлет и стиркой пеленок, пусть она вечером слышит громкий стук в дверь и, отворив, видит перед собой хмурого мужа—все это в конечном счете много лучше, чем одиночество, потому что это—семья.

— Не дай бог!—воскликнула Екатерина Васильевна—жена Мансурова. Она была зла и красива. Очень красива—какой-то открытой, обнаженной красотой.—Я бы отдала все на свете, чтобы лишиться этого счастья!

— Зачем вы рисуетесь, Катя?—заметила с грустью Анна Яковлевна.—Что бы вы делали без мужа?

— Без мужа? Работала бы! Может, я не стала бы таким знаменитым человеком на стройке, как Мансуров...

— Оставь, Катя,—сказал Мансуров.

— Правда, правда!—это с налета врезалась в разговор Ирада. То ли очень уж накипело в душе у нее против Мансурова, то ли две рюмки муската разбудили в ней бесенка. Она с шуливой торжественностью провозгласила:—Нет на строительстве более знаменитого человека, чем Мансуров.—И уже серьезно продолжала:—Кто хочет убедиться—пусть ознакомится с работой экскаваторного парка. План требуют с нас, а Мансуров всегда в стороне!

— Ты что хочешь сказать? Он плохой инженер?—с горячей непоследовательностью воскликнула Екатерина Васильевна.—Это твое личное мнение или официальное?

— Личное,—сказала Ирада.—И официальное. Это одно и то же.

— Не слишком ли много берешь на себя, Ира?!—вскипел Мансуров.

— Ира!—вмешалась Анна Яковлевна.—Екатерина Васильевна, прошу вас, оставьте. Не место и не время, право...

— Нет, что она вообразила о себе!—продолжала Екатерина Васильевна.—Ты думаешь, если Турсунов...

Столько откровенной неприязни было в позе, в глазах, в голосе Екатерины Васильевны, что Ирада сразу сникла. Куда-то девался блеск ее черных глаз, медленно сошел с лица румянец, когда вслух, при всех, громко было названо имя Турсунова. Все растерялись, а Ирада—мне стало больно смотреть на нее и я отвернулся.

Умница Менжевецкий нашелся:

— Турсунов!—подхватил он.—Слышите, дорогой Закир Гулямович, окажись Турсунов на вашем месте, он не стал бы думать о втором акведуке!—Менжевецкий обратился к Екатерине Васильевне с извинением, что перебил ее, и продолжал:—Ну, попробуйте доказать мне, что он нужен!

— Какой акведук?—спросила Ирада, изо всех сил стараясь казаться спокойной.

— А, пожалуй, это очень интересная мысль,— сказала Анна Яковлевна.— Слышишь, Вадим?

Начался инженерский спор, к которому все стали прислушиваться. Я не вдруг понял, в чем дело, а когда понял, то сразу же стал на сторону Менжевецкого.

Дело касалось проекта сооружений.

Я уже рассказывал, что когда плотина поднимет воду Кинджика, она пойдет по деривационному каналу, на котором и будут построены гидростанции. По проекту, составленному при консультации шведской фирмы, поперек деривационного канала должно быть построено так называемое силовое русло. Я уже рассказывал, какой урон нанес силь, случившийся зимой, а весенние силы были еще сильнее. В головной части деривационного канала местность такова, что можно было ждаль любых неожиданностей. Вот почему на этом опасном месте собирались построить силовое русло — бетонированный канал, который должен был пройти под деривационным каналом и выйти в нижний бьеф, то есть в Кинджик по нижнюю сторону плотины. Над силовым руслом проектировали возвести два моста: для железной дороги и автомобильного шоссе.

Менжевецкий на крышке папиросной коробки нарисовал прямоугольный треугольник. Катеты изображали деривационный канал и силовое русло.

— Я за гипотенузу,— говорил Менжевецкий, прочеркивая спичкой жирную линию.— Пускай лучше силовое русло пройдет прямо в водохранилище и не нужно будет пропускать один канал под другим, а главное — строить акведук и два моста. Куда проще отвести силовое русло в водохранилище. Анна Яковлевна тоже так думает. Я не ошибаюсь? — вежливо спросил он ее.

— Это, действительно, превосходная идея! — воскликнул Джураев.

— Вот какой новогодний сюрприз вы решили мне преподнести,— сказал Вадим Семенович, строго глядя на Краснянскую и машинально пододвигая к себе папиросную коробку.— А вообще-то, конечно, об этом можно подумать.

Начальник экскаваторного парка Мансуров покосился на Вадима Семеновича и сказал вполголоса:

— Так намного увеличатся... наши работы, экскаваторные.

— Вы думаете? — живо обернулся к нему Вадим Семенович.

— Ну, это не самая большая беда,— улыбнулся Менжевецкий.— Если принять во внимание, что мы на мостах сэкономим по меньшей мере два миллиона.

— Товарищу Мансурову как бы поменьше работы,— сказала Ирада.— Это ведь замечательная мысль, Абдулла Садыкович, как вы этого не понимаете?

— Тебе всегда на чужом горбу в рай дорога,— проворчала вполголоса Екатерина Васильевна, сразу вставшая в защиту мужа.

— А ты что молчишь? — спросила Алмазова его жена.

Тот блаженно улыбнулся:

— Я всегда с народом!

Алмазов уже пошатывался. Он облокотился на спинку стула и попытался объяснить жене, почему он всегда с народом. Она накладывала ему в тарелку винегрет.

— Ешь скорее!

— Давай, давай! Я съем, я все съем...

Справедливости ради надо сказать, что он быстро пришел в себя и потом почти не пил.

— Эхе-хе, дорогой Сигизмунд Генрихович, где вы были раньше? —

оторвался наконец от папиросной коробки Вадим Семенович. — Ведь проект утвержден во всех инстанциях. Если его изменять...

— Где я был? На стройке! — улыбаясь ответил Менжевецкий. — А если говорить о проекте...

— Да я совсем не о том... — задумчиво сказал Вадим Семенович.

— Товарищи! Я предлагаю выпить за творчество. За хороших, честных инженеров, — предложил Джураев. — Раз, два, три! — командовал он. — Пьем за ваше здоровье, Сигизмунд Генрихович!

Джураев выпил и сел. Менжевецкий поклонился, откашлялся и вполголоса сказал:

— Я... не привык... чтобы ко мне относились так. И поэтому ваш тост, товарищ парторг, меня особенно трогает.

— Я сказал, что думаю.

— Благодарю вас. Доверие — это самое ценное... между людьми...

— Доверие? — искренне удивился Джураев. — А разве может быть какое-нибудь недоверие между нами?

— Гм... Благодарю вас, — снова сказал Менжевецкий.

— Товарищи! Выпьем за новое пополнение рабочего класса, — провозгласила новый тост Анна Яковлевна и взглянула на меня.

Ирада захлопала в ладоши и чокнулась со мной.

— Он тоже студент, — сказала она Менжевецкому, показывая на меня.

— Собственно, почему тоже? — удивился инженер.

Все засмеялись.

— Вы на практике? — спросил Сигизмунд Генрихович.

— Я ушел со второго курса, — ответил я и рассказал ему, как было дело.

— Понимаю, понимаю, — кивнул головой Менжевецкий. — Услышали, что фашисты бряцают оружием и решили пойти в военную школу. Ясно, предельно ясно! Но что получается. Мы, видите ли, грозимся, а он, фашизм, пока жив-живехонек и чувствует себя неплохо.

— А для чего мы строим эту плотину? — перебила его Ирада. Она очень рассердилась. Она вообще очень быстро вскипала, а утихала медленно.

Мы в ту пору считали, что в любую минуту сможем без проволочек, одним ударом сокрушить фашистские армии, ведь для укрепления обороноспособности мы строили новые гидростанции, заводы, шахты:

— Эти доводы не для меня, милая барышня, — отвечал Сигизмунд Генрихович. — Против фашистов нужны не только плотины, а и порох. По мне, нужно бы строить больше пушек. Я человек далекий от политики и думаю так: фашизм как гнойник, лучше сразу вскрыть его. И я вижу в борьбе с фашизмом только одно средство: уничтожить его.

Начался один из тех споров, которые часто вспыхивали в те времена.

...Три фашистских государства существовали тогда на земле: Германия, Италия, Япония. Германия и Япония вышли из Лиги Наций и бешено вооружались. Так образовалось три очага войны. Уже разразилась война в Африке против Абиссинии. Осенью 1936 года германские и японские фашисты начнут войну против республиканской Испании, против народа.

Да, было очень тяжело в те годы, очень трудно было строить новую промышленность, создавать колхозы и крепить оборону. Это не могло не отразиться на быте людей, которые еще в тридцатые годы закладывали грядущую победу над фашизмом.

Что бы мы делали в сорок первом году, если бы предшествующее десятилетие не создавали нашу тяжелую промышленность, энергетику?

Джураев, внимательно слушавший Менжевецкого, предложил тост:

— За победы! Не допускать ни одного поражения! Только за победы!

— Даже не думая о том, какими средствами они достигаются? — спросил Менжевецкий.

Ах, каким он был недипломатом! В нем сохранилась какая-то странная, немного смешная инженерская поза. Эдакое кокетство. Со всем не те были здесь люди, чтобы красоваться перед ними. Да и сам он не был таким. Он окончил горный институт в годы революции, очень походил, как мы тогда говорили, на старорежимного инженера, но был удивительно хорошим человеком, для которого работа на благо Родины всегда была превыше всего.

Анна Яковлевна, заметив, что в другом конце комнаты беседа стихает, завела веселый разговор с Вадимом о том, как когда-то они сдавали экзамены очень рассеянному профессору, как убегали от строгого старосты...

— Не думал, что этот год встречу здесь, — сказал Вадим Семенович. — Хотел в Сибирь — не пустили. А когда узнал, что ты на Головном, сразу согласился. — Он оглядел нас и добавил. — Вообще студенческая дружба — самое ценное, что есть на свете. Давайте выпьем за нее.

— Ну и зря, что не уехали в Сибирь, здесь дыра такая... — сказала Екатерина Васильевна.

— Какая же тут дыра? Вот придет лето...

— Лето! Мы знаем здесь все прелести — и зимние и летние. И столовая здесь такая, что — не дай бог. И эта Сабира-хола со своими дурацкими вопросами: кто ты, да откуда ты?

Принципиальная Ирада не выдержала:

— Стыдно так говорить! Страна переживает большие трудности.

— Лучше всех кормят экскаваторщиков, — сказал с усмешкой Алмазов, который уже пришел в себя. — На обед — бульон, на второе — баранья отбивная, а на третье — какао. — Все засмеялись: меню Алмазова было чудовищным преувеличением.

Заиграл патефон, и мужчины стали отодвигать стол.

Я танцевать не умел, вернее не умел танцевать фокстрот. Хайтарму — другое дело. Ну, на худой конец, вальс.

Пока я раздумывал, к Ираде подскочил Мансуров, подхватил ее, и они открыли танцы.

Я почувствовал на себе чей-то взгляд. Это Екатерина Васильевна пристально глядела на меня красивыми злыми глазами. Я отвернулся к окну.

...Под утро мы прощались.

— Значит, завтра в Ташкент, — говорил Вадим Семенович, обращаясь к Менжевецкому и Анне Яковлевне. — До завтра! Посмотрим, что они там скажут насчет акведука. Ведь проект утвержден...

— Ничего не скажут, — вставила Ирада. — Обрадуются.

— Вы думаете? — несколько иронически заметил Вадим Семенович.

— Уверена!

— Твоими бы устами мед пить, — засмеялась Анна Яковлевна.

Когда мы вышли на дорогу, снег еще валил.

Мы ходили немного по поселку, потом я проводил Ираду до ее дома. Ирада, наверно, ждала от меня каких-то слов, душевности, нежности. Она что-то говорила, а я слушал ее голос, глядел в лицо и любовался ею.

В это время неподалеку показались неясные силуэты людей. Доносился женский смех.

— Это они, — сказала Ирада. — Идите. Это Екатерина Васильевна с мужем и еще кто-то.

— Ну и что же?

— Спокойной ночи, Джеввед. Идите и не попадайтесь им на глаза. Вернее — ей на глаза.

— Вам не нравятся ее глаза? — засмеялся я.

— Мне не нравится, как вы шутите. — строго сказала Ирада и скрылась за дверью.

Глава четырнадцатая

— Везет вашему экскаватору, — говорили мне ребята. — То взрывом кого-то покалечит, а сейчас этот песок... Что вы за люди такие? ...Шло заседание комитета комсомола. Обсуждался один вопрос — с песке.

Дело в том, что на нашем участке был вскрыт пласт песка, который годился для бетона. Прежде паровозы в думпкарах возили песок километров за двадцать, а тут — пожалуйста, не нужно никаких машин, экскаватор круглые сутки выбрасывает песок в отвал. Значительно выгоднее проложить путь и вывозить песок от экскаватора.

Мысль эта принадлежала Краснянской, но беда заключалась в том, что шпал и рельсов не хватало, а кроме того, к нашему экскаватору трудно было подвести железнодорожные пути, так как плотно для большегрузных вагонов было непрочное — та самая рыхлая почва, которая однажды чуть не сыграла роковую шутку с нашей машиной.

Словом, поговорить поговорили, а сделать ничего не сделали. На заседание комитета комсомола были вызваны инженер-железнодорожник и представитель бетонного завода.

Председательствовавшая на собрании Ирада дала сначала слово представителю завода. Это был молодой паренек в больших черных очках — начальник участка заготовительного цеха. Он прочитал анализ, и выходило, что наш песок значительно лучше того песка, который бетонный завод получает из карьера, и, если бы железная дорога...

— Да поймите же, товарищи, — убеждал нас представитель железной дороги. — Мы все сами понимаем, не хуже вас, но нету возможности! Где шпалы, где рельсы? Нету их! Понимаете? Вы что хотите, чтобы паровозы грохнулись в ваш обводный канал?

— Простите, Алексей Георгиевич, — перебил инженера секретарь комсомольской ячейки железнодорожного депо. — Наша «Легкая кавалерия» среди старых шпал и рельсов нашла пригодные. Не совсем чтоб хорошие, но можно их использовать.

— Сколько раз я вам говорил, Леша, — сказал представитель железной дороги, — не горячитесь. Ведь железная дорога — дело серьезное. Сказано — нету возможностей.

Я слушал, как они спорили, и с интересом глядел на Ираду. Как она решит? Что скажет?

Кто-то из членов комитета пытался остановить спорщиков.

— Да прекратите вы!

— Дай им поговорить, — заметила Ирада. Она посмотрела на часы и улыбнулась мне.

Никогда не было такого безалаберного заседания. Люди спорили друг с другом и, казалось, что толку от такого обсуждения не будет и быть не может. Наконец, Ирада постучала карандашом по столу и сказала, что сейчас на заседание придет Анна Яковлевна и с ней можно будет посоветоваться.

Спор сразу умолк, ребята закурили, Ирада посмотрела на часы и в это время в коридоре раздались быстрые шаги.

Вошла Краснянская, поздоровалась со всеми сразу и села рядом с Ирадой.

— Ну, как? — спросила она. — Договорились?

— Да вот спорим с железной дорогой, — ответило сразу несколько голосов.

— А напрасно! Я только что была в депо. Вместе с начальником осмотрела все резервы, весь ваш так называемый утиль. Мне кажется, что «Легкая кавалерия» права. Ребята очень тщательно все обшарили и даже отложили сотни две шпал. И эти шпалы, пожалуй, ничем не хуже тех, которые лежат у нас на дороге. — Краснянская обратилась к инженеру-железнодорожнику: — Только надо проследить за полотном. Если хорошо будете следить, Алексей Георгиевич, то полотно выдержит.

После этого заседания комитета комсомола настали какие-то сумасшедшие дни. Комсомольцы и молодежь Головного узла решили сами проложить эти четыре километра пути. И, конечно, мы, нижники, специалисты этого дела, стали десятниками. Дорогу было решено построить за неделю, и, хотя нам говорили, что в такой спешке можно наломать дров, но мы не сдавались. После смены мы порой даже не забегали в столовую, а шли на стройку. Снаряжение у нас было самое примитивное: лом, кирка, лопата. Механизмов получить не удалось. Мы сами вручную грузили шпалы и рельсы на дрезины и везли по готовому пути к месту укладки.

Путь был готов на шестые сутки.

К началу второй смены у нашего экскаватора собралось много рабочих. Подошел паровоз, остановился у стрелки и медленно тронулся, утрамбовывая себе путь. Но мы знали, что это еще не испытание. Паровоз ушел в депо, а спустя полчаса вдалеке показался первый поезд. Железнодорожники беспокоились:

— Это что? Это что? — говорили они, указывая на старые шпалы. — Разве так можно? Вот нагрузят вагоны, того и гляди рельсы разойдутся. Укрепить-то укрепили, а рельсы сами разойдутся..

Краснянская стояла на экскаваторе рядом с Алмазовым. Когда подали первый вагон, Алмазов осторожно высыпал песок из уже наполненного ковша, быстро повернул стрелу и бросил ковш вниз. Через несколько секунд он уже поднимал его и осторожно вываливал влажные глыбы в остальные думпкары.

— Отойдите от полотна, отойдите! — кричала Краснянская. Она понимала, что если рельсы раздадутся, то какой-нибудь из думпкаров может опрокинуться и придавить стоящих рядом рабочих.

Я не знаю почему, но приказ Краснянской я понял совсем иначе. Мне показалось, что она не боится за нас, а сомневается в нас, в нашей работе, сомневается в том, в чем мы были уверены. О, надо ей доказать, подумал я.

Я посмотрел, нет ли поблизости Ирады, она бы, конечно, меня поддержала, но она стояла далеко, у паровоза. Под тяжестью состава шпалы начали чуть оседать. Может, это было не везде, может, только нам это было заметно. Когда Краснянская снова крикнула: «Уйдите с полотна!» — я подбежал к ближайшему думпкару, взобрался на него и стал размахивать руками и кричать, что, дескать, наша работа такая, что ничего не будет, и рельсы не разойдутся, и поезд пройдет. На другие думпкары тоже забралась люди.

Путь был проложен по довольно узкому гребню: с одной стороны Кинджик, с другой — обводный канал. С платформы казалось, что находишься на горной вершине. И с этой высоты стало заметно, как от тяжести состава на полотне появились осыпи и кое-где оголились засыпанные гравием шпалы.

Закричала Краснянская, пробежала мимо Ирады, кому-то погрозив кулаком, вернулась обратно и остановилась около нашего думпкара. На нем стояло человек десять строителей. Я спустился, оперся

ногой о бугор и протянул руку; Ирада, наверное даже не понимая, что делает, машинально взобралась к нам и тоже заулыбалась, обрадовалась.

Поезд тронулся и пошел, сначала медленно, потом быстрее. И всю дорогу мы, человек пятьдесят, а, может быть, и сто, стояли на думпках, размахивали руками, кричали «ура», хлопали друг друга, обнимались, и так доехали до конца.

На участке заготовительного цеха, около мощных транспортеров, которые подавали песок и гравий в бетономешалки, мы соскочили на землю.

— Вот хорошо, ребята, — сказал начальник участка, тот самый паренек в очках, который выступал на заседании комитета. — вот вовремя, а то для шестого номера уже маловато песка. Я уж думал простой будет: и с карьера нет песка и от вас нет; думал, простой будет...

Думпкеры опрокинулись, вывалился песок, и паровоз стал подавать платформы назад. Он остановился перед стрелкой и пропустил встречный состав, уже груженный песком. Работа пошла.

Справедливости ради надо заметить, что за полотном приходилось все время следить, укреплять его, а кое-где заменять рельсы и шпалы. Но работа не прекращалась. Бетон шел на строительство соцгорода, дорог, складов. Из бетона готовили плиты для перекрытия Кинджика. Скоро мы закончим обводный канал и возьмемся за плотину — вот тогда пойдет бетон не с одного завода. Тогда его потребуется много.

...Я рассказал историю про песок и железную дорогу потому, что она характерна для работы комсомольцев. Мы, комсомольцы, считали, что нам до всего дело, всюду совали свой нос и на любом участке старались помочь.

По газетам, по спецвыпускам «Комсомольской правды», по радио, по рассказам людей, побывавших в Сталинграде, мы знали, как строится Сталинградский тракторный завод. Работа комсомольцев-тракторостроителей была для нас образцом.

Мы знали до мелочей все, что делается на Тракторострое: там на полу в механосборочном белели нарисованные мелом квадраты, где будут установлены станки; в кузнице зияли провалы и ямы, словно здесь с корнем вырвали деревья, — это были котлованы под еще не установленные молоты. Но уже работал большой конвейер, на котором собирали первый трактор, и завод был объявлен готовым к пуску. Это было почти стихийное решение всех рабочих: готовы, мы готовы! Люди подгоняли время. Стране нужны были тракторы. Сталинградский тракторный проложил дорогу сотням заводов, которые вступали в строй вслед за ним, и в том числе нам, кинджикстроевцам. В горячей производственной практике, расширяя лбы на своих ошибках, молодые хозяева нового завода находили верный путь к овладению техникой.

Люди не спали по несколько ночей подряд, бегали из мастерской в мастерскую, подгоняли одну к другой многочисленные детали. Сборщики сами нарезали болты и гайки, сами вручную прошабривали маховички, искали шестерни, выбивали зубилом неровности, напильником подпиливали гильзы, кувалдой вгоняли их в блоки...

Догнать и перегнать! Ни одна страна мира не знала таких темпов роста. Первая пятилетка была выполнена за три года, создана мощная промышленная база. Наша страна стала могучей индустриальной державой. Мы, строители второй пятилетки, шли по проторенной дорожке. Уже нас не удивляло, что от Кинджикстроя до Ташкента есть железная дорога и шоссе, что за два месяца построена тепловая электростанция, что строители линии высоковольтной передачи устанавливали

по пять столбов ежедневно. За две недели были построены кирпичный и деревообделочный заводы. Не больше месяца монтировалась подвесная канатная дорога, а за это время достроили бетонный и гравийный завсды.

Догнать и перегнать! Овладеть техникой!— вот лозунги тех лет.

На заседании комитета комсомола было принято решение: всем комсомольцам овладеть техникой. Меня зачислили на курсы экскаваторщиков спустя месяц после начала занятий.

— Они же прошли много!— убеждал я Ираду.— Как я их буду догонять?

Но я знал, что Ирада в таких делах непреклонна.

— Ничего, догонишь.

Делать было нечего, я стал догонять. Это тоже напоминало недавний штурм на строительстве железной дороги.

Наскоро забежав в столовую после смены, я мчался в барак и, чтобы там ни происходило,— пел ли свои песни Кандыба, переругивался ли с кем-либо Архипка,— я лежал на своей кровати и читал учебник, страницу за страницей.

Однажды я вернулся домой и застал в бараке оглушительный концерт. Кандыба играл на гитаре, Архипка забивал в сапоги гвозди. Около печки разбирали какую-то деталь мотора Басит Атакулов, Рашид Махкамов и Михаил Бессараба. Они действовали кувалдой и зубилом. Карим на пороге рубил дрова.

Николай, не прерывая музыки, обернулся ко мне:

— Ты что, на свидании был?

— На каком свидании?— не понял я.

— Ладно, ладно,— усмехнулся Николай,— она девушка недурная.

Я хотел ему ответить, но не успел— уснул. Когда я проснулся, в комнате кто-то разговаривал. Еще не открыв глаза, я услышал голос Джураева. Он что-то тихо сказал, Николай ему ответил:

— Я Бекирова не стесняюсь. Он свой.

Я открыл глаза.

— Ну и спишь!— Джураев рассмеялся.— Молодец!

— Сейчас пойду в столовую,— сказал я.

— Сиди,— сказал Николай.— Я хочу рассказать парторгу одну штуку из личной жизни, только ты смотри— никому!

— Это насчет хурмы?— не выдержал я.

Кандыба выругался:

— Христофор сказал? Ах, болтун, сукин сын. Но я расскажу, что было дальше. Ты этого не знаешь?

— Я знаю, что она ушла с хурмой...— сказал я.

— Вот так секрет!— засмеялся Джураев.

— Да, ушла с хурмой, а я не пошел за ней.— Так Николай начал свой рассказ.— Мне надо было ехать в Гагры. Через месяц я снова был в Батуми и встретил ее опять возле полавка дяди Самсона. Вечер был такой славный. Она издалека заметила меня, но сделала вид, что занята разговором. С ней была подруга: черненькая такая, старше ее года на четыре. Я подошел к ним.

«Прошу прощения!— сказал я моей блондинке.— Вы меня помните?»

«Вас?— удивилась она и кокетливо улыбнулась.— Правда, лицо очень знакомое. Но не вспомню...»

«А что произошло в полавке дяди Самсона помните? Это было недавно. Вы приходили за хурмой...»

Она опустила глаза, будто старалась припомнить то, что произошло лет десять назад, потом глаза ее расширились.

«Да, да, да! — произнесла она, как артистка оперетты. — Теперь вспомнила. Так это были вы? О, как это вы подстроили искусно. Хотя все произошло так неожиданно и... получилось, я бы сказала, некорректно, что ли... Но было просто забавно».

Я с любопытством наблюдал за Джураевым: какое впечатление производит на него стиль Николая? Он ведь до сих пор говорил с ним лишь о делах, да и то нечасто.

А Николай увлекался, входил в роль. И чем больше он волновался, тем напыщеннее и «красивше» становилась его речь. Он уже шпарил как по книге. Я-то знал эту его особенность, а Джураев? Джураев сидел, слегка сгорбившись, на кровати и внимательно и серьезно слушал...

«Вот именно... забавно! — согласился я. — Именно поэтому я и поступил так. А теперь разрешите мне узнать ваше имя! Надеюсь, я имею на это право?»

«Разумеется, — сказала блондинка с очаровательной улыбкой, — мы уже почти старые знакомые. Зовут меня Маргарита».

«Маргарита! — повторил я. — Какое чудесное имя!»

Кандыба замолчал.

— Эх, если бы в этот момент мне открыли глаза! — сказал он.

— Зачем жалеть? — серьезно сказал Джураев. — Вы ее, наверно, любили...

Николай внимательно посмотрел на Джураева и ничего не сказал.

Мне понравилось, что Джураев сразу понял и серьезно отнесся к любви Николая. Если бы не любовь, разве стал бы Кандыба рассказывать о ней? Видно, с давних пор горит у него в сердце горячий камешек, горит — не сгорает. Может быть, с одного края появится сединка пепла и исчезнет сразу. И одна и та же мысль, и одни и те же воспоминания возвращаются, с которыми больно расстаться. Видно, поэтому появилась у Николая нужда в добром собеседнике. Наверно, таким простым и умным оказался Джураев. То есть он таким и был человеком, которому интересна судьба другого человека — чутким, внимательным.

Николай сказал:

— Да, никто мне тогда не открыл глаза, — и продолжал рассказывать.

Подруга ушла, и Николай пригласил Маргариту погулять. Они провели вместе весь вечер и условились встретиться завтра. Они стали встречаться каждый день. К себе Маргарита его не пускала, но к нему приходила. Она сказала, что приехала из Одессы, сняла пока комнату, а к осени ожидает приезда родителей, и они останутся здесь жить постоянно.

Николай ушел в трехнедельное плаванье. Маргарита провожала его. Когда он вернулся, они поженились. Маргарита рассказала ему, что она была замужем — недолго, всего неделю. «Он был негодяем, он обманул меня», — сказала она. И теперь ее родители очень боятся за нее.

Прошло лето. Николай как-то спросил жену, пишет ли ей мать и собираются ли они приехать в Батуми. Маргарита заволновалась, заплакала, сказала, что писем давно нет, что она сама поедет к родителям.

А на другой день она исчезла. Николай вернулся домой позже, чем обычно, дверь была открыта. Жены не было. Не было и вещей. Только несколько его старых рубашек валялось на полу.

Николай уехал. Через год он оказался снова в Батуми и стал искать свою жену. Почему-то он был уверен, что встретит ее. И встретил. Она сидела у моря, над обрывом.

Она была не одна. Короткий разговор с моряком — и тот ушел. Он извинился. С этой дамой он познакомился вчера вечером. Он не знал, что жена моряка способна предать мужа. Николай простил его.

Никто не знал, что он сделал со своей женой. Никто не слышал ее криков...

— Через неделю меня вызвали в милицию. «Избил жену?» Ну, избил. Где она? «В больнице!» Очень хорошо, так ей и надо. Акт подписать? Пожалуйста.— Николай помедлил.— Такой был разговор в милиции. А на следующий день меня списали с корабля и уволили из Советгфлота. Сначала рыбачил в артели, а потом завербовался на Пятиречье. Раз ушла любовь — прощай и море.

Николай тихо перебирал струны гитары. Он не был расстроен. Ему приятно было рассказывать о Маргарите. Он все еще любил ее...

Джураев молчал. Молчал и я. Я думал о своем — об Эльпиде. Потом я вспомнил Ираду и улыбнулся. Кандыба по-своему понял мою улыбку.

— Ты смотри, никому не говори,— сказал он и нахмурился.— Никому. Один Христофор знает. Я тебе, как другу. Думаешь, я виноват? Так разве бьют, как я ее бил? Конечно, досталось ей...

— Удивительное чувство — ревность,— задумчиво сказал Джураев.— Я много раз пытался бороться с ним — и не смог. Мне не стыдно этого, мне неприятно, что основано оно на недоверии.

Я подумал, что и Джураев сейчас расскажет свою историю, но он рассмеялся:

— К счастью, мне теперь некого ревновать. Если женюсь, то... Но это, наверно, будет не скоро.

— Почему не скоро? — спросил Кандыба.

— Надо плотину построить.

— Ну, одно от другого не зависит.— сказал Кандыба.

...Я забегу вперед и расскажу об удивительной судьбе Джураева. Год спустя наш Джураев стал политруком Интернациональной бригады в республиканской Испании. Его батальон сражался в осажденном Мадриде у стен парка Каса дель Кампо — на одном из самых горячих участков Мадридского фронта.

Потом — Военно-инженерная академия и Отечественная война. Сейчас полковник запаса Джураев — главный инженер института проектирования электростанций.

Три его сына — Мигель, Антонио и Рафаэль — недавно окончили Политехнический институт. Они с первого класса учатся вместе — сыновья республиканцев, усыновленные Джураевым. У него еще и три дочери. Старшая, двадцатилетняя Мехри, уже сделала свой выбор. Мигель и Антонио, смеясь, утверждают, что раз пошла такая семейственность, то и они будут дожидаться своих сестер — Кариму и Адолят. Но им придется долго ждать: Карима в этом году окончила пятый класс, а Адолят — первый.

Жена Джураева — видный в Ташкенте детский врач, приятельница Ирады и наш домашний доктор.

Закир Джураев почти не изменился, даже внешне. Он остался очень внимательным и добрым человеком. Вечно он с кем-то воюет: то с работниками Госплана, которые, по его мнению, чего-то не предусмотрели, то с райсоветом, когда надо дать квартиру какому-нибудь замечательному человеку. У нашего Закира почти все люди замечательные. И это умение доверять и видеть в людях хорошее — самая прекрасная черта Джураева.

Но я отвлекся. Тогда в бараке парторг Джураев оказался для того, чтобы проверить, выполнил ли я его поручение: поговорить с ребятами о дисциплине, так сказать, провести воспитательную работу. И они разговорились с Кандыбой.

Потом парторг сказал нам серьезно: у него мало времени, он не может ходить по баракам, надо же вечером самому читать, заниматься. Он так и сказал: заниматься. И я подумал: как странно, окончил человек институт, а продолжает заниматься.

Словом, Джураев просил нас здесь, в этой комнате барака, там, на экскаваторах,—помогать нашим ребятам, думать не только о себе, а и о них. И чтобы мы в свою очередь поговорили с Бессарабой, с Каримом, со всеми, чтобы следить за Архипкой, не давать ему разоряться.

Джураев не назначал нас ни «заведующими», ни «дежурными» — он объяснял, просил пошире взглянуть вокруг и быть просто хорошими товарищами, ответственными за дружбу.

Он так и сказал: «ответственными за дружбу».

Как это было необходимо—навести порядок в бараках, собрать воедино всех этих разных людей. В этом мы убедились, когда спустя полчаса после ухода Джураева, в комнату ввалился Рашид. Проклиная все на свете, он подошел к своей койке и повалился на нее.

— Ты что? — спросил его Николай. — Гулял?

— Гулял... — слышалось в ответ. — Сидел и без толку. Басит хоть в кишлак ходил, а я все без толку...

— Почему? Карамат там была?

— Была. Но знаешь ее. Я не могу ее понять. Спрашивает: где Юлдашев, а сама смеется... Как будто на зло делает. Девчата выложили на стол колбасу, селедку... Ну, сидели, веселились. Выпили по две рюмочки вина, а часу в десятом откуда ни возьмись—Валя, пьяная, и стала бузить!

— Она, наверное, хватанула в бараке плотников, — сказал Кандыба. — Они это любят... Подпойт, а потом дразнят. Но Валька пить пьет, а себя соблюдает. Ну и чудная!.. А дальше что?

— Дальше девчата попытались уложить ее. Тут она начала: «Найдите мне, говорит, Николая!», «Зачем тебе Николай?—смеются девчата.— Он на смене!»—«Все равно,— кричит она,— давайте его сюда! Не доставите мне Николая, пойду сама к нему на обводный». Мы попробовали ее утихомирить, а она как закричит: «Уходите!»— и стала кидать ложки, чашки. Чуть мне глаз не выбила. Карамат ушла, еще двое ушли.

— Глухая она, — сказал Кандыба задумчиво, — пусть она забудет все...

— Почему ты с ней не объяснишься? Она ведь любит тебя, — сказал Рашид. — Умная, красивая она.

— Не хочу... — сказал Кандыба. — Пусть как хочет живет... А ты спи, да не больно храпи, а то Архипку разбудишь...

— Его не разбудишь, — сказал я.

— Вот видишь, Джевдед?.. — задумчиво начал Николай. — Живем мы в этом бараке восемь человек и у каждого свой мир. У каждого свое горе и свое счастье. У Рашида — свое, у меня — свое, у тебя тоже...

— У меня пока нет горя... — сказал я. — А потом — счастье и горе не в одной любви...

— А в чем еще? Без любви ничего нет, — воздуха и того нет. Без любви не было бы тебя, меня, Карима, Бессарабы... Маргариты, ничего — Кинджикстроя тоже... Все от любви. Она приносит и радость и горе. Понял? О, человек не может не видеть горя! Не захочешь

его видеть, оно само придет. А вот счастье... Ты вот жил возле матери, затем был на военной службе. Это — прелесть жизни. Но вот кончилась вся эта музыка, и ты приехал сюда наивным мальчиком. Что тебя тут встретило? Не успел оглянуться, среди этих скал, покрытых туманом, как уже потерял голову.

— Откуда ты это взял, Николай? Я ее вовсе не потерял!

— Нет, Джевед! Ты ее уже потерял. Таким я был тоже, когда ходил по тихому берегу моря с Маргаритой. А потом все пошло кувырком. Теперь ты... Чего ты передо мной таишься? Я же знаю — об Ире думаешь все время.

— Нет. Нет. Ведь у меня на сердце рана — Эльпиде...

— Эх, милый! Эта твоя рана уже зажила! А Ира — она хорошая.

— Но все-таки горестей у меня нет никаких, — упрямо повторил я. — Только Эльпиде...

Проснулся Архипка, побрел к печке, налил в железную кружку горячей воды и, приспособив у стены осколок толстого зеркала, сел бриться.

— Вот кто плюнул на все в жизни... — со злобой сказал Николай, кивнув на Архипку. — У меня будет разговор с ним... И очень скоро. Эй ты, доктор, — крикнул Николай, — не забудь побрить уши!

Николай никогда не был одинаков, он менялся ежеминутно и почти никогда не повторялся.

Он встретился мне бесшабашным морячком, непрерывно кидал французские словечки. Потом я от него ни разу не слышал ни одного французского слова. Он не повторялся. Только андалузская песня под аккомпанемент гитары все время была рядом. Он пел ее по-испански, переплетая с итальянским. Непонятные слова он старался приспособить так, чтобы они походили на русские. Так итальянское «мио каро» он произносил «моя Лара».

Я улегся на койку и взялся за свои учебники. Как я ни старался догнать товарищей по курсу, мне это пока не удавалось. Курсанты учились и только, а мне после смены приходилось вышагивать в Хазар-Кент слушать лекции, переписывать конспекты, а потом шагать по грязи назад и решать задачи, рисовать схемы и учить, учить страницу за страницей.

Вначале мне казалось, что нет ничего трудного просидеть на скамейке три часа и что даже приятно прогуляться перед занятиями и после занятий по свежему воздуху, но на деле выходило, что эти прогулки за короткое время настолько измотали меня, что после постоянной сонливости началась бессонница, пропал аппетит.

Кандыба несколько раз советовал бросить занятия, а я решил: добить! Во что бы то ни стало добить! Сдать экзамены.

Но когда до экзаменов оставалось недели две, я понял, что хотя у меня и есть некоторые преимущества, как у человека, работающего на экскаваторе, все-таки теоретических знаний у меня мало и я могу провалиться. Выхода я сам найти не мог. Он пришел независимо от меня.

Однажды Ирада вызвала меня в комитет комсомола и объявила, что мы едем в командировку в Новороссийск.

— Чему вы радуетесь? — спросила она, глядя на меня, улыбаясь.

— Я давно там не был. — Ирада перестала улыбаться. Она ожидала другого ответа.

— Мы едем, но... что же вы не спросите зачем?

— Зачем? — послушно спросил я.

Дело было вот в чем. В Новороссийске застряли краны, прибывшие из Америки. Скоро должен был начаться монтаж оборудования для плотины, а кранов не было. По предложению Ирады, ее и меня

Управление Кинджикстроя и комитет комсомола направляли в Новороссийск с заданием во что бы то ни стало разыскать и срочно доставить оборудование.

— Вы понимаете, какая важная задача поставлена перед нами?— Ирада со свойственной ей точностью начала рассказывать, что советовала Анна Яковлевна, и как потом она, Ирада, звонила в ЦК комсомола и там уже заготовили обращение к комсомольцам новороссийского порта.

Потом Ирада сказала:

— Я встретила Мансурову, Екатерину Васильевну. Она говорит, что мы с вами едем на прогулку.

Я смотрел на эту решительную девушку и видел, как она старается быть до конца честной. И чужие, глупые, злые слова повторила, чтоб ничего не скрыть от меня. Пусть, мол, я все знаю. И я вдруг понял, что в моей жизни опять наступает момент, когда я должен решить важнейший вопрос. Не знаю почему, я воровато оглянулся на дверь, сделал несколько шагов вперед, неловко обнял Ираду и попытался поцеловать. Она резко отстранилась и, не глядя на меня, сказала:

— Вы меня не так поняли.

В тот же вечер меня вызвали в контору Краснянская и начальник отдела снабжения, поговорили со мной, еще раз все объяснили и передали нужные бумаги. А затем устроили репетицию, требуя, чтобы я подробно рассказал, где и как буду разыскивать краны.

Когда я уходил, Анна Яковлевна сказала:

— Вы уже знаете, что едете один? Ирада считает, что ей нельзя сейчас оставить стройку и комитет комсомола. Если встретятся трудности, телеграфируйте. А мы вам будем писать до востребования.

До сих пор я слушал ее рассеянно, потому что с утра, после разговора с Ирадой, до вечера, когда меня вызвали в контору, за эти несколько часов я успел здорово влюбиться в Ираду. Я вспомнил нашу первую встречу в Ташкенте, поход в Хазар-Кент, неудавшееся свидание, Новый год, разговоры с Кандыбой. Все видели, все знали, что я влюблен в нее, только я сам не знал! Каким идиотом я был, что раньше не открыл в себе этого чувства! Сейчас я буквально задыхался от любви. И вот она не едет! Надо было обязательно поговорить с ней, убедить, чтобы она поехала...

— Скоро сюда подойдет моя машина,— продолжала Анна Яковлевна,— зайдите в столовую, получите продукты и— в барак за вещами. Их у вас, наверное, немного? А сейчас идите в бухгалтерию.

Через десять минут я сел в тряский «фордик», нашу единственную легковую машину, и поехал в столовую, а оттуда в барак и на паром. Сутки спустя я уже сидел в поезде, вышагивая по короткому тамбуру и позванивая шпорами, которые я решил взять для солидности. Ираду я перед отъездом не видел.

...Вот и Новороссийск. Адрес простой: порт. комитет комсомола. Я был не первым толкачом— сюда до меня приезжали ребята из Криворожья и Магнитки. Но встретили меня хорошо. Я узнал, что краны прибыли, но еще не погружены. Мы пробились к начальнику порта. Ссылаясь на свои графики и расписания, он заявил, что краны будут погружены не раньше, чем через двадцать дней, так как нет порожняка.

Мы обивали пороги различных учреждений, но толку никакого не было. Грузов лежало много, очень много, больше, чем можно было поместить на имевшиеся платформы. На следующий день вместе с сек-

ретарем комитета я пришел прямо в порт. Мы собрали грузчиков и объяснили им важность и срочность погрузки. Через два дня я дал на стройку телеграмму о том, что краны со срочным грузом отправлены в адрес Кинджикстроля.

Все эти дни я спал очень мало, два-три часа, ночевал в комитете комсомола, приставляя к лавке три стула разной высоты.

...Вот и Ташкент. Завтра я буду дома! На вокзале я зашел в парикмахерскую. Из зеркала на меня глядел кто-то очень знакомый, но страшно обросший и вздохмаченный. «Наверно, я буду таким в семьдесят лет»,—думал я, пока меня приводили в порядок.

Легкой походкой, чувствуя себя счастливым и помолодевшим на пятьдесят лет, я вышел на привокзальную площадь. Все та же площадь. О многом она мне напоминает. Какой-то поэт сказал: все кончается кладбищем и вокзалом. Не знаю, почему ему пришла в голову такая грустная мысль. Для меня этот вокзал был всегда началом. Отсюда я отправлялся в военную школу, сюда приехал после демобилизации, отсюда уезжал на Кинджик... Хорошие все-таки ребята в Новороссийском порту. С их помощью я выполнил задание Кинджикстроля даже быстрее, чем рассчитывал..

— Вас-то мне как раз и не хватает,—раздался рядом со мной знакомый голос. Передо мной стояла Екатерина Васильевна Мансурова.— Я вам кричу, а вы даже не замечаете,— сказала она и поставила у своих ног корзинку.

— Я не заметил вас.

— Я вижу, что не заметили! Замечались, наверно.— Она кивнула в сторону корзинки:— У вас есть полчаса времени? Помогите мне донести вещи.

Мы пошли. Корзинка оказалась тяжелой. Всю дорогу Екатерина Васильевна что-то рассказывала.

— Вы надолго в Ташкент?—спросила она.

Я рассказал, что приехал из Новороссийска и что краны идут в Кинджикстрой срочным грузом.

— Ах, какой вы молодец! Ах, какой вы молодец!—повторяла она.— Я же говорила Мансурову, что давно вас надо выдвигать.

— Куда выдвигать?—поинтересовался я.

— Ну, как же! Вы—комсомолец, умный человек, почти с институтским образованием, а работаете простым нижником.

— Ну, положим, мое образование еле начато.

Екатерина Васильевна рассмеялась.

— Вот видите, вы и скромны вдобавок!—Сейчас она была приятнее и добрее, чем тогда на новогоднем вечере у Краснянской.— Здесь у меня подруга живет, милая одинокая женщина. Знаете, сейчас мало таких, как она. Я вам когда-нибудь расскажу о ней.— И тут же принялась рассказывать, как после неудачной любви эта женщина замкнулась в себе, нигде не ходит, ни с кем не встречается, знает только свою библиотеку и сидит там с утра до вечера.

Мы подошли к небольшому домику с крыльчком, постучались. Никто не отвечал.

— Ее нет,—сказала Екатерина Васильевна и пошарила под дверью.— Вот видите, знаю все ее секреты,—она показала ключи. Мы вошли в просторный коридор, который вел к застекленной террасе.— Вот сюда. Вот сюда поставьте!

Я поставил корзину и остановился. Надо было мне сразу попрощаться и уйти, но я какую-то лишнюю секунду топтался на месте, а теперь уходить было неловко. Екатерина Васильевна с террасы прокричала:

— Есть хотите?— и сама же ответила:— Вот хорошо. Сейчас я покормлю вас, а потом вместе поедem назад.

Я продолжал стоять в коридоре и размышлял, что раз не ушел, то надо побыть здесь немного, да и поесть, конечно, не мешает: голоден я был чрезвычайнo.

Екатерина Васильевна вернулась уже без пальто, без шляпы, в каком-то открытом цветном платье и, увидев меня, удивилась:

— Вы что?! Снимайте сейчас же свою шинель, вешайте вот сюда, проходите в комнату. А я-то хороша! Даже не поблагодарила вас, корзина ведь тяжелая!— Она подошла ко мне и звонко чмокнула в щеку. А пока я удивлялся, она уже ушла. С веранды раздался ее голос:

— Заходите в комнату и садитесь. Там на столе должны быть журналы. Подруга моя всегда приносит их домой.— В самом деле, на столе лежали журналы. Я стоя начал перелистывать их. Мне хотелось удрать. А отчего? Ну что ж такого? Просто так, подошла и поцеловала. И в конце концов чего мне ее бояться? Я взрослый человек и... мужчина!

Снова вбежала Екатерина Васильевна, взяла за руку и, как маленького мальчика, повела к крану— мыться. Она все посмеивалась надо мной, что вот, дескать, ей приходится со мной нянчиться.

— Вы пьете водку?— спросила она, когда мы сели за стол.

— Выпью,— сказал я, чтобы не показаться мальчишкой. Она и в самом деле может подумать, что я робeю! Мы выпили.

Пока мы обедали, у меня исчезли все сомнения относительно этой женщины. Ее взгляды, завиток волос, который невзначай задел мою щеку, когда она убирала тарелку, случайное прикосновение ноги и эта улыбка... Такая улыбка на таком красивом лице!

После первой рюмки у меня закружилась голова. Но я заставил себя съесть полную тарелку жирного борща.

— Еще?— спросила Екатерина Васильевна.

Я кивнул. Мне нужно было как следует поесть, но она не поняла меня и налила еще водки. И я, дурак, выпил. Потом я еще что-то ел, может быть, и пил— не помню уж. Я очнулся, когда Екатерина Васильевна пыталась снять с меня сапоги. Гимнастерка лежала на тахте.

— Отдохни, отдохни,— быстро бормотала Екатерина Васильевна,— отдохни, милый!— Она была очень румяная.

Я встал, надел гимнастерку.

— Пойду, мне стало лучше. Спасибо. Мне надо скорей...

Мы вышли вместе и шли молча.

— Я не думала, что вы такая красная девица,— наконец сказала Екатерина Васильевна и вдруг рассмеялась.

Я не ответил ничего. Мы молча дошли до трамвайной остановки, молча доехали до вокзала.

В поезде я забрался на третью полку и мгновенно заснул.

Когда сходили с парома, Екатерина Васильевна прошла вперед, обернулась и озорно крикнула мне:

— А ведь за вами, Бекиров, ответный поцелуй!

Несколько человек с любопытством взглянули сначала на меня, потом на нее.

— Вот баба!— восторженно произнес кто-то.

Около парома стоял Мушук и приветливо глядел на меня. Екатерина Васильевна с любопытством посмотрела на него.

...В этот вечер я не видел Ирады, а на следующее утро она встретила меня в комитете комсомола, какая-то встревоженная, напряженная, холодная. Она внимательно выслушала мой рассказ, потом мы вместе пошли к Краснянской

По дороге я сказал:

— Я скучал очень... Я... Вы должны знать...

Она молчала.

— Я, когда в Новороссийске...

Она молчала.

— Вы... не хотите со мной говорить?

— Не хочу.

Анна Яковлевна очень обрадовалась мне, хвалила. Потом заметила подавленное состояние Ирады, спросила в чем дело. Ирада сказала:

— Нездоровится.

— Ну вот, пойдите погуляйте немного,— посоветовала Анна Яковлевна, улыбаясь.

Я проводил Ираду до дома и остановился. Она обернулась, губы ее вздрагивали от обиды:

— Зачем нужна была тебе эта дрянь?..

Глава пятнадцатая

После занятий на курсах в Хазар-Кенте я теперь не возвращался в соцгород, а приходил в «Голубые скалы» и там час-полтора дождался смены, обычно перечитывая конспект.

Помню, в тот день я почувствовал себя очень усталым. Пришел в «Голубые скалы», бросил в угол ватник, улегся и не заметил, как уснул. Спал я, наверно, не долго. Входили люди. Из открытой двери несло холодом.

— Жарко.— Я узнал голос Мансурова.

— Закрой, закрой, ишь какой — жарко! А люди сюда греться приходят. Все ему жарко.— Это начал ворчать Тахтабаев.

— Не может он. Надо снимать с машины,— продолжал Мансуров.

— Почему слабый?— зло спросила Ирада. Она, по-видимому, была раздражена.

— Как почему?! Слабый и все! Больше не буду с ним возиться.

— У вас все слабые,— заметила Ирада Мансурову. И спросила: — А вы разве с ним возились?

— Человек работает долго, хорошо. Пускай сейчас не ладится, но ведь заладится когда-нибудь.— Это Тахтабаев стал заступаться.

— Есть один верный путь.— сказал Мансуров,— направить Бессарабу к Андрею Алмазову помощником. Мы сейчас были у него и убедились, что для машиниста он еще зеленый, а помощником машиниста будет хорошим.

— Ну, это еще как сказать,— продолжал спорить Тахтабаев.

— Я тоже думаю, надо с ним поговорить и, может быть, просто помочь.— Ирада задумалась, сделала несколько шагов по направлению ко мне. Я подумал, что она наступит на меня и невольно прижался к стенке.

В «Голубых скалах» при свете закопченной лампы людей можно было различать только по голосам. Странно: на стройке, где тяжелые экскаваторы приводились в движение электричеством, в каком-то месте увидеть керосиновую лампу. Я слыхивал не раз, как Тахтабаев упрямился, однажды при мне он сказал: «Не контора. Нечего здесь расскиживаться. Погрелся и иди».

— Нет, нет, Абдулла Садыкович. Я думаю, что Бессарабе нужно помочь. Взяли бы вы его под свой контроль,— сказала Ирада.

— Что вы, товарищ Шадманова,— возразил Мансуров,— вы всегда скажете такое, что прямо удивительно. Где это видано, чтобы начальник экскаваторного парка садился за машину и работал за машиниста! Нет уж, простите. Если машинист не может работать, пусть

идет на курсы, вот как этот ваш любимчик. Тоже, небось, метит в машинисты.

— Ну ладно, ладно,—начал утихомиривать его Тахтабаев.

— Давай лучше вызовем Бессарабу и последний раз предупредим, а я со своей стороны помогу. Нельзя так: работал человек, работал, план выполнял, а незаладилась машина—и он стал плох. Надо, товарищ Мансуров, к людям относиться получше! Кадры, сами знаете, решают все.

— А к кому я отношусь плохо?

— Ну ладно, ладно. Сейчас я приведу Бессарабу, и мы его предупредим.— Тахтабаев вышел. В комнате наступило молчание.

Я хотел уйти, но в это время Мансуров сказал:

— Этот ваш кавалерист оказался ужасной сволочью.

— Почему? Работает он хорошо. Учится...

— Не знаете почему? Я не хотел вам говорить, да и сейчас скажу только по секрету, поскольку это личное дело и касается оно меня. Он, оказывается, моей жене, знаете, что предлагал? Мы, говорит, переедем в Ташкент и там будем жить вместе. Вот какой типчик!

— А она?—спокойно спросила Ирада.— А Екатерина Васильевна согласна?

В голосе Ирады я почувствовал иронию, понял, что к словам Мансурова она относится недоверчиво. Это меня обрадовало. Но какова Екатерина Васильевна! Было ясно, что в первый же день после приезда она встретилась с Ирадой и солгала ей, а потом наговорила мужу. Зачем? Я этого не понимал.

В комнатке вспыхнул огонь—стало светло, Это Мансуров закурил...

— Она? Моя жена дала, конечно, ему по физиономии...

— А он?—все тем же тоном спросила Ирада.

— Ну, что он? Стал клясться, извиняться.

Я не выдержал и сел на полу.

— Врет она все,—сказал я.— Она сама меня поцеловала, никого не просил.

Мансуров и Ирада вскочили, я поднялся со своего ложа.

— Вы были здесь? Вы подслушивали?—с презрением сказала Ирада.

— Не подслушивал, а просто спал.

— Спали?—голос Ирады задрожал, и она быстро вышла из комнаты.

— Значит, поцеловались? Так, так,—проговорил Мансуров и покачал головой. Потом плюнул под ноги и растер подошвой.— Ну и гад же ты. Как только земля таких держит.— Он тоже вышел и хлопнул дверью.

Состояние мое было не из приятных. Вот попал так попал! Ирада, любимая моя, неужели я потерял тебя?..

Вошли Бессараба и Менжевецкий.

— Тахтабаева не видал?—спросил у меня машинист.

— Он тебя пошел искать.

— Пожалуйста, голубчик, разыщите мне сменного инженера и начальника экскаваторного парка,—сказал Сигизмунд Генрихович.

— Они только что были здесь,—буркнул я.

Менжевецкий посмотрел на меня с таким спокойным удивлением, что мне стало очень стыдно. Я сказал «сейчас» и пошел искать Ираду и Мансурова.

Они стояли внизу. Мансуров размахивал руками, что-то кричал. Ирада стояла перед ним потупившись. Меня они выслушали молча. Я постоял, не дождался ответа и вернулся в «Голубые скалы».

— Сейчас придут,— доложил я Менжевецкому.

— Спасибо, Бекиров.— Сигизмунд Генрихович сидел на корточках перед печкой и накаливал в ней металлический прут. Он говорил:— Я не утверждаю, может быть, археологи меня и высмеют, но вполне возможно, что это дело рук человека. В этих местах была высокая культура задолго до арабского владычества. Если хотите, Кир и Александр Македонский бывали или могли бывать здесь! А для хорошего водопровода из гончарных труб две тысячи лет не такой уж немислимый срок. Посмотрите, голубчик, в Риме до сих пор стоит. Так что не исключена, совсем не исключена возможность, что это дело рук человека! И немудрено, что геологи не заметили— можно рядом пробурить пять скважин, а в трубу не попасть. Так, к сожалению, бывает. Да, да, бывает. Так и было, наверно.

Пришел Тахтабаев. он пожал руку Бессарабе, который стоял ближе, потом Менжевецкому.

— Я за тобой ходил,— сказал он машинисту.

— А мы гуляли по берегу Кинджика.— Сигизмунд Генрихович вынул раскаленный прут и прикурил от него.— Когда в кузнице работал, всегда так прикуривал. Я сначала удивлялся, почему не от уголька прикуривают, а это в некотором роде аристократизм. Дескать, сам кузнец, а от уголька прикуривает! Уголек дымит, неудобно.

Инженер обернулся к Тахтабаеву и кивнул в сторону Бессарабы.

— Ему скажите спасибо, удивительный у него нюх, просто замечательный машинист: роет землю ковшом, а чувствует ее, как будто своими пальцами дотрагивается, вот этими кончиками,— и Менжевецкий показал на свои пальцы.

Впервые я увидел руку Менжевецкого в земле. Он, видно, сам заметил это, вынул из кармана платок и стал вытирать руки.

— А когда же это вы кузнецом были?— спросил Тахтабаев.

— Когда? Дорогой товарищ Тахтабаев, было это на практике. Как будущего инженера поставили меня молотобойцем. Но мы там, как говорят: «делов натворили». И кузнецы подобались хорошие— что ни день, то у нас новшества. А прораб, такой ехидный был старик, видит, что юноша старается, ну и перевел меня на инженерскую работу. А здесь стараешься не стараешься, все равно как проклятье— «старорежимный инженер»...

— Извините меня, Сигизмунд Генрихович, я человек партийный...

— Зачем же тогда извиняетесь за свою партийность?— вызывающе не то сказал, не то выкрикнул Менжевецкий.

— А вы договорить дайте, не перебивайте.

— Слушаюсь, товарищ начальник,— все тем же тоном продолжал Менжевецкий.

— Так вот, я человек партийный, Сигизмунд Генрихович, и скажу, что ни разу не грешил перед партией. Перед многими грешил, а перед партией никогда. И не верю я, что вы действительно старорежимный. Личина, правда, есть, но душа у вас честная, советская. Придет время, слово даю, придет— и люди скажут свое слово.

— Вы думаете, скажут?

— Скажут,— подтвердил Тахтабаев и продолжал:— А то, что обиду свою высказываете— и не раз уже— это нехорошо.

— Может быть, Тахтабаев, может быть, вы правы, голубчик,— вздохнул Менжевецкий и сразу заговорил о другом:— Так вот в чем дело: этот Бессараба оказался замечательным человеком.

Вошли Ирада и Мансуров. Они слышали последние слова Менжевецкого. Мансуров поздоровался за руку с Менжевецким, кивнул Бессарабе.

— Так вот, судари вы мои, что натворил наш машинист Бессараба!

— Мы его для того и вызвали, чтобы поговорить в последний раз,— сказал Мансуров.

— Позвольте, я закончу. Обводный канал, который мы должны закончить весьма скоро, находится, так сказать...— Менжевецкий вынул носовой платок и стал протирать стекла пенсне.— Мы хотим построить новое русло реки, а под ним появляется старое — своеобразный обводный канал, уже готовый. Знаете, где высокий карагач с обгорелой кроной, так вот там выход старого обводного канала времен... допустим, Александра Македонского. Но как знать, может быть, это не искусственный канал, а всего лишь подпочвенные воды. В этом случае грубая ошибка геологов налицо, а если потайной канал, то...

— Потайной канал?— удивился Мансуров.— Подземный?

— Да,— ответил Менжевецкий.— И в нем сильное течение.

— Не ошибаетесь вы, Сигизмунд Генрихович?

— Ходили сейчас, проверяли.

— Для меня это так неожиданно...

— Вы думаете, только для вас?— не удержалась Ирада.

— Да, да, представьте, для всех неожиданно,— продолжал Сигизмунд Генрихович.— Мне кажется, что вода идет со стороны Хазар-Кента. И потом на протяжении метров ста проходит под обводным каналом и здесь, у карагача, выходит в Кинджик. Выходит как раз на месте створа, там, где должна быть плотина. Представьте картину: пустили реку в обводный канал, предполагая, что высушим этим русло Кинджика, а подземный водопровод будет нам давать, скажем, кубометр в секунду.

— Это невозможно!— воскликнул Мансуров.

— Почему невозможно? Вполне возможно.

— Эх, почему не веришь? Заброшенные арыки видали? Им сколько лет? Вдоль Кинджика идут,— это начал рассуждать Тахтабаев.— Я когда пришел сюда, удивился: Кинджик внизу, а арык наверху — как туда вода попала? Электромотором подавали? Тогда моторов не было. Значит, была плотина. Сколько лет назад? Пятьсот? Тысячу? А плотина была, потому что место для плотины удобное.

— Может быть, вы очень правы,— поддержал Тахтабаева Менжевецкий.— Возможно, была плотина, но скорее всего это водопровод, а нашли мы его так. С этим молодым человеком,— Менжевецкий указал на Бессарабу,— подошли к проблеме с двух сторон. Я вспомнил, что вчера на парме оставил плащ и пошел туда по отвалам обводного канала. Подхожу, знаете, где старый карагач стоит, вижу, из глубины реки поднимаются пузыри. Я сначала подумал, что бурлит река. Потом вижу: нет, пузыри. Постоял немного, спустился вниз — да, пузыри; снова поднялся на насыпь и там встретил нашего Бессарабу. Стоим оба, приложили ухо к земле, слышим: из-под земли еле-еле доносится шум воды. Мы попробовали в двух местах снять землю, чтобы проникнуть в подземный канал, но инструмента подходящего не было.

— Постой, постой, постой!— Тахтабаев что-то вспомнил.— Помнишь, Бессараба, ты говорил, что в ночной смене натолкнулся на глыбу и тогда разбил мостик ковша и сломал три зубца?

— Да, был камень,— сказал Бессараба.— Даже не камень, а камень. Подняли ковшом две плиты. А под ними колодец. Когда передвигали экскаватор, сильно опасались, думали, там пещера. А ее не

было. Оказывается, под этими плитами, был только колодец, и он давно обрушился. Я теперь понимаю: этот колодец вел в подземный канал.

— Может быть, может быть,— заметил Сигизмунд Генрихович.

— Надо тогда передвигать все машины,— сказала Ирада.

— На том участке у вас два экскаватора. Для этого я и пришел сюда,— сказал Менжевецкий.— Две машины нужно отодвинуть.

Я с интересом слушал разговор. Значит, и у нас чуть не свалился экскаватор в пропасть именно потому, что мы в то время проходили над каналом! Видимо, над древним каналом грунт был более мягкий и рыхлый. Хорошо, что хоть сейчас мы ушли от того места.

Взгляд мой остановился на Мансурове. Он тоже взглянул на меня.

— Идите на работу,— вдруг закричал он.— Нечего здесь торчать и подслушивать, что вас не касается!

Все с удивлением посмотрели на него. Менжевецкий кашлянул, снял пенсне и снова надел его. Ирада стояла близко от меня. Но она ничего не сказала. Она даже отвернулась!

Ах, так! Ты поверила?! Ты меня разлюбила?! И я сказал себе эту глупую фразу: время — лучший судья.

Много лет спустя я понял, что время — плохой судья. А тогда я бежал, задыхаясь от обиды, от боли, и твердил себе: «Ах, так! Пусть, пусть!» Я так любил ее, я мечтал о ней, рвался к ней, я ни в чем не виноват, а она так со мной! При всех! Не любит, не любит. Но придет время — она пожалеет, что оттолкнула меня. Она поймет тогда. Время рассудит нас.

Грязи не было, погода стояла сухая и морозная, с реки дул холодный ветер. Экскаватор стоял на холме и его стрела возвышалась над вырытым почти во весь профиль участком обводного канала.

— Эй, приятель, ты чего?— крикнул мне Архипка.— Тебя ждем!— и он рассмеялся.

Экскаватор не работал. Кабина машиниста была пуста, кроме Архипки, около экскаватора никого не было.

Я подошел поближе. Из-за гребня отвала вышли Кандыба с Алмазовым.

— Чего опаздываешь?— накинулся на меня Алмазов.— Видишь тут какое дело!

— Ты, франтик, где был?— грубо спросил Кандыба.— Посмотри, что делается.

Я увидел: ковш опущен на дно канала, трос болтается свободно.

— Давай я полезу,— сказал Кандыба Алмазову.— Если сегодня не начнем работать, с планом — хана!

— Я тебе, кажется, уже сказал!— оборвал его Алмазов.

Недавно прошли дожди, вслед за ними с гор подул ледяной ветер, вся стрела обледенела. Можно ли по такой стреле подняться вверх? А наверх добраться надо — с валика сорвался трос. Видимо, он был плохо смазан, заledenел и перестал вертеться. Трос и соскочил.

Как же лезть? К тому же наши резиновые сапоги имели предательское свойство — скользить по льду. Подошва на морозе застывала и превращалась в скользкую пластинку, вполне заменяющую коньки. Нечего было и думать, чтобы в такой обуви лезть на тринадцатиметровую высоту.

Я зашел в кабину, снял сапоги, покрепче обернул ноги портянками и перевел проволокой. Застегнул ватник, засунул за пазуху ключ, зубило, молоток, все, что могло понадобиться, в руку взял коробку с мазью — и полез. Сегодня был такой день, что я — на все готов, хоть на луну залезть.

Меня заметили, когда я был уже высоко. Начали кричать: слезай, мол. Но я махнул рукой. Я видел, как однажды Христофор смазывал валик—ничего особенного... если смотреть снизу.

— Слезай, слезай! Кому говорят!—кричал Алмазов.

Я полз вверх, не останавливаясь. Старался не глядеть на землю, потому что, честно говоря, первые шаги сделать было трудно.

— Слезай!—кричали мне.

Я поднимался все выше. Поймите, я полез вовсе не для того, чтобы проявить свое ухарство, лихость. Нет, я решил, что сумею сделать работу и полез, никого не спросив, зная, что Алмазов мне не разрешит подняться на стрелу.

— Слеза-ай!—но голоса слышались уже тише.

Чем выше я поднимался, тем ветер становился сильнее. Основная опора у меня была — правая рука. Ею я держался за перекладину, затем нащупывал правой ногой следующую ступеньку, подтягивался и становился на нее двумя ногами. Сначала это было очень неудобно, потому что мешала большая коробка со смазкой. Когда я смотрел на коробку, я видел землю, видел Кинджик. Сверху казалось, что я уже перешагнул через обводный канал и нахожусь над стремниной Кинджика.

Потом я приноровился. Когда я делал шаг вверх, то приподнимал масленку, а когда становился обеими ногами на перекладину, прижимался всем телом к стреле и правую руку переносил вверх. Я боялся, что меня сорвет ветер.

Один раз я сорвался и полетел вниз — так мне показалось, когда я немного поскользнулся. Потом я перестал торопиться и старался не смотреть вниз. Иногда от затылка по спине проходила какая-то электрическая искра. Это был страх.

Наконец, я добрался до верха и остановился на небольшой площадке с перильцами. Я поставил масленку на площадку и, держась одной рукой за перила, попытался сбить с места валик. Но смазка была густа, она замерзла. Я несколько раз ударил молотком по валику, потом стал постукивать по краям зубилом. Валик стоял, как припаянный к оси. Хуже всего было, что руки у меня настолько заоченели, что пальцы перестали двигаться. Надо было держаться, а пальцы не двигались, и тогда я сел на площадке, продел руку под перильца и стал дуть на свои пальцы. Дул очень долго, потом пошевелил пальцами, потом начал сжимать и разжимать их.

Я все время старался давать себе задания: «Держись крепче, ведь ты сидишь на площадке, твои ноги опущены в бездну. Сильнее дуй на руки. Вот этот палец замерз больше других. Давай попробуем шевельнуть. Ага, хорошо. Теперь нужно сжать и разжать, сжать и разжать. Больно? Ничего. Сжать и разжать, сжать и разжать. Стало как будто теплее. Может быть, ветер уменьшился? Нет, ветер все такой же, теперь надевай рукавицы и продолжай гимнастику: сжать и разжать. Вот теперь хорошо».

Так я разговаривал сам с собой и старался не смотреть на землю. Наконец, я поднялся. Взялся за трос. Нет, сначала нужно сбить старую смазку. Я начал работать. Валик не поддавался, а потом вдруг словно уступил, начал крутиться. Я прокрутил его, затем осторожно взял масленку, смазал валик и, держась за трос, опустил масленку на площадку. Ветер усилился, словно решил сбросить меня. Засвистел, завыл. Я взял обеими руками за трос, сделал маленькое движение в сторону — и масленка полетела вниз, видно, я поставил ее на самый край.

Не знаю, как у меня хватило сил не посмотреть ей вслед. Я взялся за трос, одну ногу оставил на площадке, другой уперся в перила и к собственному удивлению сразу, легко накинул трос на валик.

Дело сделано. Теперь можно отдохнуть. Со лба потекли капли пота. Рубашка намокла. Я снова обнял трос, подтянул к себе и перебрался на стрелу.

Сделать несколько шагов вниз было значительно легче, чем лезть вверх. Ведь теперь масленки не было. Я держался за перекладины двумя руками. Ног я не чувствовал, значит, они замерзли. Это были какие-то твердые, оледеневшие колодки. Может быть, спала тряпка, и я прямо голыми ногами наступал на железные прутья перекладины. Я не мог посмотреть на свои ноги — ведь тогда бы мне пришлось взглянуть на землю.

Я спускался все ниже и ниже и внезапно оказался на экскаваторе.

Двое взяли меня за руки с двух сторон и приподняли. Это были Кандыба и Алмазов. Они понесли меня.

В кабине машиниста я увидел широко раскрытые от ужаса глаза Ирады.

— Надо ему ноги потерять, — сказала она.

Алмазов и Кандыба понимали это и без нее. Они посадили меня в кресло машиниста и стали растирать ноги. Мне было очень больно. Рядом стояла Ирада и смотрела на меня не то с упреком, не то с сожалением.

— Ну как, порядок? — спросил Кандыба.

— Порядок! — я почувствовал себя лучше, задвигал пальцами, надел сапоги и встал на ноги. — Хорошо!

Алмазов сел на свое место и стал подтягивать ковш. Я стоял внизу и смотрел наверх. Не соскользнет ли трос? Но трос натянулся, ковш поднялся почти на высоту стрелы и упал в глубину канала с тем, чтобы наполненный грунтом, несколько секунд спустя вновь подняться.

Наша машина была уже на краю пути, и мы торопились укладывать рельсы. Алмазов все время сидел за рычагами. Давно экскаватор не работал так хорошо, как сегодня.

Когда, спустя несколько часов, мы передвинули машину назад, Алмазов позвал меня. Я забрался в кабину, он кивнул на рычаги:

— Учись, черт, дурак, — сказал он. — Скоро сюда сядешь.

Я смотрел, как ловко орудует Андрей Захарович. Огромный ковш, висящий на тросе, двигался осмысленно, именно так, как хотел этого машинист. Вот ковш повис над грунтом, летит вниз, и уже другой трос разворачивает его и поднимает вверх. Быстро накручивается трос на барабан, но Алмазов не дает ковшу подняться над поверхностью земли, сразу же разворачивает стрелу в сторону отвала — ковш опрокидывается. Я знаю, как трудно быстро опорожнить ковш от влажной породы. Но вот ковш стремительно поднимается вверх, и от этого движения откальваются от стальных стенок как бы спекшиеся куски породы. И уже снова разворачивается стрела, и ковш снова падает в бездну. Все это называется циклом, одним лишь циклом, а сколько их должно быть в смену? Пятьсот?

Смогу ли я когда-нибудь так управлять машиной? Очень я завидовал Алмазову. Он, видно, это почувствовал.

— Ничего, — сказал, — научись, — и передал мне рычаги.

В самом конце смены снова появилась Ирада. Она окинула меня оценивающим взглядом и похвалила Алмазова.

— Не одна моя заслуга, — усмехнулся он. — И Бекиров валил.

— Чего там, — начал я, — всего тридцать циклов.

— Для начала хватит.

— Это хорошо, — спокойно отметила Ирада. — Я вот насчет чего. Завтра в десять часов утра, знаете? — спросила она у машиниста.

— Ничего не знаю, — Алмазов покачал головой.

— Завтра в десять в Управлении хозактив. Приехали из Ташкента

Краснянская с Вадимом Семеновичем. Относительно силового русла и сроков обводного канала пойдет речь, да и насчет других каналов.

— Каких еще каналов? — спросил Алмазов.

— Старый канал нашли под нашим обводным, — пояснил я Алмазову.

Ирада ничем не показала, что слышала мои слова. Она сказала Алмазову:

— Можете взять с собой актив. Ну, скажем, Карима, Кандыбу. Можно и товарища Бекирова. — Словно меня тут и не было!

— Ишь, как величает, — заметил Андрей Захарович, когда Ирада ушла: — «Товарищ Бекиров», словно наркома какого, — и, понизив голос, спросил: — Поссорились, что ли?

Я кивнул.

— Поссорились.

— Бывает, — вздохнул Алмазов, — я вот со своей тоже чуть не поссорился. Устраивается, понимаешь, в ясли, а свои ребятишки одни дома. Старшему, правда, четырнадцатый пошел, а меньшему — девять. Сами-то они не больно. Нахозяйничают так, что не нарадуешься.

Мы шли с ним домой, и он все время жаловался на жену, что она, мол, его не слушает и что еще не оформилась в яслях, а уже пошла на работу.

— Ты в столовую сейчас?

— Да.

— Ну, если ее там увидишь, — она продукты получает, — скажи, что утром на актив пойду. Вот как получается: я домой, а она из дома. Даже не поговоришь. Вчера вместо себя записку оставила!

— Надо же помочь! — не выдержал я.

— И она говорит: надо помочь, а я не возражаю, я только так говорю: я здесь, она — там, ребятишки — сами по себе. Я знаю, что надо.

В столовой в этот час народу было немного, первая смена позавтракала и ушла, сейчас здесь по одному собирались рабочие, возвращающиеся из ночной смены.

Один уголок столовой был отделен от зала марлевой занавеской, там обычно складывали грязную посуду. Пока Сабира-хола накладывала мне гречневую кашу и поливала ее мясным соусом, я услышал разговор за занавеской. Екатерина Васильевна Мансурова говорила:

— Что я ему, прислуга, что ли? Скажи спасибо, что встала чуть свет. Все люди едят в столовой и тебя черт не возьмет. Разогреть, пожалуйста, а мучиться с этими борщами... — Она вышла из-за занавески с судками в руках, увидела меня, подошла к моему столику и села рядом. — Здравствуйте, Джевдед! Давно не виделись. Я даже соскучилась.

Я сначала молчал. Она смеялась и что-то говорила. Сабира-хола прямо ела нас глазами.

— Зачем вы болтаете всякие глупости? — сказал я.

— Какие глупости? Разве я должна скрывать, что вы мне нравитесь? Вам, наверное, наговорили что-нибудь. А если Мансуров вас непрекает — только скажите, я его быстро приструню.

— Я не понимаю, что общего между нами... — начал я, стараясь говорить спокойно.

— Не понимаете, Джевдед? Да вы просто мне нравитесь! Я люблю тормозить таких тюленей, как вы, как мой Мансуров. Он такой же. Видно, сходятся всегда натуры противоположные...

Она бы, наверно, еще что-нибудь сказала, но вошел Мансуров. Он сел за наш столик так, словно меня и не было.

— Я не могу тебя так долго ждать,— сказал он жене.— Позавтракаю в столовой и вообще могу завтракать в столовой.

— Я буду очень рада,— спокойно ответила Екатерина Васильевна. Она поднялась с места и поставила на табуретку судки.

— Вот здесь твой завтрак, да заодно и обед. Пожалуйста.

Она казалась оскорбленной.

— До свидания, Джедвед,— сказала она.— Вы всегда после смены приходите сюда?

Я не ответил.

Мансуров взял судки и пошел вслед за женой. Он даже не взглянул на меня.

Я вспомнил, как, взбираясь сегодня на стрелу, я тоже старался не глядеть на землю.

Глава шестнадцатая

Все, что связывало меня с Екатериной Васильевной, было досадным. Зачем она врет: «Вы мне нравитесь» и прочее? Никто ей не нравился: ни я, ни ее муж Мансуров. Просто ей нечего было делать. Кто-то мне говорил, что у нее есть диплом. Я спросил Тахтабаева, правда ли это.

— Ах, и тебя она к рукам прибрала?— и смерил взглядом меня с головы до ног.— Ищет она кобелей... Ты смотри! Если что такое задумал, лучше мне на глаза не показывайся!

Когда я думал о ней, то думал всегда с раздражением. А иногда бывало и так, словно чертик сидел во мне и подзуживал: «А почему бы не погулять с ней по берегу реки?» Я пугался этих мыслей.

Ирада! Она оттолкнула меня. Я злюсь на нее. Ирада! Я люблю ее. А она, наверно, и не думает обо мне. Нет, думает, я знаю, что думает. Я добьюсь... Нет, ничего у меня не выйдет. И не нужно ничего.

Будь что будет. Ведь я сам говорил, что время лучший судья. Время? А Эльпиде?.. Разве не время погубило нашу любовь?!

С этой мыслью я отворил дверь барака. Дома у нас было тихо. Карим и Басит спали, Бессараба громко разговаривал во сне: «Не ломал я крышки; уходи; не трогал я твоей крышки». Николая и Архипки не было. Рашид сидел за столом и жадно пил чай, закусывая черствой лепешкой.

— Где пропадал?— спросил он.— Я уже съел все, что было.

— Я обедал в столовой. Чаю вместе попьем.

— Да и чай кончился,— сказал Рашид,— пойду наберу...

Рашид очень смешно картавил. Вместо «р» он произносил «й». Получалось: «набейю».

Я давно собирался научить его правильно произносить слова, да все было некогда! Я думал, что он перестанет картавить так же быстро, как когда-то я. Мне было лет шесть. Вместо буквы «р» я говорил «л».

Однажды летом приехал в селение сын соседа — студент. Он услышал, что я картавлю, посадил к себе на колени и сказал:

«А ну-ка, повтори: на горе Арарат растет крупный виноград».

Не прошло и двух дней, как я научился произносить злополучную букву. Я решил, что и Рашида смогу также научить.

— Повторяй за мной: на горе Арарат растет крупный виноград,— предложил я ему.

— Э,— отозвался Махкамов,— так меня не научишь. В нашем кишлаке все такие...

— В каком кишлаке?

— Ты не знаешь. У нас маленький кишлак.

Я заметил, что Рашид старается строить свои фразы с помощью тех слов, в которых либо нет, либо редко встречается буква «р».

— В нашей области многие не могут сказать эту букву,—объяснил он.

— Ну, насчет всей области ты загнул.

— Точно,—повторил Махкамов.

— А как же ты разговариваешь с Карамат? Как ты ее называешь? Махкамов нахмурился:

— Не надо смеяться. Она очень славная девушка, я не могу точно сказать ее имени, поэтому мне хочется назвать ее: милая или любимая.

— А ты когда-нибудь так ее называл?

— Что ты!—Махкамов замахал на меня руками и встал из-за стола.—Что ты,—повторил он и взялся за чайник.

— Сиди, Рашид, я сам схожу.

Взяв чайник, я пошел к арыку. Он был весь скован льдом. Пробив лед куском рельсы, валявшимся рядом, я увидел, что дно его сухо. Видимо, воду перекрыли в Хазар-Кенте. Я пошел в соседний барак к плотникам. Дверь была закрыта. Пришлось идти в комсомольскую образцовую бригаду. Эту бригаду, состоящую из девушек-комсомолок, создали совсем недавно. Они работали еще на берегу, подготавливая блоки для бетона. Раньше основными участками на Головном узле были обводный канал и строительство ВТЭС—временной тепловой электрической станции,—где вел монтаж Турсунов, теперь появился новый участок—участок основных работ—плотина. На «привязке» плотины, то есть на сооружении ее береговой части, и работала комсомольская образцовая бригада. И общежитие у них тоже было образцовое. Нас, мужчин, туда не пускали, чтобы мы не нанесли грязи.

В большой комнате с рядами кроватей, застланных белыми покрывалами, на широком сундуке возле окна сидела девушка. Против света я сразу не разглядел ее. Рядом с ней стоял человек, уже немолодой, в черной фуражке с лакированным козырьком. В таких фуражках любили пижонить городские парни. Лакированные сапоги с тупыми носками, синие бостоновые брюки, заправленные в сапоги, короткий в обтяжку пиджачок и вот такая фуражка. Мужчина, стоявший у сундука, был в резиновых сапогах и в полушубке нараспашку.

— Ах это вы, Бекиров?—спросила меня девушка. Голос у нее певучий.—Где вы были все это время? Я думала, что вы удрали с Головного узла. А здорово вам тогда от Архипки досталось. Не забыли наверно?..

В плохо освещенной комнате, да еще против света трудно было разглядеть ее, но голос был знакомый.

— Я пришел попросить немного воды. В арыке нет.

— Воды? В арыке нет воды?—переспросила она.—Что же делает ваш уважаемый Кандыба? Ведь он у вас, кажется, сегодня дежурный по бараку?

— Вы, оказывается, знаете наше расписание,—сказал я.

— Я многое знаю. Да вы не бойтесь, садитесь.

Она показала на лавку, стоящую у стены.

— Сходи, принеси воды,—обратилась она к человеку с лакированным козырьком. Он не тронулся с места. Девушка вскочила, выхватила из моих рук чайник, и тут я ее узнал. Это была подруга Рахили—Валя.

— Ага, вспомнил! Ну как у вас там, в бараке? Как Христофор?

Я сказал, что мы недавно опять были у него в больнице и что он поправляется.

— Кто ходил? — спросила она.

— Мы ходили вместе с Николаем и Каримом, — ответил я. — Наши все у него побывали. А Бессараба три раза ходил...

Человек с лакированным козырьком взял мой чайник и вышел из барака. Вернулся он быстро.

— Чего так скоро?

— А я у железнодорожников...

— Не из большого бака?

— Что ты, там кислая, я знаю, — ответил он.

— Я теперь Рахиль больше не вижу, — сказала Валя. — Это тогда так случилось, выпили немножко и загуляли, а вообще я теперь не пью.

— Так уж не пьешь, — сказал мужчина, — а со мной только что выпила.

— Работа у меня занятая, веселая. Сажу в коммутаторской, включаю и выключаю. Хорошо, интересно. Иногда ловлю разговоры влюбленных. Но вас еще не слышала.

— Чаек у вас, молодой человек, остывает, — услышал я злой нервный голос.

Я попытался разглядеть лицо человека в фуражке, но он повернулся ко мне боком.

— Ну что ты, Мушук, все скрываешься?

— Чего скрываться... — сказал Мушук. — Если с бабами поведешься, скрыться не удастся. А ты меня предавала не раз и сейчас выдала. Видно, и сюда перебралась лягавить... Но от меня не скроешься.

— Я бы рада скрыться от тебя, Мушук, да сейчас жизнь у меня такая — не жалко ее. Не боюсь сейчас тебя! Вот если бы удалась моя мечта, тогда бежала бы от тебя на край света и дрожала, и зуб на зуб не попадал бы, а сейчас — плевать я на тебя хотела...

Мушук сел на сундук. Широко раскинул ноги и похлопал ладонью по коленкам, спросил у меня с улыбкой — у него была не улыбка, а какая-то ухмылка, оскал:

— Значит, разговоров любовных не имеется? — и Вале: — Ничего, еще услышишь, Валька-дорогуша. Скоро услышишь от этого молодого человека. Встретил я его однажды у парома со славной бабенкой. Прибыла с ним с того берега. Кто такая? — спросил он меня. И сердито, грубо добавил: — Только не врать!

Я, ничуть не задумываясь, ответил:

— Чего врать? Пристает она. Возьми ее, ради бога! Это жена Мансурова.

— Которого Мансурова? Не начальника экскаваторов?

Я кивнул головой. В тот момент я никак не мог предположить, какие события произойдут в дальнейшем. Если бы знал, то, конечно, не назвал бы имени Екатерины Васильевны, да и вообще, кто мог предполагать, что так получится?..

— Ну, пошел, — сказал я, — воды у нас, правда, нет в бараке, а печка гудит всюю, можно чай приготовить.

— Как там Николай поживает? — спросила Валя, когда я взялся за ручку двери. — Не женился еще?

— Николай? — я приостановился.

Отвечая ей, я совершил еще одну глупость. Я сказал:

— Нет, он не женился. С него хватит.

— Как, Николай был женат? — для нее это было новостью. Мушук захохотал.

Что последовало дальше, я не знаю. Когда вернулся в барак, Рашид уже спал. У себя на тумбочке я нашел кусочек сахара, налил воды в кружку и стал пить. Потом лег и уснул.

Рашид разбудил меня.

— Пойдем.

— Куда?

— Пойдем на актив, уже девять.

— А пустят?

— Что за выражение — пустят?! — сказал Рашид. — Вставай побыстрее.

Я попытался встать, но не смог. Ноги ныли и, кажется, опухли. Я, видимо, их все же немного отморозил. Хотел подойти к столу, чтобы взять кружку, поднялся, а в глазах вдруг потемнело, ноги подкосились. Я опять сел.

— Что с тобой? — спросил с удивлением Рашид. — Совсем ты бледный стал.

— Не знаю... Тошнит... Угорел, что ли...

Я прилег, Рашид выбежал во двор и через минуту вернулся со снегом на куске фанерки.

— Подними голову! Давай, сейчас лечить будем...

Он стал обтирать мои уши и лицо снегом. Мне стало лучше. Меня вновь потянуло лечь, но Рашид не позволил.

— Сиди! Не двигайся! Это от дыма, наверное. Скоро будет лучше.

Минут через десять мне действительно стало лучше. Взяв меня под руку, Рашид вывел меня во двор. Я постоял около чинары под мелким и больно бьющим в лицо колючим снегом, затем, уцепившись за Рашида, поплелся за ним.

В жаркой столовой мне опять стало хуже. Я пошел в кухню, попросил у Сабиры горячей воды и помыл голову. Потом постоял немного у печки, чтобы просохли волосы. Подумал, что теперь уже пройдет все. Нет... сделалось еще хуже. Еле волоча ноги, я пошел в зал, сел на стул и опустил голову на стол. Я не знал, что со мной делалось, но что-то делалось.

— Эй, Джевдед, — услышал я тревожный голос Рашида, — тебе опять плохо?

Около нас появился Карим.

— У вас что, пьянка в полном разгаре? — спросил он Рашида, взглянув на меня.

— Пьянка? Человек заболел...

— Кто? Джевдед? — удивился он. — А почему ты сидишь и молчишь? Надо сказать доктору.

Он был энергичнее Рашида, взял меня сзади обеими руками и приподнял.

— Держи! — сказал он Рашиду. — Понесем в медпункт! Что мы с тобой понимаем? Тащи!

Меня поволокли в медпункт, который находился рядом с конторой.

Врач, пожилая женщина, попросила посадить меня на стул. Сидеть я не мог. Меня положили на кушетку. Неинтересно рассказывать, как человеку промывают желудок, но через некоторое время я почувствовал себя значительно лучше.

Диагноз был удивительный:

— Отравление, легкое отравление, — сказала врач. — Бывает, возьмут воду из паровозного котла, там и каустик и другие примеси, а потом удивляются. Здесь уже был такой случай, воду привезли для стирки, она мягкая, а ее один выпил... — Она рассказывала, а я вспомнил: «Не из большого котла?» — спросила Валя. «Что ты, там кислая, я знаю», — ответил Мушук.

Зачем он принес мне кислой воды? Из озорства или потому, что я тогда заступался за Кандыбу и был другом Христофора?..

— Вы что, не слышите?

— С тобой доктор говорит! Очнись,— Карим дернул меня за рукав.— Отвечай.

— Я спрашиваю, что это был за чай?— повторила она свой вопрос.— Ваш друг говорит, вы пили чай.

— Не чай, а кипяток...

— Вы пили кипяток? У вас в бараке всегда имеется кипяток?

— Вчера как раз не было. Пришлось сходить в соседний барак. К железнодорожникам...

— Ага! Я же говорила... Вам необходимо полежать. Денька два.

— Лежать? Мне? Доктор, заставьте меня делать все, что вам угодно, только не лежать...

— Вы должны лечь в постель... И немедленно. Вот рецепт,— она передала рецепт Кариму,— и позаботьтесь о своем друге. Сходите в Хазар-Кент, получите лекарство. А снабжение кипятком я все же проверю.

Мы вышли. Сколько я ни убеждал Карима, он уперся на своем — помчался в аптеку. Мы с Рашидом пошли на заседание партийного, комсомольского, профсоюзного и хозяйственного актива Головного узла.

Возле дверей конторы стояло несколько человек. Среди них был и Мансуров. Увидев меня, он повернулся спиной. Рашид с удивлением посмотрел на него.

— Что с ним?

Я пожал плечами.

— Ну, как ты сейчас? Ничего?

— Ничего, хорошо.

— Пойдем, сядешь, будет лучше.

— Нет, давай лучше на воздухе.

— Ну давай.

Подошла легковая машина. Это был неуклюжий, тупоносый автомобиль, выпущенный по моделям Форда на новом тогда автомобильном заводе в Горьком. Сейчас только на старинных фотографиях можно увидеть такую машину. Нам она казалась удивительно красивой.

Из машины вышел Торизо — начальник Кинджикстроя. Это было событием. Торизо не часто показывался у нас на строительстве. Говорили, что он в нехороших отношениях с Анной Яковлевной. А может быть, это были сплетни. У начальника такого строительства, как Кинджикстрой, дел было много. В десяти километрах от Головного узла строились две гидростанции. После возведения плотины на Кинджике вода пойдет по деривационному каналу. Этот широкий и глубокий канал будет как бы трубой, через которую потекут воды Кинджика, они приведут в движение турбины. Неподалеку от Головного узла, на противоположном берегу Кинджика создавался фундамент для громадного химического завода.

Я думаю, что даже на самолете не скоро облетишь всю территорию строительства. Прокладывались шоссейные и железные дороги, создавались десятки новых поселков. Строились дома, магазины, больницы, столовые. Конечно, у начальника строительства дел было много. Наверное, поэтому он редко бывал на Головном узле.

Вместо него здесь почти все время торчал Вадим Семенович Кандалов. Как начальник технического отдела Управления он приезжал сюда частенько. Немудрено, что мы встретились с ним на празднике Нового года у Краснянской.

Да к тому же всем было известно, что Краснянская и Вадим Семенович вместе учились, а студенческая дружба крепко связывает.

Внезапно мне вспомнилась фраза, как-то мельком брошенная Ирадой. Это было, когда мы пускали железнодорожную эстакаду для вывоза песка. Я тогда спросил у Ирады: «Ты предупредила Анну Яковлевну, она придет?» Ирада замялась и ответила: «Я к ней не заходила, у нее сейчас Вадим Семенович. А в конторе я сказала, что как только она появится, чтобы ее предупредили».

Я тогда не обратил внимания на эти слова — предупредила и ладно, тем более, что скоро Краснянская пришла.

А сейчас этот ответ Ирады внезапно всплыл в памяти. И думая об этом, я не мог удержаться от смеха. Как это возможно — такие старые оба, а еще думают о любви! Анне Яковлевне было тогда лет тридцать пять.

— Ты чего смеешься? — спросил Рашид.

— Так просто...

Торизо вошел в дверь конторы, а вслед за ним Мансуров и все те, кто курил у входа.

— Эй, Рашид! Дождитесь, когда вас особо пригласят?

Эту молодую девушку я прежде видел, но не знал, кто она такая. Она несколько раз приходила на наш участок вместе с Ирадой.

— А, Карамат, и вас пригласили на этот актив? — вместо ответа спросил Рашид.

— Почему бы и нет? — удивилась девушка. — Мы главные виновники сегодняшнего совещания.

— Почему виновники? — спросил я.

— А как же? Менжевецкий обнаружил подземный канал, а мы, геологи, ничего не знали.

«Оказывается, она из Геологического управления». И я спросил:

— Как же вы, Карамат, не доглядели?

— Представьте, чувствую себя очень неловко. Я ведь гидротехник, все каналы по моей основной профессии, — и, обернувшись к Рашиду, сказала: — Ну, пошли, пошли.

Клуб был недостроен, и все собрания проходили либо в столовой, либо в большой комнате — конструкторском бюро. Все чертежные доски были составлены к стене, из столовой принесли стулья и лавки. Собралось человек сто или сто пятьдесят.

Мы сели на задней скамейке, неподалеку от дверей. Заседание еще не началось. За столом, покрытым красной материей, посередине которого стоял графин, сидел Мансуров и рассеянно глядел на собравшихся. За его спиной была дверь в кабинет Краснянской. Дверь раскрывалась и вошли Джураев с Менжевецким. Менжевецкий слушал парторга и в знак согласия кивал головой. Потом вошел Торизо, оглядел зал и, подойдя к передним скамейкам, начал говорить:

—... Народу собралось много, — донеслось до нас, — пожалуй, стоит раздеться. Как, товарищи? А то будет жарко. А вы, — он указал на кого-то, — и шапку снимите, нехорошо. — Он сказал еще что-то, но мы не расслышали.

В комнате зашумели, стали снимать ватники, укладывать их на лавки.

Когда за столом собралось начальство, Краснянская подняла руку, призывая к тишине, и громко спросила у Торизо:

— Значит, основного вопроса касаться не будем?

Торизо нахмурился и пожал плечами.

— Мы только что говорили об этом. Нам надо кончать обводный канал, — и Торизо снова взглянул в зал. — Так, товарищи?

В зале одобрительно зашумели: да, мол, действительно надо поскорее кончать обводный канал.

— Без этого мы не можем начать строить плотину, — прокричал Торизо, обращаясь к собравшимся. — Вот об этом и поговорим. Об обводном канале. — Он посмотрел на Краснянскую. — Вот так, Анна Яковлевна, об этом речь.

Она ничего не ответила. Постучала карандашом по графину.

— Начнем, товарищи! Нам следует поговорить по весьма важному вопросу — об обводном канале. Нам надо скорее закончить обводный канал, из-за него задерживается строительство плотины.

Она остановилась. То, что она почти слово в слово повторила Торизо, вызвало усмешку.

Краснянская помолчала немного и обратилась к начальнику строительства:

— Вы, Михаил Николаевич, будете говорить?

— Зачем? — возразил Торизо. — Говорите, вам ведь известна установка?

— Так вот, — сказала Краснянская, — решение обязывает нас закончить канал к началу марта. Учтите, что мы собрались здесь не для того, чтобы высказывать мнения: выполнить это решение или нет. Оно должно быть выполнено к сроку. Что для этого требуется? Давайте выясним сразу. Кто имеет какие предложения?

Поднялся Менжевецкий.

— Я хочу спросить. — Он обратился к Торизо. — Разрешите?

Тот равнодушно кивнул головой.

— Я полагал, что на данном активе будет обсуждаться вопрос относительно акведука... — продолжал Менжевецкий.

— Вы и так у нас герой дня, — улыбнулся Торизо, — ваш потайной канал нам прямо как снег на голову.

— Перед активом я советовался с некоторыми коммунистами. — Это поднялся Джураев. Он тоже обращался к Торизо. — Есть мнение: обсудить этот вопрос.

Наступило молчание.

Поднялся Вадим Семенович и, печально улыбнувшись, сказал:

— Что-то сегодня у нас не ладится собрание, товарищи. Намечена была одна повестка дня, а тут предложили совсем другую. Хотя вопрос, который предлагается обсудить коллективу, это, так сказать, технический вопрос. Правильно, Михаил Николаевич?

Торизо посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Далее, — продолжал Вадим Семенович. — У нашего уважаемого Сигизмунда Генриховича Менжевецкого появились замечания к техническому проекту. Я позволю себе вкратце ознакомить вас с ними. Нет возражений? Так вот, у вас в памяти силь, который пронесся не так давно. В том месте, где он был, мы построим бетонную защиту, чтобы силь уходил в нижнее течение Кинджика, но в том месте, где был зимний силь, он может не повториться сто лет. Это редкий случай. А весной силы бывают почти всегда, они даже проложили себе русла в горах неподалеку от Головного сооружения. — Он повторил: — Там, в горах, есть русла, по которым всегда весной идут силевые воды. Представьте, что их устья помешают нам. Мы хотим перехватить силь и направить туда, куда нам будет удобно. Мы построим широкую воронку и будем в нее принимать весенние потоки и пропускать их под деривационным каналом в нижнее течение реки. Таков технический проект, который утвержден всеми инстанциями и нашим правительством.

— Правительство принимает весь проект в целом, — сказал Джураев, — а мы хотим улучшить отдельные детали проекта.

— Правильно, — подтвердил Вадим Семенович. — Вы совершенно правы, что хотите этого. Но я продолжу. Инженер Менжевецкий — человек, а вы сказали, с весьма свободным полетом фантазии, — предлагает си-

левое русло направить в верхнюю часть реки, прямо в водохранилище перед плотиной, с тем, чтобы не строить двух мостов для деривационного канала и для шоссе, под которым, как я уже говорил, пойдет бетонное силовое русло. Вот и все. Технический вопрос: вверх или вниз, строить мосты или не строить. Что тут обсуждать? Да еще коллективно?

— Но это сэкономит два миллиона рублей,— вновь перебил Джураев.

— Закир Гулямович,— обратился к нему Торизо,— вы человек уважаемый и как сменный инженер,— Торизо сделал ударение на слове «сменный»,— и как парторг Головного участка. Но имейте уважение к начальнику технического отдела всего Кинджикстроя. Он инженер, такой же, как вы, опытный, знающий, работал у меня на Днепре... Дайте возможность продолжить.

— Два миллиона многовато,— сказал кто-то из зала.

— Два миллиона,— прошептал мне Рашид.

Цифра, названная парторгом, бесспорно произвела впечатление. Это почувствовал Вадим Семенович. Он развел руками и сказал:

— Ну, собственно, вот и весь технический вопрос. Мы его решим.

— Разрешите мне,— Торизо, не вставая, повернул голову в сторону Краснянской. Та кивнула головой.

Широкоплечий Торизо, с ровным пробором седеющих волос, спокойно, с какой-то обезоруживающей доброй улыбкой, громким, ровным голосом стал рассказывать об основных проблемах строительства Головного узла.

Обводный канал — это еще не решение вопроса. С помощью обводного канала мы только отводим в сторону реку, а нам нужно строить плотину — очень сложное гидротехническое сооружение. Надо будет осушить дно Кинджика и под его дном сделать глубокие щели-колодцы. Нужно будет бетонировать, бетонировать и зимой. Он рассказывал, действительно, об очень сложных технических задачах. Он говорил, что рядом с плотиной будет водоприемник деривационного канала — специальные камеры. Из них вода пойдет дальше по каналу, она будет приводить в движение турбины, а турбины будут двигать генераторы. А оттуда через подстанции ток пойдет к химическому комбинату, где будут выпускаться удобрения для развития хлопководства всей Средней Азии.

— Мы сейчас очень дорого платим за удобрения,— говорил Торизо,— покупаем их на золото, а теперь у нас будут собственные удобрения. Мы будем экономить в день много сотен тысяч и миллионов рублей, а сейчас нам надо экономить время, ибо каждый час, сэкономленный на строительстве,— это тоже миллионы.— Он замолчал и тяжело вздохнул.— А экономить время мы не можем потому, что нас задерживает обводный канал. Вот, давайте посоветуемся, что нам делать.

Авторизованный перевод с татарского А. *Одинцова*.

Продолжение следует.

Встречая весну...

Раскрывается сердце навстречу весне.
Будет песня созвучна ее красоте!
Помню, в детстве весна приходила ко мне —
И в саду бушевала цветенья метель.
Я подснежник, бывало, найду среди трав, —
В волосах моих он заблестит, как звезда...
Я весне говорила: «Останься, сестра!
Пусть цветы не увянут твои никогда!..»
Как в постель, я, бывало, улягусь в траву,
Вижу — белое облако в небе летит...
То я мак шелковистый на крыше сорву,
То силки расставляю у птиц на пути...
Тонким запахом талы прохожих манят,
Над арыком качаются в полном цвету.
Пусть у девушек в косах подвески звенят —
Ветки тала в косички свои заплету...
То качели к урючине я привяжу
И лечу, и посыплется цвет: словно снег.
Лепестки-корабли — я часами гляжу —
Уплывают, качаясь на быстрой волне.
И за бабочкой долго гоняться люблю...
А потом, на припеке, в полуденный зной,
Уложу свою куклу, сама задремлю,
Убаюкана светом, теплом, тишиной...
В годы детства я рада бывала весне,
И сейчас я прошу, чтоб ты вечно цвела!
Вот, должно быть, поэтому нынче ты мне
Вместе с утренним ветром стихи принесла.
Если б в грудь не ворвалось дыханье земли —
Влажный запах готовых к посеву полей,
Если б в сердце тюльпаны твои не вошли,
Как нашла бы слова я для песни моей?

Ташкентские цветы

На цветы засмотрится прохожий...
Вы такой не видывали прелести!
Красотою с девушками схожи,
Смех девичий слышится в их шелесте.

Этих буйных красок пестрота!
Словно наземь уронили радугу!
— Хорошо,— подумаешь,— цветам
Жить под солнцем, радуясь и радуя!

Вас какими описать словами?
Не найдешь — и замолчишь в отчаяньи...
Наклониться я боюсь над вами,
Не память бы лепестки нечаянно!

Птицы в парке пропоют о вас,
И роса раздарит вам жемчужины.
Я сама, как песня, в этот час,
Мое сердце там — в листве разбуженной.

В дом войду, за стол рабочий сяду,
И рука берет перо медлительно...
Эх, цветы, краса родного сада,
Хорошо, что вы Ташкента жители!

Перевела с узбекского *Зоя Туманова*.

Елизавета ВИДОНОВА

Кобзарь

..Польхают зарницы,
Шумит ковылем Украина,
Бесконечны, как жизнь,
Вьются шляхи, ракиты пыля...
По раскрытой странице
Бредет с малышом Катерина,
Все любя и надеясь
Найти москаля...
Так поведал Кобзарь,
Что лежит под казацким
курганом

На крутом берегу
У широкого батьки-Днепра,
Плещут волны, как встарь,
На рассвете клубятся туманы,
И ракиты ветвями
Шумят до утра...
Песнь в народе живет,

Что орел на курган прилетает
Рассказать Кобзарю,
Как привольные степи
цветут,
Что свободный народ
Добрым словом певца
вспоминает,
Гайдамацкие правнуки
Песни Тараса поют.
И плывут облака,
По бескрайнему небу кочуя,
И уходит за море полночная
хмарь,
И орел-великан
Будто слышит сердечное
«чую»..
Так в бессмертии песен
Живет седоусый Кобзарь.

Рассказ

Хотя мой попутчик был против предложения переночевать в Темир-Куприке, но я его все же уговорил.

— Зачем терять зря время?— недовольно говорил он, выходя из автобуса.— Если ради чая... Мы могли бы для этого сделать остановку в Чимкургане.

— Послушаем дутар. В Темир-Куприке живет замечательный дутарист. Никто лучше него не исполняет «Тановар». Вот увидите, вы будете в восторге от его игры.

— Это из-за такой чепухи мы и сошли с автобуса? Удивительный вы человек! Мало вам музыки по радио? Чуть ли не каждый день транслируют игру на дутаре!

Я видел, как раздосадован мой попутчик. И я огорчился, что он не может оценить моего предложения. Мы долго шли молча. Через мост, вдоль канала вышли к чайхане. Только что раскрывшаяся, нежная листва стройных тополей шелестела на ветру.

В чайхане оказалось мало народу. Несколько человек хлопотали возле очагов, огороженных чией. Мы устроились на ковре у самого берега и заказали себе зеленого чая.

Мой попутчик сидел, хмуро глядя на воду. Наконец он достал из кармана вчетверо сложенную газету и принялся читать ее. Я чувствовал себя крайне неловко и не знал, чем его развлечь. Я задержался здесь, чтобы послушать, как играет на дутаре мастер Максуд, которого сам услышал двадцать лет назад. И до сих пор в душе моей звучат те мелодии. Тогда Максуд был двадцатипятилетним, стройным, завидного здоровья молодым человеком.

В годы строительства Большого Ферганского канала я часто в качестве корреспондента приезжал в Темир-Куприк и всякий раз до поздней ночи просиживал в чайхане, слушая игру Максуда. Строители, целыми днями копавшие землю, тоже допоздна засиживались в чайхане.— под звуки дутара они забывали про усталость. Особенно хорошо Максуд исполнял вариации мелодии «Тановар».

Однажды вечером я явился в чайхану с опозданием; все места оказались занятыми. Но было так тихо, словно чайхана пуста. В самом центре я увидел Максуда. Вот он, слегка откинув назад голову, прикрыв глаза, заиграл ферганскую «Тановар». А неподалеку от музыканта, покачиваясь в такт музыке, сидел Юлдаш-ата Ахунбабаев. Он

постукивал тонкими, длинными пальцами по своим коленям и не отрывал взгляда от струн дутара.

Я сел, облокотясь на бугристый ствол могучего карагача. Максуд играл. В сердцах стариков, замороженных мелодией «Тановар», воскресали давно угасшие переживания молодости, а в молодых сердцах разгоралось пламя больших чувств.

Кончив игру, мастер осторожно положил дутар и с улыбкой посмотрел на окружающих — те сидели молча и неподвижно. Казалось, взяв каждого за руку, он провел их по улице молодости, по давно минувшим дням, приговаривая: «Взгляни на свои юные годы, вспомни свою первую любовь, вспомни холмы, где собирал тюльпаны, реки, где купался. Вспомни свое волнение, когда ты впервые признался в любви своей подруге»...

Пока мой попутчик читал какую-то длинную статью, я вспоминал ту далекую ночь. И мне так захотелось снова услышать мелодию «Тановар» в исполнении мастера Максуда. Глядя по сторонам, я вдруг увидел его. Здесь же, в чайхане, на дальнем помосте, что стоял под раскидистой кроной карагача. Перед ним был чайник и тарелка с грушами. Увидев его, я радостно толкнул своего попутчика:

— Вон он, мастер Максуд! Я сейчас попрошу его, он не откажет... Нет, не откажет, я знаю его.

Я окликнул парнишку, помогавшего чайханщику, и попросил его принести дутар, а сам направился к мастеру. Он сразу узнал меня:

— Э, корреспондент! Откуда вы? Давно вас не было в наших краях.

Мы обрадовались друг другу. Припомнили вместе годы строительства канала, дорогих нам людей. Я сказал, что еду в Язьяван, а в Темиркуприке остановился только ради него.

— До сих пор у меня в ушах звучит мелодия, которую вы играли в тот вечер Юлдашу Ахунбабаеву. Если вам нетрудно, мне бы хотелось снова услышать вашу игру. Я давно мечтал об этом, не откажите.

На лице мастера появилось непонятное мне чувство неловкости. Уставившись в одну точку, он тяжело вздохнул и вдруг с волнением произнес:

— Уже 15 лет не брал я в руки дутар. Вот так, братец...

Не закончив фразу, он откинул левый рукав — я не поверил своим глазам! — руки не было до локтя. Не было руки у него, не было тех пальцев виртуоза, что оживляли мертвые струны.

— Вот, братец, война отняла у меня дутар...

Я растерялся, не зная, что сказать. Мне ведь и в голову не приходило, что искусные руки музыканта, радовавшие людей игрой на дутаре, тоже взялись за винтовку в тяжелые военные годы. Возникло неловкое молчание. Мастер, покручивая единственной рукой кончики посеребрённых усов, задумчиво глядел на солнечных зайчиков, прыгавших по земле, колеблющейся тени деревьев.

Тягостное молчание нарушил парнишка, принесший дутар. Он вытер ладонью пыль и положил дутар на одеяло, возле меня.

Мастер, часто моргая от волнения, смотрел то на дутар, то на меня. Заметив мое смущение, он поднялся и взял в руку инструмент.

— Если вы желаете послушать музыку, идемте!

Молча, боясь снова совершить какую-нибудь неловкость, я пошел за ним. Но на пороге чайханы сказал ему, что хотел бы пригласить и своего попутчика. Мастер согласился. Но уговорить попутчика мне удалось с трудом.

— Я очень жалею, что послушался вас и сошел с автобуса. Надо было ехать дальше! — ворчал он.

Перейдя мост, мастер зашел в какую-то калитку, но вскоре вернулся:

— Оказывается. Инобат сегодня на поле шестой бригады, пойдем туда.

Кто это — Инобат? Зачем мы пойдем на поле шестой бригады? Мы не решились спросить мастера и молча последовали за ним. Мой попутчик бросал на меня сердитые взгляды. И, отставая от мастера, все ворчал:

— Какая нужда, не понимаю? Можно подумать, что я услышу дутар впервые в жизни!

Мы обошли вспаханное поле. Рокотал трактор. Из тутовых зарослей с шумом поднялась стая скворцов. Мастер за всю дорогу не проронил ни слова. У полевого стана лицо его как бы просветлело. Неподалеку от нас, на поле, чем-то занимались люди. Из конца в конец вспаханного поля был протянут провод, и вдоль него двигался трактор — шел сев хлопчатника.

Женщина, сидевшая возле очага под нераспустившимся еще деревом джиды, взяла стопку чашек и направилась к арыку, где был расстелен дастархан.

Мастер, прищурился глазами, взглянул на солнце, ярко сиявшее над нашими головами:

— Пришли как раз к обеденному перерыву.

Трактор остановился посреди поля — заглох мотор. С сиденья прыгнула немолодая женщина в синем комбинезоне. Она посмотрела в нашу сторону и, обращаясь к человеку, вбивавшему кол для натягивания проволоки, что-то ему сказала.

Один за другим шли к полевому стану колхозники. Трактористка, увидев Максуда с дутаром в руке, удивилась:

— Мастер, почему вы здесь?

— Я привел гостей, доченька. Они приехали издалека, чтобы послушать твою игру. Не откажи им, Инобат, сыграй!

Инобат вытерла руки, перемазанные мазутом, и взяла дутар. Продолжая стоять, она согнула одно колено, на которое положила дутар, и, склонившись к нему ухом, настроила его. Зайдя под навес, она спросила:

— Что сыграть?

Переспрашивая: «Что?» — обратился к нам мастер.

Я попросил ее сыграть ферганскую «Тановар», которую мастер некогда исполнял для Юлдаша Ахунбабаева.

Удобно усевшись на разостланное одеяло, Инобат влажным платочком протерла тугие струны и, словно смущаясь присутствия своего учителя, робко заиграла.

Исподтишка взглянул я на своего попутчика. Он пустыми глазами смотрел на струйки дыма, выходящие из очага, и словно бы не замечал ничего вокруг.

Мелодия, начало которой не отличалось особым чувством, через некоторое время завладела мыслями слушателей. Инобат покачивалась в такт ей и закрывала глаза, то устремляла свой взгляд на отдаленные холмы, где, как красные язычки пламени, горели под лучами весеннего солнца тюльпаны, то, чуть запрокинув голову назад и не мигая, смотрела на ласточкино гнездо, прилепившееся под потолком. Казалось, прижимая дутар к груди, она выжимает из нее эти звуки, шемящие сердце. Не верилось, что эти руки, владевшие высоким мастерством музыканта, всего лишь минуту назад управляли мощным трактором.

Мелодия, которую я слушал в ее исполнении, пробудила во мне воспоминания детства. Потом напев, похожий то на буйные волны, то

на тихий утренний ветерок, напомнил мне о чувствах моей юности, притаившихся дотопе в глубине сердца. Поднялась во мне какая-то большая, никому еще неведомая сила, способная на великие подвиги. Мне захотелось петь под аккомпанемент дутара, петь во весь голос. Воспеть приход весны, возрождение окружающей нас природы.

Я взглянул на своего попутчика: глаза его наполнились слезами. Он сидел, упершись обеими руками в подбородок, и, видимо, не замечал, что плачет.

Среди слушателей Инобат, мне казалось, бесстрастным оставался только мастер Максуд. Я не находил следов волнения ни в его взгляде, ни в его лице. Он словно бы не видел и взволнованности окружающих. Глаза его были прикованы к рукам Инобат: он следил за ними так, будто тем лишь и озабочен, чтобы руки музыкантши не сбились с темпа.

Но я понимал: самое дорогое — клад свой, скопленный некогда упорным трудом, — мастер отдал своей ученице. А Инобат бережно стерла ладонью пыль с сокровища, прибавив ему новый блеск, новую красоту.

Рассказ

Как только мы обогнули ущелье, лучи солнца ударили в стекло машины. В глазах зарябило, и Эргаш опустил козырек черного стекла над рулем. Дорога была узкой, поэтому казалось, что каждая встречная машина непременно заденет нас. Эргаш только недавно научился водить машину и был еще не очень ловок. Если верить его словам, за те два месяца, что он сел за руль, Эргаш задавил пять кур и семь кошек. Сегодня он впервые выехал на своей машине за город. Мы направлялись в Яккачинар, к Зейнаб, окончившей вместе с нами техникум. Уже два года она работает десятником на строительстве водохранилища в Яккачинаре. Прежде, пока не построили эту дорогу, приходилось от районного центра перебираться через перевал — либо пешком, либо на осле, либо на лошади, а теперь здесь ходят рейсовые машины. Кроме того, с весны этого года туда начали летать вертолеты. Больше года я не видел Зейнаб, и, как только Эргаш получил права водителя, на другой же день, на рассвете, мы поехали к ней.

Воздух был чист. По склонам гор ползли лохматые ключья облаков. Вершины могучих елей блестели, словно опыленные серебром. С корней старых чинаров, сплетшихся в сплошные тенета, на дорогу скатывались капли росы, покрывая шоссе причудливыми узорами.

Машина свернула вправо, и снова густые, зеленые заросли заслонили солнце, словно внезапно опустились сумерки. Мы въехали в длин-

ный туннель, где сверху часто и звонко капала вода. Когда мы выехали из туннеля, солнечный свет, заслоненный голыми вершинами гор, смутно освещал дорогу. По склону спускалась женщина в голубой косынке на голове, опираясь, как на посох, на длинную рукоятку молотка. По толстому корню чинара она соскользнула на шоссе и сделала рукой знак: проезда нет.

— Что случилось?

— Дорогу размыло ливнем.

— Нельзя ли проехать в Яккачинар?

— Нет, — покачала головой женщина. — Дорогу срочно чинят. Ведь у въезда в туннель написано: «Дорога закрыта». Вы не видели, что ли?

Видно, из-за окружавшего нас полумрака мы не заметили этой надписи. Что же делать? Я взглянул на Эргаша, Эргаш — на меня. Стоявшая в задумчивости женщина, кивнув на хребет, посоветовала:

— Можно пешком через перевал. За час выйдете к поселку строителей водохранилища.

Эргаш почесал затылок:

— А как с машиной?

— Можете оставить здесь, никто не тронет, — ответила женщина, взглянув на машину. — А не то поставьте в ореховую рощу, по ту сторону туннеля. Там лагерь геологов.

Это предложение больше понравилось Эргашу. Женщина тоже села в машину.

Лагерь оказался неподалеку — в густой ореховой роще стояли три палатки. Под грузовой машиной, покрытой брезентом, подставив под ось домкрат, лежал на спине шофер. Он пытался ударяя молотком по колесу. У палатки маленький олененок с аппетитом лакал что-то из банки с надписью «Сгущенное молоко». Он так был увлечен, что на сигнал нашего клаксона даже не поднял голову.

— Ливнем его принесло, — объяснила женщина, выходя из машины.

Олененок, услышав ее голос, поднял голову и вдруг прытко подбежал к ней.

— Хочешь получить что-нибудь, дурашка?

Пока она доставала сахар из кармана, олененок бегал, подпрыгивая, вокруг нее.

— Очень привык ко мне, — произнесла женщина, давая ему с ладони кусок сахара. — А от других убегаёт.

Она взяла олененка на руки и приласкала его, словно ребенка.

Вокруг стояла тишина. Пока Эргаш отводил машину на облюбованное место, я засмотрелся на женщину с олененком, резвившихся, словно мать и дитя.

Выехав на рассвете, мы не позавтракали, поэтому Эргаш взял из багажника корзину с провизией и опустился с ней на траву. Женщина вынесла из палатки чай и две алюминиевые кружки. Мы и ее пригласили к чаю, но она отказалась. Развлекаясь с олененком, она сдернула с головы косынку и говорила что-то, понятное только ему одному. Ей было уже за пятьдесят. А сразу, на спуске с горы, она показалась мне тридцатилетней. На лице ее — ни морщинки. Только в волосах белела длинная седая прядь, которую прежде скрывала косынка. Когда она, присев, смеялась над проделками олененка, я успел заметить, что ее белые зубы — вставные. Платье на ней — выцветшее, штапельное. Но выражение глаз и все ее лицо, искреннее, простодушное, было полно какого-то странного обаяния. Заметив мой внимательный взгляд, она опустила олененка и встала. Сказав что-то шоферу, который навинчивал колесо, она снова вернулась. Каждый раз, взглядывая на нее, я

смущался, чувствуя — непонятное мне — ее превосходство, может быть оттого, что она чем-то напоминала мою учительницу тех далеких дней, когда я был первоклассником.

— В штаб водохранилища вас проведет Фазлиддин, — и повторила: — О машине не беспокойтесь.

Поблагодарив ее, мы отправились. Шофер Фазлиддин оказался человеком нервным, раздражительным. Проклиная и камни и горы, он долго ворчал. Сперва мы опасались, что причиной его досады являемся мы, оказавшиеся для него неожиданной обузой, но вскоре убедились, что досаждали ему именно камни и горы.

— Одной покрышки не хватает даже на десять дней. Проклятые камни! Прямо грызут резину. И вообще-то, дернуло меня связаться с этой работой! Двенадцать месяцев в году пропадая в этих горах. А геологи... До чего же это нудный народ. Найдут какой-то камешек и неделями вертят его, поворачивают и так и сяк. Таращат, таращат глаза, будто взглядом можно выжать из него масло. Раньше у меня была мировая работа, водил я «Волгу» райпищеторга. Я давно перебрался бы в город... Вот только из почтения к тетушке околачиваюсь здесь. Хороший человек! Вот женщина... Горе, которое она пережила, могло бы и слона свалить! А она не согнулась. Сильная душа!

Фазлиддин одобрительно покачал головой и долго шел молча. Когда, карабкаясь по камням, мы взобрались на вершину перевала, он попросил у Эргаша папиросу.

— Покрышки нет, вот и не могу в район съездить. Папиросы еще вчера кончились. На автобазе водохранилища тоже есть покрышки. Она уже договорилась, дадут нам четыре штуки. Получу, и сразу же съезжу в район, закуплю что надо. У геологов продукты кончились. Ну и геологи — холод, голод, все им ничем.

Воспользовавшись моментом, пока он затягивался папиросой, я спросил у Фазлиддина, что за человек эта его «тетушка»?

— Ой-е, вы не знаете ее? Вот это да! Оказывается, в Советском Союзе не все ее знают! Видно, у нас еще не все невежественные люди перевелись. Так знайте же! Она — академик Халима Рустамова!

Фазлиддин не без превосходства ухмыльнулся нашему невежеству.

— Слышать-то мы про нее много слышали, а вот увидели только теперь.

— Так бы и сказали!

И в самом деле доктор геологических наук, академик Халима Рустамова — человек известный, особенно в Средней Азии. Она участвовала в открытии многих полезных ископаемых, подготовила не одну сотню геологов. В горах, называвшихся почему-то «Бесплодными», она открыла неисчислимые запасы железа, за что была удостоена звания лауреата. Все знали: в этих «Бесплодных» горах сейчас ведется крупное строительство. Мне она представлялась совершенно иной. Женщина, которую я встретил сегодня, ничем не походила на академика. Слова, одежда, поведение, манеры — все в ней просто; даже не верилось, что мы видели известного ученого.

— Вы сказали, что горе, которое она пережила, было бы и слону непосильно. Какое же могло быть горе или нужда у такого человека?

Фазлиддин, взглядываясь в огонек папиросы, с которой сдунул пепел, вздохнул и объяснил:

— Муж у нее погиб на фронте в сорок втором. Если сейчас ей пятьдесят четыре года, то каких же лет она овдовела? В то время ее сыну, моему покойному другу Мурадджану, было одиннадцать лет. Благодаря ей он не чувствовал, что отца нет. Она его выучила, сделала человеком. Нелегко ей приходилось. Когда Мурадджан закончил институт, она стала брать его с собой в экспедиции. Хороший был. Кра-

сивый! Одному человеку и не нужно столько красоты. И способный на редкость. Но, видать, короткий век был у бедняги: в прошлую осень брали образцы породы вон с той скалы. У одной взрывчатки шнур не загорелся. Он потянул обратно, и тут произошел взрыв. Погиб. Ах какой он был! Как она горевала! Еще год назад она была крепкой,стройной. Теперь поседела, согнулась. Недаром говорится — «умершие тянут». Осталась она одна-одинешенька. За той скалой есть другая тропинка, там его и похоронили. На обратном пути надо пойти той дорогой, увидите его могилу. Махнул бы я на все рукой, уехал бы отсюда, да не могу: как ее оставить тут одну? Подумайте сами! А у него и любимая девушка здесь осталась. Тоже не может утешиться... Вот и живу я тут, чем могу помогаю тетушке. Она привыкла ко мне. А видели, как она балует олененка? Словно дитя свое. Ради него и от своего куска откажется.

Покурив, мы начали спуск в долину, наполненную ревом экскаваторов.

Около палатки, поставленной на склоне горы над привольем широкой долины, возилась с тувелькой девушка, забивая гвоздь в каблук. Фазлиддин небрежно спросил ее:

— Ну что, обманщики, ложь уже приготовили?

Девушка, состроив гримасу, показала ему язык.

— Кого вы так называете?— спросил я.

— Эти самые люди дают в Ташкент сведения о погоде. Их прогнозы, бывает, обманывают. Вот я и донимаю их.

Девушка погрозила тувелькой:

— Мы обманываем? Ври больше!

Фазлиддин, притворяясь испуганным, закрыл голову руками.

Мы прошли дальше, и Фазлиддин, снова став серьезным, сказал:

— Не легко им тут. И в холод, и в зной не отходят от скалы. Вот их тоже можно назвать героями.

Наконец мы подошли к строительству. Фазлиддин, простившись с нами, пошел на автобазу за покрышками, а нам не повезло. Зейнаб мы не нашли: пользуясь выходным днем, она ушла в горы, вернется поздно. Не зная, куда себя деть, мы зашли в чайхану. Группа практикантов-студентов из города пела «Подмосковные вечера». От могучего хора, казалось, вот-вот рухнут стены чайханы. Старый профессор, воздев на нос громоздкие очки, читал газету. Чувствуя усталость, мы бесцеремонно потеснили студентов и заказали чай. Обратный путь до туннеля мы намеревались проехать в автобусе. Но и это намерение разлетелось в прах: оказалось, что дорогу починить в этот день не успеют. Предстояло обратный путь проделать через тот же хребет! Настроение упало. Не задерживаясь, мы пошли назад, но, вспомнив слова Фазлиддина, избрали другую тропу.

Склоны гор, утром подернутые тусклой синевой, теперь были ярко освещены и накалились на солнце. Хватаясь за корни кустарников, по узенькой тропе мы почти дошли до перевала, когда увидели каменное надгробие. Какая-то тоненькая женщина стояла там с книгой в руках, повернувшись лицом к закату. Сердце мое дрогнуло: я узнал Зейнаб, которую так рвался увидеть. Я понял, она пришла на могилу любимого. Я остановился, не смея нарушить ее задумчивости. Тихо, стараясь не обнаружить своего присутствия, мы, снова карабкаясь по камням, перешли на другую дорогу.

Солнце, огненное, огромное, как свадебное блюдо, уже ударилось краем о вершины скал. Багровыми кострами еще пылали самые высокие вершины над потемневшим нагромождением гор. Но, постепенно тускнея, померкли и эти вершины.

Перевела с узбекского Рауза Бородина.

Танцовщицей с бубном мне ночь отплясала...
А вот и подъезд мой,
а выше окно.
И я —
утомленно
сажусь на ступени.
И все происшедшее
где-то — за мной,
А я в бесконечном
оцепененьи.
Я смутно пытаюсь хоть что-то понять,
Над ухом бранится и охает мать:
«Ты где же, бесстыдница, ночь провела?»
«Я с милым гуляла,
а ночь проплыла...
Гуляла,
а день незаметно взошел...
Ругайся, раз нужно...
а мне хорошо!».

«Счастье пришло

Расскажу о странном случае.
Скажете, завралась я?
Рано утром
ко мне на лучике
Прямо в окно
спустилось счастье.
И долго,
крепко,
сладко,
горько
Целовало сонную в губы.
Глупо краснела мешанка-зорька,
А счастье —
сильное,
белозубое,
Такое удивительно ясноглазое...
Взглядом с улыбинкой по счастью
скользнула:
«Боже,
и до чего ж ты чумазое,
Мазутное
ко мне прильнуло!»
А оно
просияло во весь рот:
«Шел с ночной,
с завода прямо,
Пусты улицы,
спит народ,
В твое окно заветное глянул,
Ну и —
вот...»

* * *

Бирюза самаркандского неба
над зеленой отарой садов,
и, блее первого снега,
надо мною гряда облаков.
А вокруг
столько теплого света,
пробудившейся к жизни весны,
что тюльпаны в петлицу жакета
мне сию же минуту нужны:
я хочу быть сегодня весенней,
улыбающейся и простой,
потому что любви наважденье
уничтожило мой покой.

* * *

Я думала —
одни руины
остались от Биби-ханым —
от памятника-исполина,
а он
открылся мне иным:
когда я шла ему навстречу
с крутой, как водопад, горы,
он вдруг возник,
подобно смерчу,
в неверном мареве жары.
Он яснился
и улыбался
над пыльной зеленью листвы,
то уходил,
то приближался
огромный сколок синевы.

* * *

Ташкент, Ташкент,
о сколько раз
тебя звала я на чужбине,
тепло твоих восточных глаз
и абрис необычных линий.
Ташкент, Ташкент,
ты мне, как брат,
в беде протягиваешь руки...
Нет,
ты никак не виноват
в изранившей меня разлуке.
Прости меня
за то, что я
чего-то лучшего искала
и не однажды от тебя
в неведомое убегала.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ
Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Автопортрет

Г. ЧАБРОВ

ДУМЫ ЛЮБВИ И ПЕЧАЛИ

Сто лет со дня смерти Т. Г. Шевченко... Пройден величественный путь. Свершилась социалистическая революция. Осуществлена мечта поэта о счастье своего народа, о «семье великой, вольной, новой», о братской федерации народов от Севера до Юга...

Ныне гневные и нежные, пламенные и скорбные строки поэта читают в нашей стране на десятках языков, и на всех чтут поэта, который, борясь и страдая, сумел

Прочсть все черные страницы,

Все незаконные дела

И сохранить полет Орла

И сердце чистой голубицы...

Шевченко давно уже, еще с XIX века, знают в Казахстане и Узбекистане. Ныне любовь к нему стала здесь поистине всенародной — любовь к поэту и художнику, который относился к предкам современных казахов и узбеков с трогательной теплотой и участием.

Он изучал их обычаи, нравы, «болея ах болями», запечатлевал в слове и красках их быт.

«Восточное творчество» Шевченко поучительно и интересно.

Прошло сто лет со дня смерти великого сына украинского народа, поэта и художника, революционного демократа Тараса Григорьевича Шевченко.

Десять томительных лет провел «русской земли человек замечательный» в неволе, в Казахстане на положении бес-

правного солдата из ссыльных. Однако и там нашлись честные и умные люди, благодаря которым большое и своеобразное художественное дарование Шевченко не угасло, получило свое яркое выражение в создании замечательных произведений.

Изучению творчества Шевченко-художника посвящено немало исследований. Однако творчество периода ссылки не получило еще полного и исчерпывающего освещения. Недостатком многих исследований является то, что творчество Шевченко рассматривается лишь в связи с событиями художественной жизни современной ему России и Украины.

Исследователи забывают о том, что в Казахстане художник имел предшественников и художников-современников, без изучения творчества которых невозможно правильно понять особенности творческого метода Шевченко, его достижения. История развития изобразительного искусства в Казахстане была изучена очень слабо. Это приводило к тому, что особенности творческого пути художника-гражданина не могли быть полностью раскрыты — они не сопоставлялись с особенностями произведений предшественников и современников.

Наша работа является попыткой изучения творчества Тараса Шевченко как одного из художников, которых вдохновляли быт казахского народа, своеобразие и прелесть природы Казахстана и Средней Азии.

Еще в XVIII веке были сделаны первые попытки реалистического отображения природы Казахстана и жизни его обитателей. Однако, выполняя эти работы, художники ученых экспедиций того времени преследовали свои особые цели и, кроме того, среди них не было, как правило, людей с хорошей профессиональной подготовкой. В силу этого работы, созданные в XVIII в., относительно мало интересны.

В первой же половине XIX века, когда в Казахстане работали воспитанники Академии художеств, имевшие прекрасную профессиональную подготовку, дело совершенно изменилось. Эти художники сумели создать немало живописных и графических произведений, раскрывавших своеобразную красоту природы степей и дававших правдивые зарисовки некоторых сторон жизни обитателей этих степей.

В начале XIX в. в Казахстане побывал с экспедицией живописец и гравёр Емельян Корнеев, который создал ряд жанровых сцен из жизни казахов, впоследствии воспроизведенных в цветных гравюрах, изданных в Париже. По приглашению оренбургского начальства здесь работали сверстники Шевченко, его товарищи по Академии Василий Штернберг и Андрей Горюнович. Уроженец Оренбурга, сын солдата Алексей Чернышев, получивший возможность учиться в Академии, наезжал сюда на каникулы.

Весьма любознательные и нередко одаренные художники-любители — офицеры, чиновники, ссыльные поляки также внесли свой, нередко весьма интересный по своей документально-точной фиксации изображаемого, вклад в развитие изобразительного искусства в Казахстане. Видное место среди любителей занимали ссыльный поляк, друг Шевченко, Бронислав Залеский и жена исследователя Аральского моря Бутакова Ольга Николаевна Бутакова. Каждому из этих художников были присущи свои творческие искания и свои возможности. Но есть и нечто общее, что было свойственно всем воспитанникам Академии. Все они, за исключением, может быть, только А. Чернышева, стремились найти и отобразить особые, специфические черты в жизни казахского народа, раскрыть экзотику этой, для них непонятной жизни.

Но это приводило и к тому, что художники невольно обращали внимание на особенно эффектные стороны жизни верхушки казахских феодалов: многолюдные охотничьи сцены, движение караванов, их отдых на привалах, народные гулянья и спортивные игры. Все это, конечно, не отражало жизни простого казахского народа — бедняков, которые редко имели возможность наесться досыта, которые постоянно ходили в лохмотьях, выполняя самые тяжелые работы на своих баев.

Идеализация действительности — общий порок этих художников-профессионалов. В той или иной мере она заметна

в творчестве предшественников и современников Шевченко.

Василий Штернберг, проживший в степях лишь несколько месяцев, вывез большое количество зарисовок и акварелей, значительная часть которых, к сожалению, не сохранилась. С большой наблюдательностью фиксировал он сцены народной жизни, но, естественно, работая здесь столь недолгое время, не мог подняться до создания полноценных произведений.

В акварелях Андрея Гороновича, одного из любимых учеников Карла Брюллова, с большим чувством раскрыты красоты природы присырдарьинских районов, созданы эффектные картины жизни зажиточной верхушки казахского общества. Сцены жизни простого народа у него сравнительно редки, и персонажи этих сцен обычно лишены ясной социальной характеристики. Две большие картины, написанные художником в Казахстане, отображают жизнь Менового двора в Оренбурге и переправу торгового каравана через реку.

Алексей Чернышев, выросший среди казахов, естественно, не искал в их жизни ничего экзотического. Однако и этот большой мастер простонародного жанра не создал на местном материале ничего такого, что могло бы соперничать с его картинами из русской жизни. Заслугой Чернышева является его внимание к изображению спортивных игр и состязаний, зарисовки представителей оренбургской политической ссылки.

Между этими художниками и Тарасом Шевченко стоит одинокая фигура первого художника-казаха. Талантливый ученый, писатель и смелый путешественник Чокан Валиханов очень хорошо овладел карандашом и кистью. В своих произведениях он стремился выразить передовые эстетические идеи русских революционных демократов. Но выполнить все, что было задумано, ему не удалось, его короткая жизнь была до предела насыщена научными интересами. При знакомстве с художественным наследием Валиханова по-

ражает исключительная широта его интересов. Он успешно работал в области портрета и пейзажа. С высокой достоверностью и глубоким сочувствием к судьбе женщины Валиханов делал жанровые зарисовки. Он изображал памятники старины, делал наброски животных.

Русские современники Шевченко — художники Казахстана — имели широкие возможности для ознакомления зрителя со своим творчеством. Для Шевченко это было совершенно недоступно: его работы знал очень ограниченный круг его оренбургских и украинских друзей...

* * *

В ссылку Тарас Шевченко попал вскоре после окончания Академии художеств. Он успел поработать у себя на родине. Им были созданы превосходные пейзажи, интересно скомпонованные жанровые сцены из жизни украинского крестьянства. По заданиям научных учреждений художник делал зарисовки памятников старины. Такие художественные интересы в значительной мере определяли и его творческие искания в годы ссылки.

За десятилетие пребывания в ссылке Шевченко имел возможность заниматься творческой деятельностью лишь в течение шести-семи лет. Привезенный в Оренбург летом 1847 г., он вскоре был отправлен на службу в Орскую крепость, где пробыл до мая 1848 г. Этот период был временем тяжелых и острых переживаний неволи. Страшным лишением было строжайшее запрещение писать и рисовать... «Высшая мука для художника — видеть и не изображать», — писал Шевченко. Пребывание в Орске было временем вынужденного бездействия. Лишь изредка, украдкой, удавалось делать несколько строчек записей в «захалавной» книжке. Но рисовать было совершенно невозможно.

С мая 1848 по осень 1849 г. — период напряженной творческой работы в качестве рисовальщика «описной экспедиции Аральского моря». Шевченко никогда не забывал начальника этой экспедиции — капитан-лейтенанта Алексея Ивановича

Бутакова, который добился разрешения включить Шевченко в состав экспедиции. Два экспедиционных сезона на Аральском море, даже тяжелая зимовка в низких комнатах на Кос-Арале были самым светлым периодом десятилетней ссылки.

С осени 1849 г. Шевченко, сосланный из Оренбурга в Новопетровское укрепление на восточном берегу Каспийского моря, вновь попал в тягостное положение штрафного. Опять начались дни бессмысленной муштры, опять унылая и однообразная жизнь «смрадной казармы». Запрещение писать и рисовать заставило художника попробовать свои силы в скульптуре.

Однако вскоре и здесь нашлись умные и добрые люди, давшие возможность художнику заниматься любимым искусством. Здесь, на суровом и бесплодном побережье Каспия, Шевченко создает немало глубоких по идейному содержанию и мастерских по исполнению произведений.

Среди художественного наследия Шевченко рассматриваемого периода самое большое место занимают пейзажные произведения. Большую часть их составляют работы, выполненные во время Аральской экспедиции.

Исследователи издавна обратили внимание на эти произведения, отмечая их высокие художественные и познавательные достоинства, их глубокое философское содержание. Однако никто не обращал внимания на те отличия, которые выделяли эти произведения из пейзажного наследия предшественников и современников Шевченко.

Подходя к пейзажным произведениям Шевченко с этой стороны, нужно прежде всего отметить, что его предшественникам были доступны только степные и присырдарьинские пейзажи в районе к югу от Оренбурга. Шевченко же видел гораздо больше. Он плывал по еще неизвестному Аральскому морю и бродил по его пустынным берегам. Он зимовал на суровом побережье Каспия, посещал Мангышлак,

видел бесплодные красные и черные пески.

Но разница была не только в этом. В отличие от своих товарищей-академистов, которые могли в любое время уехать на родину, Шевченко был прикован к солдатчине и не знал, когда настанет время освобождения... И несмотря на это, именно он сумел подняться до создания подлинно глубоких и обобщенных образов природы различных районов Казахстана — от оренбургских степей до бесплодных пустынь.

Своеобразие творческих приемов Шевченко-пейзажиста раскрывается уже в его первых степных пейзажах, написанных во время перехода каравана из Орёка в Раим летом 1848 г. Акварельные изображения степных укреплений Кара-Бутака, Иргиз-Кала и Раимского прекрасно передают своеобразие природы долин, где, по берегам редких степных рек, строились эти укрепления. Изображая с документальной точностью строения этих укреплений, художник никогда не делает их доминирующими над пейзажем. Ни в одной из этих работ нет изображений гарнизонных солдат, которые поразили Шевченко своим болезненным, унылым видом. Пейзаж, прекрасно передающий заброшенность укреплений в необъятной степи, всегда оживляется фигурами степных кочевников: то их шатры разбиты под стенами укреплений, то они неторопливо бредут куда-то по берегам рек.

Глубоко и точно продумана композиция акварели, на которой изображено укрепление Раим, стоящее на берегу Сырдарьи. В отличие от видов Кара-Бутака и Иргиз-Калы, стоящих на берегах узких степных речушек, здесь художник подчеркивает мощь полноводной реки, показывает своеобразие прибрежной растительности. Силуэтом на заднем плане едва намечены строения укрепления: в них для художника не было ничего нового. И здесь укрепление стоит на горе. Этим вновь подчеркивается заброшенность и одиноче-

ство форпостов царской власти, разделенных расстоянием в сотни степных верст.

В другом произведении Шевченко находит еще одну возможность подчеркнуть безбрежный простор степей. Акварель «Дустанова могила» показывает степь в вечерние часы.

Четко рисуются на фоне неба очертания далеких холмов: степь — не всегда гладкая равнина... На холме, стоящем в центре композиции, виден характерный силуэт старинного, овечьего легендами степного мавзолея.

Далекие просторы степи, покрытой скудной растительностью, Шевченко подчеркивает силуэтом одинокого дерева, издавна являющегося местом почитания. Это «Джан-Гыс-Агач» — святое дерево. В названных произведениях раскрываются глубоко прочувствованные художником характерные образы степного ландшафта, всегда овечьные у него настроениями элегической грусти.

Документальную достоверность и высокую художественную выразительность аральских пейзажей неоднократно отмечали исследователи творчества художника. Такой характер носят, например, сложенные из осадочных пород белые утесы «Крутого берега» моря, утесы, напоминающие руины старинной крепости. Столь же выразительно и достоверно изображены пейзажи аральских островов, открытых и описанных экспедицией Бутакова. Безукоризненно точно, без снижения выразительности и силы, передаются особенности растительного покрова берегов.

Среди серии аральских пейзажей, которые М. Шагинян не без основания назвала «философской поэмой», выделяются акварели подчеркнуто романтического характера — «Лунные ночи на Кос-Арале».

Опыт пейзажного мастерства, накопленный на Арале, Шевченко широко использует во время пребывания в Новопетровском укреплении. Природа этого места произвела на художника самое безотрадное и гнетущее впечатление: «Пустыня, совершенная пустыня, — писал он Лизогубу, — без всякой растительности... песок да камень... Такая тоска одолевает, что сам не знаешь, что с собой делать»...

Но и такую бедную природу было строжайше запрещено изображать.

Только летом 1851 г. получил Шевченко возможность короткое время заняться живописью. Приехавший сюда с экспедицией Бронислав Залеский сумел добиться разрешения на включение в ее состав Тараса Шевченко. Эта кратковременная поездка ознаменовалась созданием замечательных произведений, показавших, что талант художника не заглух от вынужденного бездействия.

Акварель «Вид на Кара-Тау с долины Алазырь» — вид на урочище, где находился один из многочисленных туркменских некрополей, — по своему настроению напоминает героические пейзажи Пуссена. Свообразная красота туркменских кладбищ и почитаемых могил святых вдохновила художника на создание замечательных произведений. В этом сказался присутствующий Шевченко интерес к далекому прошлому. Особенно удачна акварель «Далисман-Мулла-ауль», изображающая могилу святого. Эта могила расположена на склоне горы, по соседству с глубокой пещерой. Нагромождение камней, над которыми возвышаются шесть знамен с конскими хвостами, — вот что представляет собою эта могила. Используя контраст между ярко освещенными и скрытыми в глубокой тени стенами пещеры, художник создает яркое и сильное произведение, наполненное глубоким чувством. Данью академической традиции явилась фигура рисующего художника (это Бронислав Залеский) и двух оседланных коней, стоящих у гробницы.

Интересно, что ни в этом произведении, ни в двух других, на которых Шевченко изображает группы туркменских мавзолеев — строений, богато украшенных деталями из резного камня, — нет ничего мрачного, пессимистического. Белые стены построек, кое-где покрытые остатками ярких росписей, четко выделяются на фоне облачного неба и интенсивно желтого песка. Яркость тонов способствует созданию у зрителя чувств, совершенно противоположных тем, какие, казалось бы, должно вызывать изображение заброшенного кладбища, затерянного в бесплодных песках.

Неоднократно изображая окрестности Новопетровского укрепления, художник нашел и здесь суровую красоту, которую сумел донести до зрителя. Редким исключением в группе новопетровских пейза-

жей являются романтические «Лунные ночи среди гор», перекликающиеся с пейзажами ночного Кос-Арала.

«Пейзажная живопись» Шевченко — настоящая лирическая поэма, посвященная природе Казахстана.

* * *

И в жанровых произведениях Тараса Шевченко с большой силой раскрываются особенности его творческого метода. Еще в Орске он был поражен красочностью быта кочевников и степных караванов. Но близко соприкоснуться с казахским

казахов и их детей, художник прекрасно передавал их переживания и показывал свое сочувствие к этим простым людям. В крошечные комнатки зимовья к Шевченко неоднократно приходили погреться полюбившиеся ему ребятишки. Он охотно изображал их. Сохранились произведения, показывающие мальчика, дремлющего у печки, и другого, который сидит, подкладывая в топку дрова.

Характерная особенность жанровых произведений Шевченко — их максимально простая композиция. Это достигалось фиксацией обычных трудовых будней, где изо-

Трио

народом ему удалось лишь во время зимовки на Кос-Арале. Здесь невозможно было встретить то, что напоминало бы излюбленные его современниками экзотические сцены казахского быта, быта богатеев. Но если бы Шевченко и наблюдал их — вряд ли это вдохновило бы художника на создание какого-либо произведения.

Жизнь бедноты была крайне однообразной, особенно зимой. Но и в это суровое время года нужно было заботиться о своем пропитании. В самые страшные морозы людям приходилось совершать длительные поездки. Но зато как сладок был отдых после таких трудов! Не случайно именно таков сюжет нескольких шевченковских косаральских сений. Изображая

бращаемые отнюдь не позировали, а беседуя с рисующим художником, продолжали свободно заниматься своими делами. Это видно, например, на работе «Казахи в юрте», где мужчина занят толчением зерна в ступе, а женщина приготовлением пищи в большом чугунном котле.

Научившись понимать казахов во время пребывания в экспедиции, Шевченко с большим удовольствием общался с местным населением и во время ссылки в Новопетровск. Это общение, особенно беседы с детьми бедняков, заставляло забывать тягости унылой и однообразной жизни в стенах затхлой и смрадной казармы, среди грубых солдат-

штрафников и бессмысленно жестоких офицеров.

В Новопетровской ссылке созданы подлинные шедевры жанровой сюиты художника. Одним из них является известная сепия «Трио». В бедной юрте показана казахская семья. Аккомпанируя себе на струнном инструменте, меланхолически напевает что-то молодой супруг. Сидящая в открытых дверях юрты его молодая жена занята каким-то рукоделем. В этот несложный сюжет вложено глубокое настроение. Художник прекрасно передал, что для этих обиженных жизнью бедняков семейное счастье — это единственное, чего не могут у них отнять ни жадные баи, ни жестокие колонизаторы.

С этой работой перекликается сепия «Песня молодого казаха». И это произведение, сочетающее безукоризненную этнографическую достоверность с силой выражения, наполнено глубоким сочувствием к жизни бедняков, скрашивающих свое существование занятиями любимым искусством.

В последние годы ссылки Шевченко создал одно из самых проникновенных своих произведений — портрет молодой казашки. Казашка Катя — служанка в семье коменданта крепости И. А. Ускова, изображена во время религиозной церемонии. Ночью, со светильником в руках, она посетила могилы своих родичей. В этом портрете Шевченко раскрыл своеобразную привлекательность молодой казахской девушки.

Мы уже упоминали о том, что запрещение рисовать побудило Шевченко испытать свои силы в скульптуре. К сожалению, созданных им работ — скульптурных групп — до нас не дошло. Мы знаем о них лишь по рассказам современников-очевидцев. Интересно, однако, отметить, что одна из скульптурных композиций повторяла сюжет сепии «Трио».

Чтобы правильно оценить значение этих творческих исканий, нужно напомнить, что в то время русское искусство совершенно не знало реалистических скульптурных изображений даже русских крестьян, не говоря уже о представителях

Казашка Катя

нерусских народов. Таких работ не создавалось до конца 60-х годов. Тарас Шевченко был подлинным пионером-новатором, впервые поднявшим эту, столь богатую возможностями тему. И только в 70-х гг. появились в русской скульптуре изображения казахов и туркмен, созданные скульпторами А. Л. Обером (1843—1917) и Е. А. Лансере (1848—1886).

Шевченко был одним из немногих художников первой половины XIX века, правдиво и без прикрас показавших неприглядный и жестокий быт николаевской казармы. Ужасные условия солдатчины, жестокие кары, грозившие виноватым, бессмысленная муштра — все это с огромной силой передано в ряде произведений Шевченко.

Тяжесть многолетней лямки николаевского солдата, одного из тех, которых по приказанию императора безжалостно забивали, чтобы выучить тонкостям «фрунта», передается знаменитой серией рисунков к евангельской притче «О блудном сыне».

Две работы из этой серии Шевченко показывают казарменную жизнь оренбургской ссылки. Вот «Наказание колодкой». Изображенный здесь молодой солдат сидит, привязанный к столбу. В глубине профильный силуэт сидящего у стены солдата. Выразительность и индивидуальность этой фигуры не оставляют никакого сомнения в том, что в ней Шевченко изобразил самого себя...

На плацу перед Орской крепостью происходит и «Наказание шпицрутенами» — самое жестокое и бесчеловечное наказание из всего арсенала мучительства николаевской армии. На плац уже выведены солдаты, построены в две шеренги друг против друга. Это подневольные исполнители жестокого наказания, которому должен подвергнуться один из их товарищей. Офицер заканчивает чтение приказа. Через мгновение начнется зверская расправа, результатом которой будет смерть...

В Новопетровском укреплении Шевченко создал едва ли не самое сильное из своих сатирических произведений — сепию «Державный кулак».

...Долго и безуспешно зывали под окном казармы двое нищих казаховских ребяташек, просящих куска хлеба. Внезапно окно раскрылось и они увидели в нем волосатый кулак... Этот «державный кулак» был символом колонизаторской военщины, не считавшей «инородцев» за людей, презиравшей и ненавидевшей нерусские народы, стремившейся такие отвратительные чувства воспитать и в русских солдатах...

Шевченко был вторым, после А. Чернышева, художником, обогатившим иконографию оренбургской политической ссылки несколькими прекрасными произведениями. Среди них особо выделяется написанная в 1851 г. на Мангышлаке сепия, известная теперь под названием «Шевченко и его друзья».

В юрте изображено трое беседующих мужчин. Один из них — сам художник. Он сидит за столом, оттачивая карандаш,

Державный кулак

Стоящий перед ним товарищ, опираясь рукой на стол, внимательно рассматривает рисунок. По сообщению одного из современников, этот полуобнаженный мужчина в кожаных казаховских чембарах — ссыльный поляк Людвиг Турно. На полу, перед самоваром, сидит с пиалой в одной и с трубкой в другой руке еще один бородастый мужчина, имени которого не установлено, видимо, также один из ссыльных, участников экспедиции на Мангышлак.

* * *

Мы рассмотрели некоторые произведения, созданные Тарасом Шевченко за годы ссылки. Эти произведения значительно обогатили серию работ, навеянных природой Казахстана и бытом казахского народа художникам первой половины XIX века.

Большая часть казахстанских живописных дум Шевченко стоит намного выше произведений его современников. И в этом нет ничего случайного.

Никто из них не обладал теми качествами, которые выделяли Шевченко: это был не только превосходный художник, но и пламенный революционер-демократ.

Многочисленные пейзажные произведения художника, запечатлевшего природу различных районов Казахстана и Средней Азии, стали мастерски обобщенными художественными образами, в которых всегда гармонично сочетаются достоинства художественные и познавательные. Их физико-географическая достоверность бесспорна. Бесспорны и идейно-художественные достоинства этих работ, созданных человеком, оторванным от родной земли и, несмотря на это, поднявшимся до глубокого понимания особенностей, вначале чуждой, а потом любимейшей ему природы.

Горячей любовью и сочувствием к бесправной судьбе простых людей проникнуты лишенные какого-либо намека на идеализацию и экзотику жанровые произведения Шевченко. И в этих работах раскрываются мастерство художника и чувства гражданина.

Трудно найти во всем русском искусстве первой половины XIX в. произведения такой глубины и беспощадной направленности, такой силы, какой исполнен «Державный кулак».

Яркую, выразительную и глубоко индивидуальную страницу вписал художник Шевченко в историю искусства, обогатив его произведениями, которые до сих пор, спустя столетие, продолжают волновать, многое говорят человеку наших дней, строителю коммунистического общества.

Л. ОТМАР-ШТЕЙН

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Воспоминания старого большевика

Лидия Отмар-Штейн — член КПСС с 1920 года, участница гражданской войны в Туркестане — длительное время была на партийной работе в Бухаре.

В августе 1920 года, в решающие дни борьбы за свержение Бухарского эмирата — очага контрреволюции Туркестана — Отмар-Штейн находилась в рядах большевиков, возглавивших народное восстание против деспотии эмира.

Она проводила большую агитационную работу в красноармейских частях, рассказывая солдатам — узбекам, казахам, уйгурам — о целях и задачах революции, о В. И. Ленине.

Лидия Отмар-Штейн много сил и энергии отдала работе среди женщин-мусульманок, самой отсталой части населения Туркестана.

Ниже мы публикуем воспоминания Отмар-Штейн о ее работе в женотделе ЦК Бухарской Компартии.

Старая Бухара... Узкими, грязными улочками иду я с вокзала в помещение Центрального Комитета Компартии Бухары.

Мне поручено организовать женотдел. Я назначена первой заведующей первым женотделом Бухары. Только тот, кто был в Бухаре в те годы, может отчетливо понять невероятные трудности, которые встали на моем пути. Феодалная деспотия

оставила в наследство революционной власти самые отсталые формы общественно-экономической и культурной жизни.

Грамотных в Бухаре в то время насчитывалось около 2 процентов. Школ не было.

Женщина старой Бухары — рабыня мужа, его собственность. Шариат основанный на указаниях религии, требовал

закрепощения женщины, утверждал многоженство.

Редко в суতোлке улиц-щелей проскользнет женская фигура в темной парандже.

Глухими, плотными дувалами отгорожен от мира узбекский двор. Цепко держится в махале старый быт, зорко стережется ичкари.

Из рода в род, из века в век внедрялись эти традиции. С ними свыклись, их обожествили.

Враждебно смотрело духовенство Бухары на организацию женотдела. Оно готовило отпор, распространяло о нас самые нелепые, темные слухи.

Я понимала, что искусство советского и партийного работника в Бухаре должно было заключаться в привлечении к общественной деятельности коренного трудящегося населения.

Как же заинтересовать их, женщин-узбечек Бухары? Как связать их судьбы с судьбами всех советских людей, строящих новую жизнь? Не зная языка, разговаривая через переводчицу, пошла я в дома, которые на первых порах были указаны мне местными товарищами-коммунистами.

Без паранджи узбечка могла находиться только в ичкари. А попасть в дом!.. Сколько мучительных минут пережила я, тремя металлическим кольцом у наглухо закрытых калиток. Впустят ли? А когда открывали!.. Чтобы попасть в ичкари, надо было пройти через общий двор, чувствуя на себе враждебные, подозрительные взгляды мужчин — мужей, отцов, братьев тех женщин, к которым мы шли.

Первые встречи были трудны. Я напрягала все свое внимание, чтобы по выражению лица, глаз понять мысли и чувства женщин.

Наш приход всегда вызывал интерес, любопытство. Жадно рассматривали нас узбечки. Наш внешний вид, костюм, обувь, чулки, возможность свободно ходить, разговаривать поражали их воображение. Мы были из другого, неизвестного им мира, который пугал и в то же время привлекал.

Иногда беседа проходила при муже. Помню один разговор с молодым грамотным узбеком из байской семьи. На вопрос, почему он не желает учить грамоте свою жену, он ответил: «Ишак ничему не научится». На мое возражение, что у его молодой жены есть голова на плечах, он с презрительной улыбкой заявил: «У собаки тоже есть голова!»

Таково было отношение к женщине.

Во время первых встреч мы рассказывали о женотделе, говорили о школах для девочек, о женщине-докторе. Много рассказывали, как живут и работают русские работницы, говорили о Ленине...

По кварталам Бухары разносилась молва о женотделе...

Мужья и духовенство смотрели на наши посещения все более враждебно. То и дело нам угрожали расправой, собирались убить, отравить. Что делать?

После длительных мытарств, с разрешения и указания нашего ЦК я и инструкторы женотдела сами надели паранджу и закрыли лицо чачваном.

Душно, тяжело передвигаться в этом уродливом костюме. Однако мы обманули бдительность мулл, нам легче стало проникать в ичкари и беседовать с женщинами.

Внешне мы слились с общей массой женщин Бухары.

Но когда я оставалась ночевать в Бухаре в помещении женотдела (жила я в Кагане), — было тревожно, тоскливо, одиноко.

В сумерках уходящего дня двигались по узким безлюдным улочкам согбенные фигуры суфи. С последним отблеском солнца над глиняным морем плоских крыш ползли заунывные призывы к вечерней молитве. Эти крики надрывали душу.

Передо мной мысленно возникали картины трагического убийства турецкого коммуниста Субхи. В Самаре в Политуправлении Туркфронта в 1919 году я встречала товарища Субхи, прекрасного молодого борца за коммунизм. А 28 января 1921 года он мученически погиб от рук наемных палачей, которых бросила против него турецкая буржуазия. Вместе с ним были убиты и выброшены в море около Трапезунда ехавшие с ним в Турцию коммунисты.

Однако я умела побороть свою тревогу, я была уверена — за ночью придет день, боевой, напряженный, но день. В мечтах я представляла себе женщину-узбечку Бухары свободной, счастливой, деятельной. Ради этого стоило перенести все невзгоды, стоило бороться и рисковать.

В одну из таких ночевок в Бухаре инструктор женотдела Марьям Шарафутдинова рассказала мне свою жизнь.

Высокая, стройная, порывистая Мариам была тогда единственной коммунисткой-мусульманкой среди работников женотдела. Страстно любила она свою работу и умела привлекать сердца женщин. Она была убежденным и идейным борцом партии. Родилась Мариам в одном из кишлаков Бухарского эмирата. В 9 лет на девочку надели чадру, а в 12 — продали старику. В 1919 году Мариам бежала из кишлака в г. Каган, где вышла замуж за рабочего-железнодорожника, коммуниста. Научилась грамоте, научилась русскому языку, вступила в Коммунистическую партию.

Казалось невозможным, чтобы тогда в Бухаре женщина так решительно утверждала свою волю, но такие случаи были. Писатель Садриддин Айни в своих воспоминаниях о старой Бухаре рассказал о девушке Хабибе, которая в страшных условиях эмирата, смогла уйти к любимому человеку, оказать сопротивление патриархальному деспотизму семьи, преодолеть препятствия шариата. Были женщины-героини и в старой Бухаре.

Подвергаясь опасности быть убитой, Мариам сумела сагитировать первую группу узбечек Бухары и привезти по железной дороге женщин на первое собрание в партийный клуб горкома партии в Новую Бухару (Каган).

Как необычайно было это торжественное шествие с вокзала до партийного клуба, где должно было проходить собрание! Закутанные в паранджу, некоторые с детьми на руках, они впервые в жизни пришли к нам, впервые воспользовались железной дорогой. Вздволнованные, растерянные, неопытные, как дети, двигались они по улицам Кагана.

В то время это было героизмом, буквально подвигом.

На повестке дня стоял один вопрос: «Организация женотдела и задачи в работе». Доклад делала я, переводила Мариам. Мужчин на собрании не было, и все же наши гости не решались открыть лица. Всю свою молодую душу вложила я в доклад, в призыв поверить идеям Коммунистической партии, несшим женщине светлую, радостную жизнь...

И вот мы услышали слова, тихие, робкие...

Судорожно мяти пальцы паранджу, голос прерывался и дрожал. Говорили так тихо, что слова мы с трудом разбирали.

— Нужна школа для девочек, нужна женщина-доктор, — говорили они. — Мы пойдем в женотдел...

Лед тронулся. Женщина Бухары звала нас.

В 3 часа дня, после традиционного угощения, мы проводили всех наших женщин на вокзал и во главе с Мариам и другими работницами женотдела отправили в Бухару по домам.

Мы ликовали. Мы верили в победу.

Утро следующего дня в женотделе горкома партии Новой Бухары было тревожным. Приехали мужья и заявили, что их жен, которые были на собрании в женотделе, арестовали и посадили в тюрьму.

Как гром среди ясного неба поразила нас эта ужасная весть.

Кто арестовал? На каком основании? Где арестованные? Ответа получить от взволнованных людей не удалось.

Вместе с первым секретарем горкома отправились мы в Центральный Комитет Бухарской Компартии. Там ничего не знали. После длительных переговоров выяснилось, что распоряжение об аресте женщин было дано начальником милиции — ревностным приверженцем законов шариата. Он был примерно наказан. Женщины освобождены и водворены по домам.

Бухарский эмират отступал с боями...

Когда мне приходилось бывать возле открытого водохранилища — хауза и любоваться отражением в зеркальной глади водоема стройных форм мечети, построенной в XVII веке, я всегда думала о том, что народ, создавший столь величественное и выразительное произведение архитектуры, чудесно развернет свои творческие силы при социализме, а женщина-узбечка обогатит, украсит жизнь, умножит творческий вклад народа в строительство социализма.

А пока нас ждала ожесточенная борьба...

Серафима Любимова, бывшая заведующая женотделом Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), в своей книге «В первые годы» (Госполитиздат, Москва, 1958 г.) вспоминает, как в 1921 году в Бухаре я вывела узбечек на праздник саль...

Да, мы осмелились нарушить вековой запрет.

До этого женщины могли любоваться ярким, увлекательным, веселым гуляньем, превращающим город в сказочную картину, лишь издали, с крыш домов.

На празднике веселились только мужчины. А плоские крыши домов заполнялись фигурами женщин, закрытых паранджой. И вот, вопреки старым традициям, с группой узбечек, лица которых были, правда, закрыты паранджой, вышла я на площадь перед бывшим эмирским дворцом. Шли мы парами, организовано и спокойно.

Трудно передать, какое потрясение вызвало наше появление на празднике саяль.

Музыка умолкла, прекратились танцы, казалось, присутствующие на празднике мужчины ждали, что небо обрушится на площадь и поглотит нас, женщин, осмелившихся нарушить старую традицию, старый закон...

Однако постепенно празднество вошло в свою веселую, оживленную колею.

Мы прошли в разноцветные палатки с красивыми товарами, смотрели различного рода выступления, слушали музыку, накупили сластей, так искусно приготовленных к празднику.

Со мной издали поздоровались товарищи по работе, но не подошли.

Женщины успокоились, перестали волноваться и наслаждались праздником.

Неожиданно рядом со мной появился конный милиционер.

— Апа, надо уходить женщинам, — заявил он мне. Кинулись разыскивать старших товарищей, но их уже не было на празднике. Спорить было невозможно. Я чувствовала, что нам грозит арест, поэтому во избежание неприятностей мы покинули праздник. Однако дело было сделано. Мы перешагнули еще один запрет.

В 1921 году в городе Бухаре открылась первая школа для девочек. При женотделе были организованы курсы по ликвидации неграмотности.

Крупным событием в жизни женщин Бухары было первое празднование Между-

народного женского дня 8 Марта. Это было в 1922 году.

К празднику мы готовились долго и тщательно. У нас уже был свой маленький актив узбечек, которые знали историю Международного женского дня 8 Марта, знали, кто такая была Клара Цеткин. Знали и помнили требование Ленина о вовлечении самых отсталых женщин Востока в общественную работу.

Эти женщины, как птицы, переносили по улицам Бухары взволнованную молву о предстоящем большом собрании.

День 8 Марта выдался теплый, солнечный. С душевным трепетом и волнением ждали мы женщин.

И они пришли, пришли несмотря на ядовитую пропаганду духовенства, преодолевая вековые традиции и страх быть убитыми. Они пришли, хотя за два дня до праздника басмачи подходили к самой Старой Бухаре.

И теперь, спустя почти 40 лет, звучит в моих ушах голос узбечек, выступавших на собрании, звучит как непобедимый призыв к борьбе за жизнь, настоящую, человеческую.

Сейчас, оглядывая путь, пройденный узбекской женщиной, я с гордостью думаю: сбылось все, о чем мечтали мы тогда, сбылось и то, о чем мы даже не решались мечтать...

Женщина-узбечка — врач, педагог, ученый, политический деятель... Это так обычно для нас сегодня. Мы давно привыкли к этому. И только оглядываясь в прошлое, по-настоящему можно оценить всю грандиозность, все значение культурной революции в Туркестане. И я думаю, — какая же пламенная сила живет в ленинских идеях, если за 40 лет их осуществления рухнули и безвозвратно ушли в прошлое целые века рабства, темноты и бесправия!

Бернара КАРИЕВА

заслуженная артистка УзССР

ПО СТРАНАМ Латинской АМЕРИКИ

Во время Декады узбекского искусства и литературы в Москве мне сообщили, что я включена в состав группы «Советский балет», которая в скором времени совершит поездку по странам Латинской Америки в соответствии с планом культурного обмена между СССР и зарубежными странами.

Нечего и говорить, что эта новость поразила и как-то даже ошеломила меня, хотя я не раз уже бывала за рубежом нашей страны в составе культурных делегаций.

В 1955 году я побывала на Варшавском всемирном фестивале. В том же году с группой артистов Узбекистана я выезжала в Китайскую Народную Республику, затем гастролировала в Индии, Бирме и Афганистане. И всюду, где бы нам, артистам Узбекистана, ни приходилось выступать — на сценах ли западных или восточных театров, мы убеждались в том, какой исключительной любовью и популярностью пользуется советское искусство, искусство великой жизненной правды, и в частности, наш балет. Ведь этот род искусства не требует знания какого-либо языка, не требует перевода. Это искусство понятно всем.

Вдохновенное большими идеями, оно ломает преграды, воздвигнутые реакцион-

ными кругами капиталистических стран, и завоевывает сердца миллионов простых людей земного шара.

Мы еще и еще раз убеждались в этом во время наших поездок по странам Европы и Азии. Но теперь перед нами лежали страны Южной Америки. Что ждет нас там, в этом неизвестном краю, о котором приходилось лишь читать в книгах? Все, что я изучала когда-то, сидя за партой в школе, — звучные названия, с которыми связывались фантастические картины необыкновенной природы, — Куба, Ямайка, Мексика, Бразилия, Аргентина... — все это и еще многое другое мне предстояло увидеть собственными глазами. Но начну по порядку.

САМОЛЕТОМ ЧЕРЕЗ ОКЕАН

2 июня в 16 ч. 30 м. по парижскому времени на французском самолете авиакомпании «Эр-франс» мы вылетали из Парижа в Венесуэлу.

Мы — это пятнадцать человек, творческая делегация, которой предстояло в течение двух с половиной месяцев «исколесить» почти все страны Латинской Америки с тремя различными программами.

Глава делегации — Петр Федорович Аболимов, автор либретто известных балетов

«Медный всадник», «Доктор Айболит» и многих других.

«Танцующие» члены делегации — это народная артистка СССР, солистка Ленинградского оперного театра Наталия Дудинская, солист того же театра Владлен Семенов, заслуженная артистка республики Ирина Тихомирова (Москва), артисты Ленинградского Малого оперного театра Мария Мазун и Адольф Хамзин, москвички Виолетта Бовт и Евгений Кузьмин, грузинские артисты Алла Двали и Вахтанг Гунашвили, народный артист республики Махмуд Эсамбаев и я, солистка Узбекского театра оперы и балета им. Навои.

С нами летели Вадим Евлампиев — концертмейстер, А. В. Чубуков и В. А. Седов — наши переводчики, прекрасно владеющие испанским языком.

Я сказала, что мы вылетели в Венесуэлу. Но, пожалуй, слишком рано назвала конечный пункт нашего перелета. Дело в том, что лететь предстояло почти сутки — 20 часов, и по дороге мы должны были совершить несколько посадок.

Первая из них — через 2 часа.

Мы приземлились и вступили на землю той части Франции, которая известна всему миру под названием Лазурный берег. Пальмы, эвкалипты, магнолии, кактусы... Берег, изрезанный бухтами, мысами... Удивительный, почти неправдоподобный пейзаж.

Действительно Лазурный берег. Лучше не сказать.

Через два часа мы с сожалением покидаем эту красоту и врезаемся в уже черное океанское небо.

Через 4 часа — Лиссабон, еще через час — перелет до острова Санта-Мария. Уже 2 часа ночи. Почти все спят. Только я и еще два пассажира вышли на воздух. Чудесная звездная ночь, наполненная ароматом каких-то удивительных цветов и свежестью невидимого, но близкого океана. Вокруг тишина, спокойствие. А на душе тревожно — нам предстоит 10-часовой перелет через океан.

Занимаем свои места в самолете, пристегиваемся, как положено на зарубежных аволиниях, — ремнем к креслу, так как в случае «каких-либо неприятностей» с самолетом на взлете и посадке, авиакомпания несет ответственность только при условии, если пассажир был прикреплен к креслу. Четырехмоторный самолет поднимается в воздух...

Перелет начался. Монотонно гудят моторы. Под нами — Атлантический океан, но его представляешь мысленно, так как высота — 10 тысяч метров. Под нами сначала облака, а затем бездонная черная глубина.

Перелет оказался не совсем приятным, даже страшноватым. Под нами началась гроза, сверкает молния, раскалывая тучи огненными мечами, и хотя мы летим выше, все же все волнуется. Даже при слабом ночном свете можно разглядеть бледные лица пассажиров. Самолет подбрасывает, раскачивает... Качка еще больше усиливает наше и без того «бедственное» положение.

Наконец, гроза миновала. Постепенно светает. Все сидит молча под впечатлением пережитого. Стюардесса, очень милая, изящная женщина, никак не могла успокоить нас и решила, что единственный способ — это начать раздавать завтрак. Она была права. Если все с удовольствием. Раздражали только чрезмерно миниатюрные бутербродики на спичках. Вы удивлены — почему на спичках? Но если учесть, что кусочек хлеба имеет 3 см. в ширину и 3 см. в длину, а на нем 1 грамм рыбки или ветчины, то будет понятно для чего в середину воткнута спичка, — его без этого в руки не возьмешь. Берешь за спичку, отправляешь в рот целиком и, проглотив, не всегда разбираешь вкус — настолько он мал.

Сэндвичи мы прозвали «нейлоновым хлебом», так как он настолько тонок, что просвечивает насквозь, вместе с колбасой. Вкуса колбасы не чувствуешь, хотя видишь, что она есть.

Местные жители привыкли к такому вкусу и количеству, но наши товарищи накладывали друг на дружку 4—5 таких «нейлоновых» бутербродов и просили еще несколько таких порций.

Обсуждая эту «деликатную» еду, мы и не заметили, как самолет уже «вдоволь набегался» по земле и остановился на месте. 9 ч. 15 м. утра. Город Пуанте-а-Питр, республика Гваделупа.

Вот мы и в другой части света.

Выходим из самолета и словно окунаемся в горячую ванну.

Какая ужасная жара! Да еще влажная. Дышать нечем. Парная в Сандуновских банях — игрушка по сравнению с духовой и жарой на этом кусочке земли. Пот

выступил, как только мы вышли на трап, одежда моментально прилипла к телу. От самолета до «комнаты для пассажиров» не более 50—60 шагов, но пройти это расстояние оказалось не так просто. Спокойно никто не мог идти.

Зато в помещении прекрасно. Оно охлаждается. Нас угостили ледяным «кока-кола», через соломинку попили ананасный джус. Если бы кто-нибудь со стороны наблюдал, с какой жадностью все глотали это пресловутое «кока-кола»!

Мы попали в совсем особый мир. Вокруг нас черные-черные, ну совсем черные люди в белоснежных рубашках. Они мило улыбаются и с удовольствием нас угощают.

Через час мы, наконец, вылетели в Каракас — столицу республики Венесуэла. Летим ровно час. 12 часов дня. И вот самолет приземляется в аэропорту города Каракас. Здравствуй, Венесуэла, первая страна, где нам предстоит выступать.

Первое, что мы увидели, это множество цветов. Среди цветов еле различаем молодых, очень милых и симпатичных девушек из Академии танца. Они все в национальных костюмах. Корреспонденты тут же начинают свою работу, свою, я бы сказала, трудную работу: уже сегодня в газетах должны быть снимки, и все зависит от того, кто быстрее успеет их доставить в редакцию. Они проносятся мимо нас с нацеленными аппаратами и по пути «отщелкивают», мне кажется, какой-нибудь забор, местных жителей, в общем все что угодно и кого угодно, только не того, кого нужно было, то есть не нас, стоящих у самолета, ожидающих разрешения идти к встречающим нас венесуэльцам.

В этот момент произошло первое знакомство с нашим импрессарио — господином Омаром Бускиаззо, милейшим человеком, много сделавшим для того, чтобы нам было легко и хорошо во время длительной поездки по странам Латинской Америки. Мы сразу решили, что такая приветливая улыбка и лучистые глаза не могут принадлежать равнодушному человеку. Так оно и было.

В течение этой нелегкой и длительной поездки он зарекомендовал себя самым лучшим образом.

Итак, мы в Каракасе, вернее, пока еще в аэропорту. Я подчеркиваю, что в аэропорту, так как в город мы попадем лишь через час или два — не раньше, чем проверят все наши чемоданы (во всей Латинской Америке, при въезде в каждую страну, в таможене тщательно обследуют все чемоданы). И нас не обошел этот закон. Что они ищут, трудно было понять, но любая непонятная вещь вызвала переполох.

Вот один эпизод. Мы ведь актеры и, разумеется, везли с собой, кроме театральных костюмов, и грим, и парики, и вазелин для снятия грима. Так вот этот злополучный вазелин в коробке и стал предметом всеобщего внимания. Дело в том, что вазелин растаял, и пальцы венесуэльского чиновника скользили по коробке, никак не могли открыть ее. На помощь пришло еще несколько человек из полиции. Крышка не поддавалась, чиновники вошли в азарт и, не обращая ни малейшего внимания на наши объяснения, в течение 3—4 минут с таким усердием открывали эту вазелиновую коробку из чемодана солиста Грузинского оперного театра Вахтанга Гунашвили, как будто в ней был упрятан по меньшей мере адский механизм.

Каково же было их разочарование, когда, после стольких усилий, по пальцам растекался невинный вазелин!..

Так относились к нам таможенные власти, но совсем по-другому встречал нас народ Венесуэлы, ее труженики и интеллигенция. Однако об этом речь пойдет ниже.

Въезжающих город Каракас встречает любопытным советом: «Не верьте тому, что говорят обо мне книги. Действительность может быть иной».

И в самом деле, здесь не было ни африканских слонов, ни испанских тореадоров, ни мексиканских сомбреро, но было что-то очень отличительное, присущее, пожалуй, только столице Венесуэлы.

Вот об этом «что-то» я и хочу сказать несколько слов.

Каракас — один из важнейших и, пожалуй, наиболее интересных южноамериканских городов.

Каракас — это бесконечное соперничество между старым и новым, город сплош-

*Каракас. Дом правительства на
площади Боливар.*

ных контрастов. Прошлое, отставшее всего на 10 лет, проявляется еще на каждом шагу.

От аэропорта до города идет великодушное шоссе, которое единым взмахом разрезает горы и за 15 минут пути привело нас в город.

Сопровождавшая нас балерина Ирма, содержательница Академии танца, объяснила нам, что это новое шоссе, а по старой дороге понадобилось бы ехать часа полтора.

Ирма рассказала нам, что еще лет 10—15 тому назад Каракас был сравнительно небольшим городом, насчитывавшим 200 тысяч населения. Он был со всех сторон защищен горами. И там, где сейчас сердце бурно растущей столицы, еще совсем недавно были пустые поля, заброшенная река, высушенные солнцем холмы.

Каракас спал. Сон этот длился довольно долго, так как иностранные и, особенно американские, капиталисты не были заинтересованы в том, чтобы развивать

промышленность, науку и культуру этой страны. Их вполне устраивал патриархальный уклад жизни ее народа, ее отсталое хозяйство, которое позволяло выкачивать большие прибыли из кофейных плантаций и нефтяных промыслов. Но как ни старались монополисты задержать развитие этой страны, жизнь брала свое. Особенно ощутимым это стало в последние годы на примере столицы государства. «А впрочем,— добавляет Ирма,— увидите сами...»

Мы уже въезжаем в город. И первое, что привлекает внимание,— это две 32-этажные башни, возвышающиеся в центре. Громадные кварталы. Ряды высоких бетонированных зданий, окрашенных в яркие цвета, пересекают вершины холмов. На этих холмах расположен город.

В центре города — площадь, носящая имя человека, наиболее любимого и уважаемого не только в Венесуэле, но и во всей Южной Америке, борца за независимость латиноамериканских стран — Боливар. В его честь названа и денежная единица Венесуэлы — боливар.

В городе много частных отелей, оригинальных по своей архитектуре зданий, не совсем привычных для нашего глаза, и, что самое характерное,— невероятное множество автомобилей самых разнообразных марок и цветов. Людей на улицах днем совсем не видно, улицы в несколько рядов заполнены машинами. Но, как это ни странно, движением никто не руководит, каждый едет «как бог на душу положит». Машины выскакивают с разных сторон, обгоняют одна другую и нередко сталкиваются.

Так выглядел центр города. Подавляющая часть «загорода» состоит из двух-трехэтажных домов, где в тесноте и бедности живут тысячи тружеников, проводящих дни и ночи в борьбе за кусок хлеба. И знакомясь с ними, с простыми людьми Каракаса, жителями этих бедных окраин, мы особенно остро почувствовали трагизм этого вопиющего контраста между богатством и бедностью, между роскошью и нищетой, контраста, который всегда был и будет неизменным спутником буржуазного строя.

Добрая половина жителей города так же нова, как и здания. Двери Каракаса открыты для Европы, на улицах сотни людей говорят на итальянском, немецком, французском и других языках. Много здесь

различных ресторанов, напоминающих об Италии, Франции. Есть и экзотические: арабские, турецкие.

Нам не терпелось посмотреть национальные танцы, послушать песни жителей Южной Америки, о музыкальности которых мы знали задолго до того, как попали сюда. Нам ведь предстояло принести этому народу свое искусство, а для этого немаловажно было увидеть и услышать в подлиннике, а не в грамзаписи или на экране народные танцы и песни, почувствовать их своеобразие, их дух.

И вот, узнав, что в каждом кабаке обязательно выступает своя музыкально-танцевальная группа, мы попросили своего импрессарио показать нам выступление такого «не театрального» ансамбля. Он с удовольствием согласился.

Представление началось в 2 часа ночи. Сменяя одна другую, зазвучали прекрасные мексиканские мелодии, кубинские «ча-ча-ча», аргентинские танго, бразильские «самбо»... И все это исполнялось ярко, темпераментно, с великолепным чувством ритма.

Мы с удовольствием смотрели выступление. А когда оно закончилось, конференсье от имени всех актеров и присутствующих в зале поблагодарил советских артистов за визит. Нам долго аплодировали, особенно после того, как он сказал: «Народ Венесуэлы любит вас и очень рад видеть вас у себя в гостях».

Мы вышли растроганные, но на душе было беспокойно: как встретят наши выступления здесь, в стране, где такой популярностью пользуются ночные клубы и кабаки, где ритмы «мамбо» и «ча-ча-ча» прочно завоевала сердца, а модные эстрадные певцы и кинозвезды уводят народ в совсем иной, чуждый нам мир?

Но вот наступил вечер первого нашего концерта. Выступаем в театре «Муниципаль», где проходят гастроли знаменитых зарубежных артистов.

Билеты на все наши концерты были раскуплены задолго до нашего прибытия в Венесуэлу, у подъезда театра «Муниципаль» — целое сонмище автомобилей, огромная толпа у входа... И все же страшновато — как примут?

Все наши опасения рассеиваются бесследно после первого же номера программы. Концерт идет с нарастающим успехом, и к концу представления возгласы «бис» и «браво» звучат, почти не прекращаясь.

После концерта мэр города Каракас, который присутствовал здесь со всей семьей, обратился к нам с приветственными словами. Он поздравил нашу делегацию с успехом и поблагодарил за очень интересное выступление.

И так было ежедневно. Концерты заканчивались 10—15-минутными приветствиями. Публика не расходилась, и, стоя, аплодировала нашим артистам. Выбраться из театра после выступления было труднее, чем провести концерт. Народ выходил из театра и стоял у дверей, требуя автографов. Мы старались по возможности удовлетворить их желания, но сделать это было не так просто.

На следующий день мы побывали в Министерстве труда, посмотрели национальные танцы Венесуэлы. Особенно понравился нам «Хоропо» — типичный венесуэльский танец с очень приятной музыкой. Его мы и выбрали для разучивания. Надо отметить исключительно добросовестное, предельно терпеливое отношение к нам всех педагогов во время освоения этого незнакомого для нас ритма. «Хоропо» — танец очень трудный. Танцующим классику было труднее вдвое. Поэтому ежедневно в 9 часов утра мы выезжали на репетицию. Наступили для нас тяжелые дни, так как с концерта мы приезжали в час ночи и тут же должны были отправляться куда-нибудь на ужин: бесконечные приглашения сыпались к нам одно за другим — от официальных лиц, от коллег по профессии и от простых людей. Отказать им, значило обидеть этих людей, многие из которых впервые видели представителей советского балета. Так было и во всех других странах — у нас никогда не было свободной минуты.

Но «Хоропо» мы все же выучили.

Последний концерт проходил в здании Каракасского университета. Зал, вмещающий более трех тысяч человек, был наполнен до отказа. Каждый номер программы встречался бурей аплодисментов. Но когда оркестр заиграл «Хоропо» и мы четверо — Двали, Гунашвили, Эсамбаев и я вышли в национальных костюмах на сцену, началось невообразимое. Весь зал встал, начались приветственные крики, стук ногами, пение. На протяжении всего танца аплодисменты в ритм «Хоропо» не прекращались ни на секунду, музыки мы не слышали и весь танец танцевали под свой собственный счет.

Бывают в жизни незабываемые минуты, когда перестаешь ощущать реальность происходящего, когда кажется, что все, что с тобой происходит сейчас,—это какой-то сон, мираж. Так было с нами.

Выходя на поклон и видя в зале мелькающие разноцветные платки, слыша восторженные крики, топот ног и, наконец, в последнюю очередь, аплодисменты, мы все четверо расплакались. Народ не просил, а требовал повторения танца. В слезах мы танцевали второй раз, причем точно в такой же обстановке. О том, как кончился танец, ничего не могу припомнить кроме того, что студенты подыали нас над головами (они в азарте вбежали на сцену) и на руках понесли в зрительный зал, скандировавший: «То-варищ! Мир! То-варищ! Мир!...»

КОНТРАСТЫ КОЛУМБИИ

Весть о блестящем успехе группы «Совет-балет», как афишировали нас по всей Латинской Америке, моментально распространилась по южноамериканским странам. Нашему импрессарию стали поступать приглашения с Кубы, Ямайки, из Мексики. Представители общественности Мексики просили, чтобы выступления советского балета не ограничились только их столицей — Мехико, а прошли и в других крупных городах. Такого рода просьбы приходили из Колумбии, Бразилии и других стран. В конце концов выяснилось, что если мы удовлетворим хотя бы половину всех просьб, то гастроли придется продлить еще на 5—6 месяцев. Это было невыполнимо.

Нельзя сказать, чтобы мы отказались от всех приглашений. Там, где была хотя бы малейшая возможность задержаться, мы делали все возможное, чтобы выступить. Иногда, сойдя с самолета, мы ехали на концерт, и лишь потом нас размещали в отеле.

Колумбия — вторая страна нашего маршрута, впервые приняла на своей земле советских артистов. А в колумбийских городах Богота и Меделлин мы были вообще первыми советскими людьми, посетившими эти места. Понятно, что интерес народа к нашим гастролям был огромный. Ну, а влиятельные круги? Они, как всегда, старались охладить прием, оказанный нам народом, приуменьшить наш успех, причем не брезговали для этого никакими, даже самыми провокационными приемами.

В день нашего приезда реакционная газета писала, что «по всей вероятности, это приехали не советские артисты, так как единственный советский балет(?!!) сейчас в Нью-Йорке». Это была первая статья, встретившая нас в Колумбии.

Прилагались все усилия для того, чтобы на наши концерты не могла попасть основная масса населения — билеты стоили невероятно дорого — до 90 песо, то есть почти 10 долларов. И все-таки, несмотря на такую цену, — билетов не было. А у кассы всегда стояло 150—200 человек, не теряющих надежды хоть как-нибудь приобрести билеты.

Когда мы подъезжали к театру, нашу машину окружали так, что мы с трудом открывали дверцу. Народ аплодировал нам, пожимал руки.

И хотя наше самочувствие было далеко не завидным, — мы все время ощущали общее недомогание из-за непривычных климатических условий (в отеле и в театре, за кулисами), стояли для нас кислородные баллоны) — настроение было прекрасное: народ тепло приветствовал нас везде, а это было главное.

Вот идет концерт в столице Колумбии городе Богота. Тишина. Звучит мелодия адажио из балета Чайковского «Лебединое озеро». На сцене заслуженная артистка РСФСР Ирина Тихомирнова и солист Ленинградского театра им. Кирова Владлен Семенов. Кажется, в зале никто не дышит. Все замерло. Последние звуки и... грянул гром. «Галерка» неистовствует, топает ногами, аплодирует... А партер? Партер يتаетса «успокоить» ее. «Те-с-с... те-с-с-с...» — несется снизу вверх. Этого нельзя было не слышать и нельзя было не понять. Успокоить «галерку», конечно, можно, но успокоить народ — дело невозможное.

Идет второй номер, третий, четвертый... Восторг нарастает. Теперь обстановка неузнаваема. Зал бушует. Партер присоединяется к общему ликованию, забыв о своих «обязанностях». Чем ближе к финалу концерта, тем сильнее буря аплодисментов. Публике уже недостаточно разового исполнения номера. А исполнять один и тот же номер по два-три раза просто нет сил. Мы задыхаемся, воздуха не хватает, а из зала не прекращаются крики: «Мы приветствуем Советский Союз!», «Браво!», «Бис!» Публика стоя приветствует нас. Зал буквально сотрясается от грома аплодисментов. Лед пробит!

Газеты не могут молчать. «Колумбия ничего подобного никогда не видела!», «Восторгу нет предела!» — кричат босые мальчишки, бегая по улицам и размахивая свежими газетами. Они пристают к прохожим, чтобы те купили у них газету, они буквально не дают возможности спокойно сидеть в кафе, в закусокных, почти требуя купить у них газету. У кого хватит духу отмахнуться, если от этого зависит, будут они сегодня кушать или нет. Вся Колумбия полна такими малолетними «работниками». На каждом шагу можно встретить 7—8 летнего мальчика с небольшим ящичком и щетками в руках — чистильщика обуви. Однажды на улице к одному из наших товарищей подошел такой мальчуган и без всякого согласия начал чистить ему ботинки. От неожиданности тот убрал ногу и сказал: «Но, но». («Нет, нет»). Надо было видеть этого мальчика, сидящего на земле со своим «орудием производства», глядящего на нас умоляющими глазами. По этим наполненным слезами глазам и грязным потрескавшимся ручкам можно было повять абсолютно все. После долгого молчания он произнес только одну фразу: «Но ведь я должен покушать» (перевел нам Анатолий Васильевич Чубуков — наш переводчик). Эти слова, сказанные сдавленным от слез голосом, преследовали нас в каждой стране, до сих пор они звучат в наших ушах. Мы подняли с земли этого полураздетого мальчика, успокоили его, надавали ему небольшие подарки — у кого что было, дали денег. Он не мог произнести ни слова. Только глядел на нас, ничего не понимая. Как видно, он не раз произносил эти же слова, но они мало кого трогали в этой стране, где нищета и грязь никого не удивляют. Когда Анатолий Васильевич сказал ему: «Это советские артисты», он бросился к нам с просьбой разрешить ему почистить ботинки всем, всем нашим товарищам... На это нельзя было смотреть равнодушно... Значит, и он, этот маленький мальчик, уже слышал о советских людях, о Советской стране.

Колумбия — страна удивительной бедности и нищеты и невероятной грязи. Ее искренний дружелюбный народ подавлен экономической зависимостью от США. Негры, индейцы, мулаты — фактически закрепощенные батраки на кофейных плантациях. В центре Боготы раскинулся шикарный частный американский магазин.

А у дверей этого магазина сидит целая нищая семья. Такие контрасты — отличительная черта этой страны. Богатейший капиталист и предельно бедный человек с детьми. Вот она Богота! Вот она — страна, открытая Колумбом!

Нам хотелось разучить фольклорный танец и этого народа. Мы выбрали «бамбуко» и ежедневно ходили в Академию танца репетировать этот очень своеобразный танец. Но танцевать его на концерте нам так и не пришлось, вероятно, «хозяева» театра боялись повторения «венесуэльского шума».

Как-то после очередных занятий в Академии нас пригласили к себе домой, на обед, наши коллеги, артисты. Это очень милые молодые люди. Глава семьи работает диктором на радио и постоянно слушает передачи из Советского Союза. Он и сам пытается изучать русский язык. В день 7 Ноября 1958 года он без всякого разрешения передал в эфир приветствие Советскому Союзу в связи с праздником. Эта чудесная колумбийская семья живет мыслями о Советском Союзе. И недаром своего сына они назвали Владимиром. Так что далеко, далеко за океаном, в тропической Колумбии, растет малыш по имени Володя. Нас они приняли, как самых дорогих гостей. Когда сели за стол, вдруг, совершенно неожиданно, мы услышали самые родные и такие дорогие нам звуки — Гимн Советского Союза. Все встали. Наши друзья тоже.

Как далеко мы от Родины! И как хорошо, что в этой простой колумбийской семье мы слышим родной наш Гимн и видим колумбийского Володю, единственного на всю Колумбию...

Трудно передать состояние, в котором мы находились в эти минуты, пока играла пластинка. Только на чужбине можно так глубоко почувствовать, оценить каждую ноту нашего Гимна. Гляжу на своих товарищей и вижу по их глазам — в душе у каждого творится то же самое...

Вскоре мы вылетели из Боготы во второй крупнейший город Колумбии — Меделлин.

Меделлин — очень красивый, уютный город, никакого сравнения с Боготой и быть не может. Мы все «хором» решили, что столицу Колумбии надо перенести сю-

да, в Меделлин, но, к сожалению, с нашим «решением» в данном случае не посчитали, и столицей Колумбии остается Богота.

Концерты проходили в самом большом театре города «Хуни», вмещающем более двух тысяч человек. «Зритель зачарован» — писали газеты. И действительно — восторгам, как и прежде, не было предела. Театр буквально осаждали после концерта, тысячи рук тянулись к нам с просьбой оставить автограф...

А мы в мыслях были уже в Мексике, в сказочной Мексике, где нам предстояло дать пять концертов.

МЕКСИКАНСКИЕ ВСТРЕЧИ

И вот мы опять на одном из самолетов голландской компании «KLM». Небольшие остановки в городе Сан-Хозе, Сан-Сальвадоре и, наконец, Мехико — столица Мексики! Как мы ждали эту сказочную страну, где немало друзей Советского Союза, страну, чье искусство и особенно музыку так любят у нас.

Вот и аэродром. Сколько фотокорреспондентов, кинорепортеров! Но что самое радостное — нас встречают работники Советского посольства в Мексике. Мы слышим родную речь, видим приветливые, улыбающиеся лица соотечественников и безмерно счастливы.

Тут же узнаем, что наших выступлений ждут здесь с нетерпением. До нас из советских артистов в Мексике были только Зара Долуханова и Евгений Малинин с сольными концертами. Советский балет прибыл в Мексику впервые в нашем лице. И нет ничего удивительного в том, что билеты на все пять концертов давно распроданы. С появлением в городе первых же афиш о приобретении билетов можно было только мечтать.

Тут же, на аэродроме, работники Советского посольства обратились к нам с просьбой помочь им попасть на наш концерт, так как они не сумели взять билеты, а не побывать на выступлении советских артистов для них, живущих вдали от Родины по 4—5 лет, было просто немислимо.

Впоследствии мы убедились, что товарищи из посольства несколько не преувеличивали. Учитывая настоятельные просьбы публики, нам пришлось дать дополнительно еще два концерта...

Современный мексиканский танец.

Мексика... Я бегу одна по улице на репетицию с мексиканским оркестром (вся труппа ушла чуть раньше), бегу по тротуару, который правильней было бы назвать пальмовой аллеей. Пальмы! Пальмы! Совсем, как в кино. Трудно поверить, что это все наяву. Природа Мексики прямо заворожала нас.

Но Мексика — это не только декоративно-экзотическая страна, с боями быков, с национальными песенками и танцами в ночных кабаре, а, прежде всего, страна с прекрасной природой, с древней культурой, архитектурой, с вековыми национальными традициями.

Такие архитектурные сооружения, как площадь Конституции, Макситунский дворец, «Городской зал», где сохранились ценные архивы мексиканских правителей, «Дворец прекрасного искусства» с работами выдающихся мексиканских мастеров, национальная библиотека, насчитывающая около 200 тысяч древних документов и книг на языках индейцев и даже несколько первопечатных книг, говорят о том, что мексиканцы по праву гордятся своей древнейшей культурой. А национальный мексиканский Университет — город, которому 400 лет! Теперь это центр мексиканской культуры. Своеобразная архитектура, светящиеся мозаичные картины и уникальные росписи делают его одним из наиболее красивых и выдающихся сооружений мира.

Интерес к нашим концертам был необычайно велик. нас останавливали

на улицах, приветствовали в магазинах, приглашали к себе домой. Все 7 концертов прошли с огромным подъемом, два из них проходили в здании театра «Националь-аудиторий», вмещающем 14 тысяч зрителей. Зритель овациями приветствовал нас и благодарил. Корзины цветов украшали всю сцену. Мы были счастливы.

Хозяин нашего отеля пригласил нас после концерта к себе в ресторан, где он устроил праздник мексиканской песни. Пятнадцать человек в национальных костюмах, а главное в «сомбреро» и с гитарами, весь вечер исполняли мексиканские песни. Это было прекрасно. Весь вечер мы наслаждались чудесными мелодиями, многие из которых были нам знакомы. А когда зазвучала «Челита» мы в первый момент даже удивились, что ее исполняют мексиканцы, — она воспринималась уже как родная песня.

К нашему удивлению, тут же, в сопровождении музыки, нам были продемонстрированы последние моды Мексики. Хозяева пропагандировали свои фирмы. Левушка, сменяя одна другую, выходили в прекрасных одеяниях и под мелодичные звуки оркестра медленным, «профессиональным» шагом обходили всю сцену.

Все это «представление» было устроено не просто так. Как и в Колумбии, хозяин отеля гордился тем, что именно его отель «предпочли советские артисты для двухнедельной остановки в стране». Это была лучшая реклама, и он старался использовать ее как можно более выгодно.

За десять дней пребывания в Мексике мы посетили и официальные учреждения — такие, как Министерство просвещения, Министерство финансов, резиденцию мэра города Мехико. Везде, где бы мы ни были, нас принимали с исключительной теплотой и сердечностью, с любовью знакомили с достопримечательностями, с историей выдающихся памятников прошлого.

Украшением здания Министерства финансов являются настенные картины — грандиозные фрески, выполненные знаменитым прогрессивным мексиканским художником Диего Ривера. Он дважды был в Советском Союзе, последний раз незадолго до смерти в 1956 г. Его монументальные росписи на темы «Капитала», на сюжеты Рабиндраната Тагора, на бытовые темы —

бессмертный памятник этому выдающемуся человеку.

Супруга Диего Ривера пригласила нас посетить дачу, где жил и работал художник.

25 июня в 12 часов дня вся наша группа и посол СССР в Мексике Владимир Иванович Базыкин выехали в г. Куэрнавака, где находилась дача художника. Ехать пришлось очень долго с остановками. Выезжая из города, мы с удивлением заметили, что здесь сохранились странные для нас порядки: за проезд по новой дороге надо уплатить пошлину (0,5 доллара). Справа и слева стоит по полисмену. Одному из них тоже необходимо сунуть мексиканское песо. Выполнив этот весьма странный для нас ритуал, мы выехали на новую дорогу. Теперь мы проезжали красивейшие места. Дорога поднялась так высоко, что уши заложило, как в самолете; проехать и не остановиться, чтобы сверху взглянуть на город, — это преступление. Останавливаемся. Выходим из машины и все вздрагиваем от холода. Воздух горный — холодный и кристально чистый. Перед нами весь город, вся мексиканская столица, как на ладони. Вид — с самолета. Натура для художника, но не для балерин. Потом спуск. Впереди — ровно столько же, сколько было уже пройдено. Буквально с каждой минутой становится все теплее и теплее и, наконец, мы «вторглись» просто в жару. Везжаем в Куэрнаваку — город, справедливо названный «городом вечной весны». Ярko раскрашенные дома, пышная растительность, сверкающие на солнце цветы — все это надолго остается в памяти.

Это тихий, очень уютный городок, с фешенебельными особняками. Древние императоры Мексики только здесь располагали свои летние резиденции.

Главная достопримечательность города — дворец Кортеса. Здесь же находится собор — один из старейших в Мексике. А вот и дача художника. Нас встречает целый оркестр, танцоры, певцы, и у порога — очень приятная, улыбающаяся пожилая женщина — хозяйка дома, жена Диего Ривера — Луле Мария. Она не могла сдерживать восторга по случаю нашего приезда. Ей было очень радостно, что мы нашли время и нанесли ей визит. Столы накрыты всевозможными национальными блюдами,

к нашим услугам огромный сад, тень величественных «пальм-королев». Мы осмотрели все уголки сада, все комнаты, расположенные на двух этажах, где жил и творил великий художник. Но как ни странно, из уст его супруги мы так и не услышали ни одного слова ни о муже, ни о его работе. Вероятно, ей было тяжело вспоминать это. Осталось только пожалеть. А в общем день был проведен очень

просьбой сократить свои танцы по времени до минимума. Дело в том, что по обычаю индейские танцы длятся 2—3 дня подряд, и индейцы всерьез намеревались продемонстрировать перед нами все свои способности. Их примитивные, но в то же время удивительно интересные и необычные для нас танцы мы смотрели терпеливо в течение полутора часов. 70-летние старушки в течение этого времени чисто

Танцы мексиканских индейцев.

интересно—все пели, танцевали, делились впечатлениями.

Вскоре нам пришлось побывать еще на одной надолго запомнившейся встрече.

Мексиканская академия в честь артистов советского балета устроила прием, на котором присутствовали по специальному приглашению актеры из различных областей страны. Было сделано все возможное для того, чтобы ознакомить нас с настоящим, нетеатрализованным искусством коренных индейцев. Вот где мы впервые увидели настоящий фольклор, основу всех латиноамериканских танцев. Вот где мы впервые увидели настоящих индейцев. Исполнителям этих танцев было от 70 до 80 лет. Перед началом концерта их очень расстроили

и четко выстукивали ногами, соблюдали музыкальный такт. Все это делалось с очень серьезными, озабоченными лицами.

Наш визит для них — историческое событие. Впервые в истории Мексики коренные индейцы встретились с посланцами Советской страны и демонстрировали им свое искусство.

В этот же вечер мы были приглашены в кабара, на концерт испанских танцев. Здесь мы своими глазами увидели типичные испанские танцы — нечто весьма далекое от того, что изображают наши танцовщики и привыкла видеть наша публика. Помню только одно, что мы сидели, словно пришитые к стульям, и по-моему даже не моргали, буквально впитывая глазами в сцену. Только здесь

мы поняли, что наша эстрада просто исказила подлинный испанский танец. Здесь каждое, чуть заметное движение руки, еле слышное, но безупречно четкое выстукивание ногами, совершенно неподвижный корпус с непрерывно меняющимся выражением лица—это развивающаяся нить сюжета, это разговор двух влюбленных сердец. Словами, пожалуй, ничего не описать! Это надо видеть! Два часа они нас держали буквально под гипнозом. Вот оно настоящее искусство! Вот где нужны рукоплескания и возгласы одобрения! Но их нет. Нет, и не будет, потому что это кабаре, и люди сюда приходят покушать за полутемным столиком, выпить, вкусно закусить, тут же публично пообниматься (здесь так принято) и так, одним глазом, между прочим, посмотреть на сцену.

Все это оставляет горечь, обиду за судьбу большого искусства. Но ничего не поделаешь. Это их жизнь. Они к этому привыкли.

Мы не могли не пройти за кулисы. Взволнованные, мы благодарили артистов за прекрасное исполнение, которое нас покорило. И они плакали от счастья, что их так поздравляли, что их труд впервые поняли и так высоко оценили. А много ли нужно настоящему артисту? Искренняя благодарность, выраженная в аплодисментах или высказанная при встрече, пусть даже на другом языке, и он счастлив.

Они расспрашивали нас о Советском Союзе, говорили, что самая светлая их мечта — побывать когда-нибудь в СССР, выступить перед советскими людьми. И они счастливы, что сегодня их мечта хоть частично исполнилась. Жаль было расставаться с коллегами, но было уже больше двенадцати, а в час ночи они опять начнут свой двухчасовой сеанс до трех часов ночи. Жить-то надо, а значит, надо увеселять праздную публику, иначе они останутся без средств существования.

Покинули мы это заведение в тяжелом состоянии и в то же время с чувством необыкновенной гордости за нашу любимую Родину, которая сделала нас самыми счастливыми людьми на всем земном шаре.

Все концерты в Мехико прошли с невероятным успехом. На улице нас останавли-

вали местные жители с просьбой оставить автограф, дарили нам сувениры, провозжали до самого отеля со словами «грась-ас», «грасьас» (спасибо), окружали и не выпускали при выходе из театра, устраивали овации прямо на дороге. А газеты... безмолвствовали, упорно молчали. Конечно, это было не очень приятно, но к такому приему прессы мы уже были в некотором смысле подготовлены: правящие «круги», вероятно, не очень довольны успехами советского балета.

Последний концерт на стадионе оказался подлинным триумфом советского искусства. Заключительные 20 минут описать трудно — это были незабываемые минуты взаимного восторга.

Посол СССР в Мексике В. И. Базыкин устроил в здании Советского посольства прием в честь наших успешных гастролей в стране. Были приглашены представители всех дипломатических миссий, аккредитованных в Мехико, бывший президент республики, наши коллеги, знаменитая мексиканская актриса Росита Кинтана, известная в Советском Союзе, и все работники нашего посольства. Был небольшой международный концерт, исполнялись песни на языках обоих народов, танцы проходили под аккомпанемент национальных мексиканских инструментов.

Прием превратился в очень непринужденную, искреннюю встречу. Здесь, на клочке родной земли, в здании нашего посольства, был поднят тост за нашу любимую, бесконечно дорогую и такую далекую сейчас Родину!

ЗДРАВСТВУЙ, КУБА!

Сейчас, когда пишутся эти строки, весь мир, затаив дыхание, следит за героической борьбой кубинского народа, строящего новую жизнь и не желающего подчиняться американскому диктату. Экономическая блокада, разрыв дипломатических отношений, провокации... Чего только не использует американский империализм, чтобы поставить на колени героический народ Кубы, а Куба процветает, здравствует и будет здравствовать, потому что на ее стороне все прогрессивные люди мира.

В те дни, когда мы прилетели в столицу Кубы Гавану, страна переживала величайший революционный подъем: только что победила революция и был изгнан ненавистный диктатор Батиста. Мы были свидетелями народного ликования, бурного творческого взлета освобожденного народа.

Наш приезд явился фактом не только культурного значения. Он имел, так сказать, символический характер — ведь мы были не просто первыми советскими артистами, прибывшими на этот остров, но первыми советскими людьми вообще, побывавшими на Кубе после длительного времени, когда не только говорить, но и думать о Советском Союзе считалось преступлением.

Куба — прекрасный остров, на котором, согласно истории, высадился Христофор Колумб 28 октября 1492 г. и пораженный тропической красотой окружающего заявил: «Этот остров самый прекрасный, самый красивый из всех, какие видел когда-либо глаз человека».

Приземлившись в Гаване, мы в душе согласились с Колумбом. Мы просто влюбились в этот город стройных величественных палм, в причудливое сочетание модерна с прошлым. Дворцы, шикарные бульвары, парки, сады — все это было создано руками кубинцев для услады многочисленных эксплуататоров, которые съезжались сюда из многих стран, привлеченные дармовым кубинским сахаром, на котором можно было «хорошо заработать».

А нищие кварталы портовых рабочих, чистильщиков обуви, поденных рабочих, не имеющих постоянного занятия, — это то, что колонизаторы оставили Кубе... Невольно забываешь о редкой красоте этого города, когда видишь этих людей — символ колониального господства!

Но теперь все изменилось! Все лучшее, что создано народом, — парки, дворцы, театры — возвращается народу. Он недаром всегда гордился всеми этими прекрасными произведениями искусства, он знал, что они его и будут принадлежать ему. С гордостью показывали нам кубинцы великолепные палатки — «Дворец городского зала», «Национальный капитал», не имеющие себе равных по красоте во всей Латинской Америке.

Новейшее здание, сочетающее разнообразные архитектурные стили, — дворец президента. Отличительной чертой его является стеклянный купол, возвышающийся над всеми соседними зданиями.

Центральный парк — средоточие «ночной жизни» Гаваны. В центре этого изумительного по красоте парка стоит статуя национального героя Кубы Хосе Марти, критика, писателя, певца и оратора, который отдал жизнь за свободу родной земли.

Любовь и уважение к нам, советским людям, мы ощущали на каждом шагу. Где бы мы ни были, везде нас окружали и осматривали с головы до ног, будто бы хотели воочию убедиться, что мы точно такие же люди, хотя и прибыли из-за океана. Однажды, зайдя в кафе закусить, мы привлекли внимание всех присутствующих. А когда начали «заказывать» блюда (вернее, пальцем показывать их на витрине), то люди, окружающие нас, стали просить, чтобы мы между собой поговорили по-русски. Они буквально застыли с открытыми ртами, — ведь первый раз в жизни они слышали совершенно незнакомую им русскую речь! О если бы мы могли запечатлеть эту милую картину! В кубинцах было столько непосредственности, столько детского, искреннего любопытства и доброжелательства! И все непрестанно повторяли: «Россия, Россия!», «Кубано-Россия».

Концерты наши невозможно было давать в закрытых помещениях, так как никто не мог поручиться за сохранность здания. Двери буквально ломали. Кубинский критик Вильгельм писал по этому поводу: «Одиннадцать солистов балета довели до истерики публику, которая, стоя, восторженно аплодировала им».

Мы предложили создать «театр под звездным небом». Но тогда начали ломаться даже деревья, не выдержавшие такого количества зрителей на своих ветвях. Стояли всюду, где было возможно поставить хотя бы одну ногу. Балконов многоэтажных зданий не было видно, казалось, что толпы людей висят в воздухе, в самых разнообразных позах. Вокруг возвышались какие-то пирамиды — это зрители, облившие со всех сторон машины, держали на своих плечах детей. Трудно сказать, что было интереснее — смотреть на наш концерт или на зрителей. И дело тут,

конечно, не только в том, что на Кубе любят танцы. Интерес всех трудовых людей молодой республики к посланцам Великой Советской страны был необычайным. И надо сказать, мы платили тем же. С огромным интересом знакомились мы с прекрасными людьми Кубы — свобододобивыми, открытыми, веселыми.

Мы нанесли визит знаменитой кубинской балерине Алиссии Алонсо, известной уже советскому зрителю.

У нее — собственная школа — «Балетная школа Алиссии Алонсо». Это не-

ворачивают ему руки и ноги, приучают эти, еще хрящевые суставы работать в разных направлениях, чтобы потом отдать его в школу к бабушке.

Накануне нашего отъезда произошло знаменательное событие, о котором и сейчас я вспоминаю с волнением.

Военное командование республики Куба решило устроить в своем штабе дружескую встречу за ужином. Крепость, куда нас пригласили, построена для того, чтобы защищать Гавану. Нас встречали люди в форме, с длинными бородами и прическами пушкинских времен — они, как изве-

Встреча советских артистов в гаванском аэропорту. Справа налево: Наталия Дудинская, Алиссия Алонсо, Махмуд Эсамбаев, Бернара Кариева, Лаура Алонсо.

большое здание из трех залов и помещения дирекции. Обучались здесь только дети состоятельных родителей, так как плата за обучение была очень большая. Принимаются в ее школу девочки и мальчики не по способностям, а по внешнему виду — все решает красивая фигура. Мы познакомилась и с дочкой балерины Лаурой, окончившей в этом году школу, и с зятем — Лоренцо, тоже танцовщиком, и с внуком Иваном. После возвращения Алиссии Алонсо из гастрольной поездки по Советскому Союзу у ее дочери родился сын. В честь своего успешного тура по СССР она назвала внука Иваном. И вот, на Кубу растет четырехмесячный Иван Лоренцович. Молодые родители уже вы-

стно, дали обет не бриться и не стричь волос до полного освобождения Кубы. На встрече присутствовал и глава правительства Кубы, человек, чье имя сегодня с уважением произносят все честные люди мира, — Фидель Кастро.

Вечер прошел очень тепло и весело. Это простые и искренние в обращении люди. Они сделали все возможное, чтобы мы чувствовали себя хорошо, и нам действительно было очень приятно.

Здесь мы впервые и познакомилась с их самобытным музыкальным ритмом, темперамент которого увлекает всех, даже не знающих языка. Мелодии и ритмы их настолько остры и заразительны, что даже мы, впервые услышавшие все это, не мог-

ли стоять не приплясывая. «Ча-ча-ча» — этот недавно созданный ритм весел, звонок и четок. Меня Мартинес, наша давнишняя знакомая, недавно окончившая Ленинградское хореографическое училище, изящно, темпераментно и очень благородно танцевала с партнером этот стремительный танец. Блестяще показала себя в кубинской румбе Соня Галеро. Стиль ее исполнения — необыкновенен. Душа радовалась, глядя на этих людей. Они не старались нас чем-то удивить — нет! Они просто хотели показать нам, впервые увидевшим население этого острова, все то, что им самим приятно. Перед отъездом мы все вместе спели самую любимую кубинскую песню «О, голубка моя!», пели на русском и испанском языках, и в этом символически выразились наши чувства друг к другу, чувства двух народов, беззаветно преданных своей матери-Родине, готовых ради ее свободы и жертвы и на борьбу.

УСПЕХ ПО-ЯМАЙКИ

«Вы можете оставаться здесь и наслаждаться каждой минутой жизни. Если вы побываете здесь однажды, вы не только еще раз приедете, но и ваши друзья последуют по вашим стопам» — такая реклама встретила нас на Ямайском аэродроме. Но после трехчасового перелета в шестидесятиградусную жару мы лишь терпеливо любовались этим приглашением и «наслаждались» зноем, потому что чиновники таможи, как и всюду, внимательно осматривали наши чемоданы. Наконец, подали машины. Как странно! Шофер сидит с правой стороны, движение левостороннее. Для нас это непривычно. Всю дорогу мы волновались — было такое впечатление, что встречная машина идет прямо на нас. Очень страшно. За 4 дня пребывания на Ямайке мы так и не приехали к такой езде.

Дышать нечем. Мы высовываем головы из машины, а наши лица обжигает горячий ветер. А ведь уже вечер. Что же будет завтра днем? Как мы будем проводить концерты? Неужели все четыре дня мы должны будем выдерживать этот безумный зной? Такие вопросы мучили нас. И тут нет ничего удивительного. Вероятно, самый жаркий ташкентский день здесь сочтут прохладным.

Поселили нас у подножия Голубых гор (600 футов над уровнем моря), в одном из показательных мест Ямайки — в отеле «Манор-Хаус». Пожалуй, реклама в аэропорту правдива... но лишь по отношению к этому отелю. Вся тропическая красота острова, вид на Голубые горы, апельсиновые деревья, ветки которых, отяжеленные плодами, окунаются в прозрачный бассейн — все это в распоряжении гостей.

И если смотреть на Ямайку из отеля, а то еще из бассейна, где гости проводят большую часть дня, жизнь на Ямайке и впрямь покажется раем.

Но вот мы въезжаем в город, в столицу Ямайки Кингстон и обнаруживаем, что это тихая английская колония, страна, находящаяся целиком под пятой Англии. Начиная с преподавания в школах — оно ведется только на английском языке — и кончая магазинами, — все английское. Это единственная страна в Южной Америке, где господствует английский язык. Преподавание на этом языке — бесплатное, а на испанском — платное. Разумеется, дети учатся на английском языке. Такими путями англичане укрепляют свою власть в стране. А кварталы ямайцев, местного и основного жителя Ямайки? Вот где «экзотика» этого острова. Заваленные мусором трущобы, так называемые квартиры, где ютятся тысячи семей, задыхаясь в этих жалких, полных заразы конурах. Грязь, болезни, нищета, страдания... Вот она благословенная Ямайка! А в английских магазинах, за сверкающими стеклами витрин, лежат (и надо сказать подолгу лежат — не всякий купит) товары...

...Передо мной письмо, написанное из Кингстона сюда, в Ташкент, моим родным: «Вокруг нас только негры, которые смотрят на нас с большим удивлением. Где мы? Почему здесь все так странно для нашего глаза? Около меня сейчас стоит негритянка и смотрит как я пишу. Она улыбается, вероятно, думает, что я рисую какие-то глупости, но я, к сожалению, ничего не могу ей объяснить. «Эх, ты, говорю я ей вслух, если бы ты знала, что у меня сейчас на душе». А она только улыбается и как ни странно, улыбается так же, как и все у нас, далеко-далеко, на нашем материке. Все люди улыбаются одинаково, а главное, понимаешь, что она улыбается. Тут уж не нужен переводчик, я сама могу безошибочно

бочно перевести. А вот совсем как в книжке. Белокурая девочка упала и плачет, причем лежит и не встает, а негритянка — няня, поднимая ее, что-то шепчет ей, успокаивая. А я сижу, как в кино, и смотрю. Вот как бывает... и не верится. Все как во сне, как в сказке...» Интересно сейчас сидеть дома среди своих родных и, читая письма, вспоминать все, все...

Кингстон — пристань, причем одна из лучших в мире.

Здесь находится здание правительства и деловой центр. Кроме того, здесь — Дом короля, резиденция губернатора, Ботанический сад с прекрасными тропическими цветами и деревьями, университетский колледж. Здесь же знаменитый Центральный базар, который специализируется на плетеных вещах, на изделиях из раковин, вышивальном и других видах кустарного искусства. Базар состоит из разных отделов, например, северный отдел занимают продавцы плетеных изделий. Здесь можно приобрести на память о посещении Ямайки плетеные шляпы, местные коврики, базарные корзины и многое другое, но только кустарного производства. В других «секциях» — плетеная обувь, разнообразные рубашки с видом Ямайки. Хочу отметить «ромовый отдел». Ямайский ром известен в мире, как самый лучший. Ром здесь более дешевый чем другие вина и в соединении с кокосовой водой — наиболее любимый напиток.

Привлекательные ларьки, изобилие плетеной работы кустарей делают этот увлекательный базар внешне пестрым и веселым. Но несмотря на всю эту внешнюю пестроту, на душе у нас было очень печально. Ощущение приниженности и бесправия видно во всем, даже в походке людей. Глаза этих людей, казалось, и не знали никогда иного выражения, чем опасение. С недоверием смотрят они на всех белых, так как в их представлении белый — это обязательно англичанин или американец. Не нужно забывать, что мы первые люди из Советского Союза, вступившие на Ямайскую землю. Народный базар, т. е. базар для себя, а не для гостей, производит ужасное впечатление. Торгуют, разложив прямо на земле свои товары, спят тут же целыми семьями, ре-

бятишки почти голые бегают по улицам столицы.

А центр города приличный, очень красивый, по-тропически «зеленый». В самом центре города — длинное, но невысокое белое здание, довольно привлекательное, с надписью «Кериб».

Это главный кинотеатр, где и проходили наши концерты. Надо сказать, что народ покупал билеты больше из любопытства — как выглядят эти русские, что они представляют собой? И вот первый концерт. Помещение, к счастью, охлаждается. Это, пожалуй, самое главное. Зритель заполняет огромный зрительный зал. Но как странно. До самого начала концерта в фойе «кричит» радио, играет джаз-оркестр, беспрерывно сменяя одну джазовую мелодию другой. В антракте демонстрируется картина. Нужно и к этому привыкнуть, мало ли какие привычки у каждого народа. Со всем приходилось считаться. Но ни один из нас так и не смог сосредоточиться перед началом концерта. Оркестра в этой стране не существует. Концерты наши должны были идти под аккомпанемент рояля. И вот представьте себе на секунду — в фойе вопит во всю свою мощь джаз, оглушая всех, и сквозь этот рев вдруг, еле-еле слышно пробиваются звуки Чайковского — «Лебединое озеро»...

И все же успех был невероятный, «оямайски», конечно. Зал, затаив дыхание, следил за всем происходящим на сцене. Полная тишина. Казалось, что они боятся даже вздохнуть. И вдруг молниеносная вспышка аплодисментов, буквально на полминуты и затем снова мертвая тишина. Нам потом объяснили — здесь «на бис» не вызывают. Считается, что нельзя повторять один и тот же номер дважды. К этому трудно было привыкнуть, особенно после такого грандиозного успеха на Кубе. Разумеется, у нас немножко упало настроение. Никак не удавалось внушить себе, что у них так принято. И никакие уговоры, хотя нам и говорили, что никто и никогда не имел на Ямайке такого успеха, нас не могли успокоить.

За ужином — одна тема: первый ямайский концерт. Все немного расстроены. И только Махмуд Эсамбаев, как ни странно, доволен. Оказывается, его танец, где он считает баранов, в Венесуэле, в Мексике, в Колумбии не понимали (вернее, не

понимали кого или что он считает). А когда здесь он пальцами начал считать, то этот удивительно странный для нас зритель даже заплодировал ему. «Товарищи, меня здесь поняли! — восторженно заявил Махмуд. — Жаль только, что здесь всего три концерта, ведь у меня успех именно здесь!» — шутил он. И мы повеселели, долго смеялись и не могли успокоиться.

Все три концерта прошли на высоте во всех отношениях. К специфическому «ямайскому» приему мы вскоре привыкли, и то, что нам казалось странным, теперь несколько нас не смущало.

После первого концерта народ уже узнавал нас на улицах. Владельцы магазинов приглашали нас в свои «владения», показывали лучшие свои товары. Прохожие окружали нас, осматривали с головы до ног, при этом не забывали произносить «Россия», «Россия». Теперь мы видели и улыбки на их лицах, и руки, протянутые к нам, чтобы поздороваться. Народ Кингстона приветствовал нас!

15 ДНЕЙ В РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО

Я и теперь с ужасом вспоминаю 15-часовой перелет с Ямайки в Бразилию. Целую ночь от Каракаса до Рио мы летели без посадки на самолете американской авиационной компании «Пан-Америкэн». Перед глазами встает довольно невеселая картина. Ночь. Очень неуютный и какой-то холодный самолет, скрипучие и неудобные кресла. Да, это не «TV-104»! А лететь нужно всю ночь. Что же, приходится терпеть. Самолет заменить нельзя. Трудно сказать, кто спал эту ночь. Пришлось только подбадривать друг друга деланным смехом и обречь себя на «великое сидение»...

Было уже совсем светло, когда внизу показалась суша. Бразилия! Рио-де-Жанейро! Еще несколько минут и мы совсем ясно увидели огромную статую Христа, высеченную на вершине пика Карковадо, на высоте 2300 футов.

Необыкновенно красивы с самолета эти резные берега, эти прямые улицы, высокие дома...

Но что это? Уже второй раз пролетаем мы над статуей Христа... Третий раз... и все на такой же высоте. Непонятно. Кружимся и кружимся, но на посадку не идем...

Приземлились лишь через 25 минут. Оказывается, аэродром не мог нас принять.

Когда самолет, наконец, благополучно останавливается, мы почти хором произносим по-португальски «Муйто обригадо» (большое спасибо) — первую выученную нами фразу. В Бразилии, в отличие от других стран Латинской Америки, господствует португальский язык. У самолета с фотоаппаратами и микрофонами в руках — несколько десятков репортеров. Глаза слепит от вспышек импульсных ламп. Нас засыпают вопросами. Бедные наши переводчики не знают, кого раньше слушать, кому что отвечать. Представители Польского посольства, русские, живущие в Рио, и многие, многие другие приветствуют и сопровождают нас до самого отеля «Глория», где мы располагаемся на «постоянное жительство». Оказывается, это совсем недалеко от театра «Муниципаль», где будут проходить наши концерты.

Вот мы и в Рио. Окна наши выходят на залив. Сверкает на солнце изумрудная вода, и удивительное спокойствие входит в душу.

Перед нами город, которому природа завещала свои наиболее прекрасные пейзажи. Целые ряды высоких пальм уже привычно проходят мимо наших глаз.

В течение месяца, гастролируя по странам Латинской Америки, мы всюду слышали одно: «Вы будете в Рио-де-Жанейро? О! Рио-де-Жанейро!».

Только теперь мы поняли эти восклицания! Трудно удержаться от возгласа удивления, увидев эти тропические берега, белые пески вдоль побережья, чистую, как настоящий бразильский изумруд, воду.

Соединенные Штаты Бразилии — самая большая из латиноамериканских стран — граничит почти со всеми южноамериканскими государствами, за исключением Чили и Эквадора. Страна насчитывает 60 миллионов населения, состоит из 20 штатов, 5 территорий и федерального района Рио-де-Жанейро. В Бразилии немало крупных городов, но столица государства Рио-де-Жанейро, один из красивейших городов мира, — гордость не только Бразилии, но и всей Южной Америки.

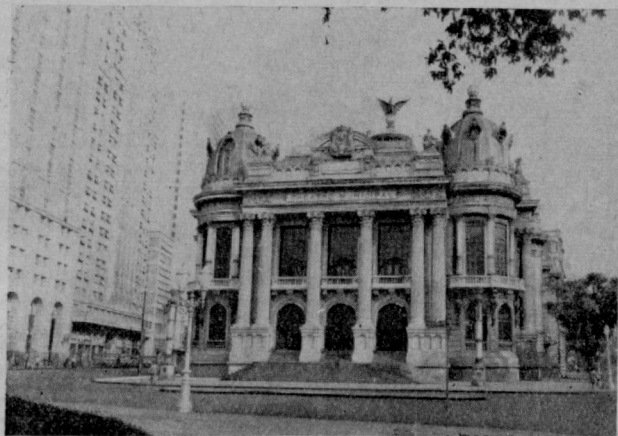
В ночь под Новый, 1502 год корабли под командованием португальца Гонсало Коэло попали в бухту Гуанабара, на берегах которой ныне лежит Рио-де-Жанейро. Море-

плаватели Старого света приняли бухту за устье неизвестной реки. В честь Нового года они назвали ее «Рио-де-Жанейро», что значит «Январская река».

Когда смотришь на спокойную водную гладь залива, то, прежде всего, внимание привлекают две вещи — Сахарная гора, резко поднимающаяся из вод залива, и статуя Христа на вершине семисотметровой горы. С распростертыми в стороны руками, смотрящая пустыми глазами в безбреж-

оформленные кустарники, тянущиеся своими верхушками друг к другу. Центральное место в парке занимает статуя Всадника. Это памятник первому президенту Бразили Марешалю Фансеку.

Здесь же, недалеко от главного парка, — целый каскад небольших скверов — «Убежище для тех, кто желает на некоторое время уйти от суеты огромного города». В этих парках находятся очень интересные и ценные скульптуры. Здесь можно найти

Рио-де-Жанейро. Театр „Муниципаль“, где в течение двух недель проходили наши гастроли.

ный сине-голубой океан, эта статуя, высотой в 30 метров, производит сильное впечатление.

Рио — место пребывания федерального правительства и центр торговли страны. Множество «солидных» зданий в центре города принадлежит крупным международным фирмам. Мимо этих зданий мы проходили не останавливаясь. Но уж мимо садов, разбивка которых очень своеобразна, пройти нельзя. Одни выходят к морю, образуя очень красивый берег, другие располагаются прямо в центре. Вдруг, как говорится, ни с того ни с сего возникает прекрасный сад. Это очень оригинально. Среди множества парков-садов особенно выделяется один. Он состоит из нескольких травяных лужаек, симметрично расположенных в центре. Между ними — светящиеся фонтаны, а по краям — аллеи, сценически

прекрасные образцы искусства, памятники бразильских писателей, музыкантов, ученых и т. д.

Мраморные тоннели для автомашин, знаменитая улица Варгаса, где автомобили мчатся в 10 рядов, бесконечные песчаные пляжи — все это, конечно, чарует туристов. Но глядя на все эти красоты, невольно думаешь о том, что на территории Бразилии, превышающей территорию США, люди живут по-разному. В верховьях многоводной реки Амазонки, где господствуют джунгли, в бамбуковых хижинах ютятся индейцы. Лук и стрелы — до сих пор их главное орудие «производства». И это в наш век, в век атома, электронных машин...

Многочисленные радиостанции страны наполняют эфир рассказами о райской жизни трудящихся, стремясь привлечь сюда новые рабочие руки со всего света. И люди едут в Бразилию в поисках счастья. Нечего

и говорить, что одних красот природы для счастья маловато. Многие из приезжих долгие годы скитались по стране, работали на плантациях, на приисках и возвращались обратно на родину.

В бурные годы революции и гражданской войны в России несколько тысяч русских, не разобравшись в обстановке, при разных обстоятельствах попали в страны Южной Америки. У каждого из них своя судьба. Одни, как говорили они нам, прошли огонь и воду, работали кем попало и как могли. Другим жизнь «улыбнулась», и они завели небольшие коммерческие дела или стали посредниками в разных фирмах. Но всех их в течение 40 с лишним лет объединяло одно: тоска по Родине, по России.

В день нашего приезда в город Сан-Паулу, в СССР улетало 3 семьи: кто в центральные районы нашей Родины, кто на Украину. Вместе со стариками едут их дети, родившиеся здесь, в Сан-Паулу, но знающие русский язык и наши песни. Невыразимое счастье лучится в глазах отъезжающих. Радуются за соотечественников и те, кто провожает их. Они тоже живут этой согревающей сердце надеждой — вернуться на Родину.

Нечего и говорить, что мы пользовались каждой свободной минутой, чтобы побродить по Рио, насладиться его красотами. Правда, не всегда наши «путешествия» кончались благополучно, иногда мы долго блуждали, прежде чем нам удавалось найти дорогу к гостинице. Но мы не сожалели об этом — слишком велико было искушение поближе познакомиться с этим своеобразным городом.

Вот с чем нам упорно не везло в Бразилии — это с кино.

Как-то вечером мы собрались пойти в кино на кинокартину «Мальчик-с-пальчик». Демонстрировался этот фильм в центральном кинотеатре „Cinelandia“. Не подозревая ни о каких препятствиях, мы купили билеты и уже почти все прошли в фойе, но вдруг... меня остановили со словами: «Но-но-но!» («нет-нет-нет!»). На разных языках началось объяснение. Билетер показывал на пальцах, что дети до 16 лет на поздний сеанс не допускаются. Мы хором объясняли, что мне уже 23 года, что я балерина, что мы приехали из СССР, но все было напрасно. Пришлось мне сказать нашим, что я пойду в отель. Но товарищи одну меня отпустить не желали и

Мерседес — исполнительница бразильских и африканских танцев.

все вернули билеты. Посмотреть фильм не удалось.

Досадный казус, но уже несколько иного рода, произошел в Сан-Паулу, где мы тоже не попали в кино.

Правда, учитывая печальный опыт Рио, мы пошли на дневной сеанс. Но на сей раз нам даже билетов не продали, так как наши молодые люди были в летних рубашках, без пиджаков. Мы говорили, что приехали издалека, что в такую жару с непривычки не можем надеть пиджаки, но так, ничего не добившись, ушли раздосадованные. Однако, когда мы вспомнили, какая картина шла в кинотеатре, куда наших мужчин не пустили из-за отсутствия пиджаков, все развеселились. Ведь в кинотеатре демонстрировалась 5-я серия «Приключений Тарзана». Вот уж поистине фильм, который надо смотреть только в пиджаках!

Зато в Сан-Паулу у нас была приятная встреча с композитором Виктором Симоном, написавшим популярную песню, известную и в СССР — «Рио-де-Жанейро». Он проводил с нами целые дни, бывал на всех концертах, ему было очень приятно, что нашей молодежи нравится его песня. Он спел нам новую песню, написанную в память о VI Всемирном фестивале молодежи в Москве, и выразил надежду, что она также понравится советским людям.

ДРУЗЬЯ ИЗ ЧИЛИ

Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Монтевидео — все уже осталось позади, через 4 ча-

«а мы должны приземлиться в столице Чили — Сант-Яго. Только что мы не знали, куда спрятаться от жары, а сейчас под нами снег, нам рекомендуют вынуть из чемоданов теплые зимние вещи, ибо в Сант-Яго очень холодно. Такая резкая, причем частая смена климата (жители страны не знают слова «прохладно», у них только «холод и жара») отражается, конечно, на нас, у многих болит голова, чувствуется усталость.

В Рио-де-Жанейро мы отметили начало третьего месяца своего турне. А впереди еще гастроли в двух странах. Постоянное напряжение, волнения перед каждым концертом — все это, разумеется, не проходит бесследно. А эти утомительные приемы после концертов до 4—5 утра? А перелеты? Только сейчас мы были на берегу Атлантического океана, а через час — будем на берегу Тихого океана. Все дальше и дальше мы от Родины и все больше тоскуем по ней...

...Столица Чили Сант-Яго раскинулась у самого подножья Кордильерского хребта. Наш самолет идет между гор, которые буквально захватили нас в плен, и кажется, не хотят выпустить. Но пилоты уверенно ведут хрупкий по сравнению с этими колоссальными массивами самолет вдоль узкого ущелья, и только где-то далеко-далеко вверху виднеется полоска синего неба. Мы припали к окнам, глядяваясь в этот необыкновенный горный пейзаж с ослепительными снежными шапками. Сейчас мы пролетаем высочайшую горную вершину западного полушария — Аконкагуа.

Чили — страна, растянувшаяся вдоль побережья Тихого океана и Кордильер более чем на 4 тысячи километров, в ширину насчитывает всего 180 километров. За 4 дня пребывания в стране мы побывали в ее центральной части, куда входит столица Сант-Яго с прилегающими провинциальными центрами: Вальпараисо и городами Виньядельмар и Концельсон.

Не нарушая установившихся здесь традиций, мы сначала дали концерты в провинциях, после чего прибыли в столицу.

Виньядельмар и порт Вальпараисо — это два маленьких города, или, как говорят чиллийцы, — один большой, разделенный на два. После Рио нам особенно любопытно видеть эти города, весьма, я бы сказала, оригинальные для нашего времени. Ни о каких модернистских постройках нельзя

даже говорить. Здесь, наоборот, — все «пахнет стариной». Фаэтон — основной вид транспорта в этих городах, и впервые в жизни мы увидели стоянку такси-фаэтонов. Мы просто «окунулись» в старину.

Даем несколько концертов, летим в Сант-Яго и снова как бы перешагиваем рубеж столетия — попадаем в город вполне современный, кипучий, густонаселенный.

Здесь нас приняли очень тепло не только зрители но и представители общественных организаций.

30 июля мы были на приеме, устроенном в честь нашего приезда Институтом дружбы Общества чилийско-советской дружбы. Образованный 8 лет назад, этот институт первое время существовал неофициально. Теперь положение изменилось. Институт ставит своей целью — наладить и еще более укрепить содружество и культурные связи между нашими двумя далекими странами.

Президент Общества граф Альберто показал нам все 5 аудиторий института, где в это время шли занятия. Из 1000 членов Общества 300 человек изучают русский язык и, надо сказать, уже неплохо говорят. С каждым днем становится все больше и больше желающих изучать язык. В институте имеется небольшая библиотека русских книг, журналов, газет. Надо сказать, что здесь регулярно получают «Комсомольскую правду» и «Известия».

Общество интересуется каждым днем жизни, каждым событием нашей страны, они гордятся, что могут самостоятельно читать по-русски. Интересно отметить, что аудитории у них не имеют номеров, а носят имена наших писателей, например: «аудитория Маяковского», «аудитория Толстого» и т. д. В кабинете графа Альберто висит большой портрет Ленина, в комнате отдыха — масса русских игрушек, особенно матрешек.

Все это очень растрогало нас. С четырех стен комнаты на нас смотрели жизнерадостные малыши, милые, смешные «представители» московских ясель и детских садов — видимо, вырезки из наших журналов.

Члены Общества были настолько счастливы и благодарны нам за посещение, что не знали, как сделать наше пребывание еще более приятным. В тот же день они организовали поездку за город. Обед был устроен далеко-далеко в окружении гор, среди оставшейся от лета зелени.

Сюда были приглашены многие общественные деятели Чили: президент и члены конгресса прогрессивных женщин страны, вице-президент парламента, депутаты, писатели. Меня познакомили с писателем сеньором Франциско Колоане, принимавшим участие в Конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте. Как он был рад этой встрече! С каким жаром, необычайным для своих лет, он рассказывал нам о нескольких незабываемых днях, проведенных в Ташкенте. На память о встрече сеньор Франциско подарил мне национальный чилийский сервиз (кувшины различных размеров) и чилийскую газету с его статьей о Ташкенте.

Мы сидели за столом, оживленно разговаривали, а за окном — снежные горы, о которых до сегодняшнего дня мы знали только по наслышке, да по учебнику географии. Об этом я сказала господину президенту. Он улыбнулся и попросил всех присутствующих поднять тост за дружбу двух народов, за такие отношения, чистота которых была бы такой же, как эти белоснежные вершины Кордильер. И еще он выразил пожелание, чтобы чилийские горы изучались не по учебникам в школах, а в натуре, «как видит их сейчас девушка из далекого Узбекистана». Петр Федорович Аболимов дополнил этот искренний тост: «Пусть ваш Институт дружбы всегда будет оранжереей, где цветут самые лучшие цветы», — сказал он под общие аплодисменты. Прием был закончен словами президента: «Мы будем продолжать борьбу за установление тесных дипломатических и культурных связей, что даст возможность еще ближе узнать, а следовательно, и пропагандировать культуру Великого Советского Союза. Мы уверены, что народы Чили, столь любящие советских людей, смогут узнать всю правду о своих заокеанских друзьях...»

ДО СВИДАНИЯ, АРГЕНТИНА!

Вот уже и август. А сколько стран мы увидели за два месяца, сколько городов посетили, каких только людей ни встречали. А на чем только мы ни ездили за это время — начиная с самолета, кончая фазтоном.

Скоро домой. Сердце замирает от радости. Но впереди еще напряженные две не-

дели, — заключительные концерты советского балета в странах Латинской Америки, в частности, в Аргентине. Немало труда вложил наш импрессарио, чтобы организовать наши двухнедельные гастроли в этой стране. Он был бы очень огорчен, если бы мы не попали сюда. Ведь 2 месяца он возил нас по чужим, фактически для него странам, а Аргентина — его родина, здесь его родной народ, и не привезти сюда «Советский балет» было бы просто непостижимо для него.

Еще во время наших гастролов в Чили сеньор Омар впервые за 2 месяца покинул нас и выехал в Аргентину. И уже в Сантьяго мы получили из Буэнос-Айреса визы для въезда в страну. Это были особо почетные визы — «Визы вежливости».

И вот мы уже над Буэнос-Айресом. Какой чудесный вид с самолета! Мы пролетаем так низко, что можно рассмотреть город сверху. Видим широкую центральную, как мы сами решили, улицу, высочайший в городе Обелиск и огромную площадь.

Самолет уже бежит по дорожке. У всех улыбки на лицах. Видно, все довольны и хорошей посадкой, и предстоящей встречей с сеньором Омаром, и тем, что мы, наконец, прибыли в последний пункт нашего путешествия — Аргентину.

Наш импрессарио, не выдержав, поднимается по трапу навстречу нам. Он весь сияет, его добродушная улыбка, необыкновенно радостное лицо говорят, что он очень рад нашему приезду на его родную землю. Он беспредельно счастлив.

— Буэнос тардес — добрый день, сеньорита маленький Кариева, — говорит он, и эта уже традиционная фраза в его устах вызывает, как всегда, взрыв смеха. Сеньора Омара все встретили как дорогого человека — действительно, все по нему соскучились.

Спускаемся и, к своему удивлению и радости, слышим русскую речь: «С приездом, дорогие друзья!», «Здравствуйте!» Это работники нашего посольства в Аргентине. Мы обнимаемся, целуемся, плачем от радости, как будто встретились с родными. Так могут встречаться только наши люди, только наш народ. По дороге они с

Удовольствием рассказывают нам, перебивая друг друга, о необычайном интересе аргентинцев к концертам советских артистов.

Да и мы сами видели повсюду красочные афиши, разноцветные световые рекламы, сообщающие о приезде «звезд советского балета». Вот он — вечерний Буэнос-Айрес... Мы видим центральную улицу города — Корриентес, справа театр Оперы, где будут проходить наши концерты. Это один из крупнейших театров в Аргентине. Проезжая мимо него, мы узнали, что билеты проданы уже на все концерты. А машина бежит по красочным, ярко освещенным улицам. Уже зажглись огни в окнах небоскребов и в витринах закрывающихся магазинов. Широкие, необычно расположенные улицы. Одна ветка улицы, как правило, незаметно соединяется с другой, выходит к третьей, вливается в четвертую... Эти бесчисленные разветвления, пожалуй, главная отличительная черта города.

Вот и отель «Континенталь», где мы будем жить две недели. Справа от нас — главная улица Корриентес, на ней находится «наш» театр, а слева — самый аристократический торговый район, именуемый «Флоридой». Здесь нет движения транспорта, вся довольно широкая улица к услугам пешеходов. Вечером «Флорида» преобразуется, зажигаются красочные витрины, появляется многочисленная публика.

Трудно пришлось регулировщикам движения на отрезке улицы Корриентес, прилегающем к театру, в вечер первого концерта «советского балета». Потоки машин, устремившихся в одном направлении со всех концов города, были нескончаемы.

10 часов вечера. Время очень необычное для начала концерта. Зал полон. Первые ряды заняты официальными лицами Аргентины, видными деятелями искусств и приглашенными гостями. Центральные места занимают представители Советского посольства в Аргентине. Полная тишина и спокойствие царят в зале. А вот же время на сцене, за занавесом, каждый занят последними приготовлениями к началу концерта, и мы охвачены волнением... Это чувство не покидало нас во время всей нашей поездки, но сегодня оно было особенно сильным.

Концерт начался. Один за другим проходили номера; публика тепло приняла первые несколько танцев. Но с каждым номе-

ром аплодисменты усиливались, восторг зрителей увеличивался, и, наконец, наступил момент, когда исполнителям невозможно было уйти без повторения своего танца. Трижды был исполнен Вахтангом Гунашвили грузинский танец «Наездник» — зрительный зал неистовствовал в полном смысле слова. Трудно описать и прием финального номера — вальса Мошковского в исполнении заслуженной артистки РСФСР Ирины Тихомировой и Адольфа Хамзина. Публике уже недостаточно было «нормального» двухразового повторения, на это она уже смотрит, как на нашу обязанность. Пришлось нам всем выйти в заключение из подмостки. Эта, последняя, сцена вылилась в неопишное событие — весь зал стоит, кричит во весь голос, аплодисменты тонут в приветственных возгласах. Зал и сцена сливаются в одно целое... До двух часов ночи народ не покидает вестибюля театра, из широко распахнутых дверей нескончаемый человеческий поток выливался на улицы вечернего Буэнос-Айреса. Провожая нас, чудесные юноши и девушки Аргентины крепко жмут нам руки и произносят слова искренней большой дружбы. «Мир — дружба!», «Мир — дружба!» — слышится вокруг нас на русском и на испанском языках. На каком бы языке ни произносились эти слова — они полны надежды, веры в людей, в счастье.

Время шло незаметно, были дни, когда нам приходилось давать по два концерта — в 8 и в 10.30 вечера, совсем как киносеанс. Но выхода не было — надо было по возможности исполнить просьбы аргентинцев. Ведь ежедневно и в адрес отеля, и на театр приходило невероятное количество писем с просьбой продлить гастроль. Этого сделать нельзя было при всем нашем желании, так как было уже установлен срок нашего отъезда — 12 августа мы должны быть в Париже. Вот мы и решили напрячь все «оставшиеся» силы и проводить по два концерта.

Близость возвращения домой наполняла наши сердца не только радостью, но и необыкновенной силой — мы решили дать прощальные концерты по сборной, увеличенной программе — из трех программ выбрать самые лучшие номера и составить новую, большую по количеству номеров, программу. Так и было сделано.

Колоссальный успех наших концертов не могла не отметить печать. Газеты восторженно писали о небывалом успехе «ма-

ленькой по количеству, но большой по мастерству исполнения группы артистов советского балета», которые в течение двух с половиной часов познакомили аргентинцев с многонациональным искусством своей родины. В газетах отмечалась блестящая техника и лирика, грациозность и легкость, темпераментность национальных танцев. Душа радовалась, когда мы утром брали в руки свежую газету и читали (через переводчика, конечно) такие рецензии.

И в Аргентине нас познакомили с местными артистами. Была устроена встреча работников искусств двух стран. Институт дружбы пригласил на эту встречу только тех, кто имел прямое отношение к искусству, но, увы, все предупреждения были напрасны. Зал, вмещающий 2 тысячи человек, был переполнен до отказа. Приветствовать нас пришли и неприглашенные. «Разве надо ждать приглашения на такую встречу?» — говорили многие нашему переводчику.

Вечер этот прошел в очень теплой, дружеской обстановке: было задано много вопросов о репертуаре наших балетных театров, хореографическом образовании в Советском Союзе, о творческих планах артистов и т. д. Когда закончилась эта беседа, был показан концерт, составленный специально для нас только из балетных номеров. К сожалению, несмотря на все наше расположение к гостеприимным хозяевам, мы не могли не увидеть, что классический танец у них далеко не на высоте. И нам понятно было их стремление поехать к нам и поучиться в прославленной «Русской балетной школе», как они ее называют. Деятели искусств Аргентины верят в искренность отношения к ним советских людей и со своей стороны стремятся расширить и укрепить культурный обмен.

Наш импрессарио постепенно исполняет все свои обещания. Первое — познакомить нас с классическим танцем у него на родине — он выполнил. Теперь второе — знакомство с полюбившейся нам киноактрисой Лолитой Торрес. Со дня приезда мы ежедневно напоминаем сеньору Омару о его обещании. Но время идет, а «дело» стоит. Мы терпеливо ждем. Но вот вдруг нам сообщают неприятную весть: Лолита Торрес нас не может принять, у нее сейчас траур в связи со смертью мужа, и целый год она не будет посещать общественные места, принимать гостей. Она даже выехала жить

за город, чтобы не показываться на людях. Муж ее трагически погиб в мае месяце во время поездки на кинофестиваль, проходивший в одной из провинций страны. Он вместе с женой ехал в машине по «дороге смерти», как ее называют в Аргентине потому, что по обеим сторонам ее лежит пропасть. Машина попала в катастрофу. Муж Лолиты погиб, даже не придя в сознание, а Лолита, вылетев из машины, просто чудом осталась жива.

Журналисты, которых она все же приняла вскоре после катастрофы, задали ей несколько вопросов относительно ее дальнейших планов. Актриса сказала, что вскоре она вернется к творчеству, будет продолжать сниматься в кино и обязательно посетит Советский Союз. Пришлось ограничиться тем, что мы пошли в кино смотреть фильм с участием Лолиты «Первая в колледже», в котором Торрес снималась задолго до «Возраста любви». И надо сказать, что понравился он нам гораздо меньше последнего.

На этот раз, наученные «бразильским» опытом, мы вошли в кинотеатр без всяких осложнений — мы учли все: мужчины надели пиджаки, из-за меня все пошли на дневной сеанс.

Дни бегут. Приближается день нашего отъезда, приближается прощание с друзьями из нашего посольства и с уважаемым сеньором Омаром. Мы видим, как грустнеют товарищи из посольства по мере того, как приближается день нашего отъезда. Это понятно — ведь они живут вдали от Родины и не так уж часто видят своих соотечественников.

Уже не так радостно, как в первый раз, прошел прием в посольстве. А затем состоялся прощальный ужин, устроенный нашим импрессарио. Были произнесены трогательные тосты, искренние слова взаимной благодарности. Мы благодарили сеньора Омара за то, что в течение этих месяцев он был не только нашим импрессарио, но и членом нашего дружного коллектива. «Я не знаю русского языка, если не считать нескольких фраз, которым вы меня научили, но, находясь среди вас, я никогда не чувствовал этого», — сказал сеньор Омар, — вы хотели, чтобы я понимал, а раз вы стремились к этому — я понимал».

Необыкновенно приветливое лицо нашего импрессарио сегодня было заметно грустным. Его последние слова, произне-

сенные за столом: «Я поднимаю этот бокал за искренность наших отношений. Пусть из каждой вот такой маленькой дружбы выковывается большая, такая же искренняя дружба наших народов», — выразили мысли всех нас, испытавших на себе дружеские чувства самых разных людей.

И вот настало утро 11 августа. Вся ночь прошла в приготовлениях к отъезду. В 6 часов утра все наши чемоданы были выстроены друг за другом в вестибюле отеля, к моменту сбора внизу они уже уехали в аэропорт. Мы в последний раз выходим на улицу, молча стоим несколько минут у входа. Взгляд ненадолго задерживается на Обелиске, возвышающемся над городом. Сколько раз помогал он нам сориентироваться, когда мы теряли дорогу во время наших блужданий по городу. А сегодня мы в последний раз глядим на него и мысли наши, опережая нас, улетают к Родине, к нашей родной, любимой земле, по которой мы так истосковались за эти месяцы.

Менее чем через час самолет берет курс на восток, в туманной дымке тает гостеприимный Буэнос-Айрес. В наших ушах еще звучат приветственные возгласы, которыми напутствовали нас наши новые друзья, а глаз еще долго ловит внизу уменьшающуюся точку Обелиска — последнее напоминание о земле Южной Америки, где нас так тепло принимали.

До свиданья, Аргентина! До свиданья, Южная Америка! Здравствуй, дорогая Родина!

* * *

Сейчас, когда прошло уже довольно значительное время после нашей поездки

по странам Латинской Америки, я перебираю в памяти все встречи и думаю о том, что там, в Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айресе, Мехико, на островах Куба и Ямайка — везде, везде у нас осталось много хороших, искренних друзей.

Сколько теплых, приветливых взглядов, дружеских рукопожатий ощутили мы, встречаясь с общественными деятелями, работниками искусств, скромными тружениками столичных городов и провинций! С радостью видели мы, как горячо приветствуют заокеанские народы каждый новый шаг к установлению дружеских отношений между СССР и странами Южной Америки.

Мне хочется сказать и доктору Бурзо из Сан-Паулу, и чудесной Элизе из Венесуэлы, и милой семье архитектора из Рио-де-Жанейро, и всем честным и трудолюбивым людям этих стран: каждый, кто побывал у вас в гостях, не может не испытывать глубокого уважения к вашему народу, народу, пережившему и переживающему тяжелые времена, но сохранившему такие драгоценные качества, как жизнерадостность, гордость духа, страстную ненависть к порабощению и тирании.

И еще об одном хочется мне сказать. Выступая перед вашим народом, мы убеждали, что прекрасно понимаем друг друга, что язык искусства, дружбы и доброжелательности, язык мира одинаково понятен всем нам. Сделаем же все, чтобы расцветала наша дружба. И если своими выступлениями мы хоть немножко помогли укрепить эту дружбу, то мы можем считать себя вдвойне счастливыми.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЕРОЙ И ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ

Практика социалистического и коммунистического строительства проявляет невиданное до сих пор богатство жизненных отношений, разнообразие бесчисленных форм проявления творческой энергии трудящихся масс. Правдивое и все более совершенное эстетическое отражение социалистической действительности приводит к возникновению многообразных форм и способов художественной изобразительности. Изучая художественную литературу с этой точки зрения, литературоведение столкнулось с немалыми трудностями. Специфика национальных литератур, эстетические закономерности каждого из многочисленных художественных стилей — все это такие области литературной науки, серьезное изучение которых, по существу, еще только начато.

Есть несколько аспектов изучения стилового и национального своеобразия литератур. Большое значение, например, имеет выяснение закономерностей связи индивидуальных стилей писателей со стиливыми течениями, взаимоотношения стиля и художественного метода. Значительный интерес представляет и проблема взаимосвязи между характером литературного героя, способом его изображения и художественным стилем.

Художественный стиль может быть правильно понят лишь как результат творчества, при котором субъективная, идейно-эмоциональная позиция писателя и объективные качества самой действительности, являющейся предметом эстетического познания, находятся в сложном взаимодействии. Такое понимание сущности художе-

ственного стиля основывается на взглядах классиков марксизма-ленинизма. В статье «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» Маркс замечает, что, хотя один и тот же предмет различно преломляется в сознании различных индивидов, все же характер самого предмета неизбежно оказывает влияние на исследование. Независимость мысли гения, по мнению Маркса, «относится ко всякой вещи так, как того требует сущность самой вещи».¹ Способ исследования должен меняться вместе с предметом.

В художественной литературе при всем ее разнообразии имеется два основных способа создания образа: конкретно-реалистический и идейно-эмоциональный. При первом способе художественно изображается личность во всех ее общественных связях и обусловленностях — и мы имеем богатый, многогранный, индивидуализированный характер; во втором случае художник сосредоточивает внимание не на целом характере, а на каких-то отдельных его сторонах и качествах — и мы имеем в этом случае романтический образ. Если в первом случае идейное и эмоциональное содержание, как правило, вытекает из положения и действия, то во втором — идея и эмоциональность выражены более непосредственно, субъективно. Этим двум основным способам создания характера соответствуют и два основных литературных стиля — конкретно-реалистический, или кон-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, «Об искусстве», М., 1957, т. 2, стр. 454.

кренно-описательный, как его еще называют, и романтический.

Арсенал художественных средств этих двух стилей достаточно изучен, и критик не встречает особенных трудностей при разборе произведения, созданного в одном из этих полярных стилиевых ключей. Но подавляющее большинство литературных произведений — результат сложного синтеза реалистического и романтического художественных стилей. Особую трудность представляет разбор произведений преимущественно романтического стиля. Если в произведениях конкретно-реалистических основным мерилom идейно-художественного значения характера является четкий критерий типичности, то в произведениях преимущественно романтического стиля он уже явно недостаточен. Эстетическое значение образа здесь можно вполне уяснить лишь на основе глубокого изучения его идейно-эмоционального содержания.

Давно замечено, что реалистические характеры имеют свою собственную логику поведения, которая способна иногда внести существенные изменения в идейный замысел автора. Относительная самостоятельность характера здесь объясняется тем, что жизненные отношения, стоящие за ним и представляющие из себя «предмет» объективной действительности, обязывают автора говорить языком его сущности. При создании произведения преимущественно романтического стиля художник погружен, главным образом, в мир больших эмоциональных обобщений, ему предоставляется более широкий простор для свободного полета фантазии, субъективность его в меньшей степени ограничена. Но логика объективных общественных отношений как предмет действительности и здесь прокладывает себе путь. Легче всего это проследить на примере взаимосвязи между сюжетной и идейно-содержательной ролью образа.

Содержание и форма в произведениях художественной литературы, как известно, представляют собою сложное и противоречивое единство, которое выражается, между прочим, и в том, что образ является одновременно носителем двух основных эстетических функций — идейно-эмоциональной и сюжетной. Характер воплощает определенное идейное содержание, но вместе с тем он — организатор действия. В конкретно-реалистических произведениях характер не отделен от действий, образующих сюжет, более того — именно в них он

и проявляется. Поэтому художественное исследование многогранных реалистических характеров совершается чаще всего в процессе их собственного взаимодействия. Идейно-эмоциональная и сюжетная роль характера в этом случае слиты воедино. Иначе дело обстоит в произведениях романтического стиля. Здесь писателю очень часто приходится прибегать к «искусственным» способам построения сюжета: вводить интригу, элемент случайности и условности. В этих условиях создается опасность нарушения связи между сюжетной ролью образа и его идейно-эмоциональным содержанием, что иногда приводит к совершенно неожиданным для художника результатам.

В 1959 году вышел в свет сатирический роман ташкентского писателя О. Сидельникова «Нокаут», произведение содержательное и оригинальное по форме. Во время обсуждения его на декаде узбекской литературы и искусства в Москве было отмечено, что даже сам по себе факт появления крупного произведения, жанр которого можно определить как сатирический детектив, представляет отрадное явление, лишний раз свидетельствующее о безграничных эстетических возможностях литературы социалистического реализма. Это произведение интересно еще и тем, что в нем отчетливо проявляются некоторые закономерности связи идейной и сюжетной роли образа.

Одной из основных идейно-художественных задач, решаемых автором в этом произведении, является раскрытие и беспощадное сатирическое обличение «свободного художника» Стенли, который отправился в шпионское турне по Советскому Союзу с целью глубокой идеологической разведки. В образе Стенли Сидельников воплотил многие характерные черты идеологии человеконенавистничества, свойственные империализму. Ницшеанская идея сверхчеловека, имеющая своим следствием лютую ненависть к коммунизму и одновременно смертельный страх перед ним; частнособственнический эгоизм и связанная с ним продажность, звериная жестокость, — т. е. полное отсутствие даже намека на какие-нибудь положительные устои морали, — вот что составляет объективную основу образа Стенли. Против этих типических черт характера, свойственных наиболее реакционным империалистическим кругам, и направлена в первую очередь обличи-

тельная сила сатиры писателя, именно этим силам книга наносит нокаут.

Образ Стенли раскрывается по мере того, как он сталкивается с советской действительностью. Но этот процесс имеет и обратную сторону: активно исследуя различные стороны жизни советского народа, «потомок викингов» заставляет и социалистическую действительность раскрываться во всем богатстве ее наиболее типических проявлений. Стенли только и занят тем, что пытается отыскать признаки слабости социалистического строя, но самые обыкновенные факты социалистической действительности на каждом шагу буквально щелкают по носу самоуверенного «Викинга», сбивая с него высокомерную спесь. Начиная ту или иную авантюру, Стенли рассчитывает встретить людей в культурном отношении отсталых, а ему встречаются простые колхозники, владеющие английским языком, хорошо знающие литературу; в лице председателя колхоза он предполагает найти малограмотного «раиса», а дело ему пришлось иметь с кандидатом наук. Простая женщина Матлуба Ибрагимовна, воспитавшая приемных детей, изобретатель Ганиев, который чуть ли ни сто тысяч — весь свой авторский гонорар — отдал детскому дому, рабочий Тохтаходжаев, не позволяющий всяким проходивцам «марать нашу жизнь», и десятки других персонажей, очерченных иногда несколькими штрихами, не оставляют и следа от мнимого величия «Викинга» неизмеримым превосходством своей морали, интеллекта и образа жизни.

Столкновение Стенли с простыми советскими людьми, показанное в данном аспекте, представляет собою цепь подлинно комедийных ситуаций, попав в которые, «Викинг», носитель самых бредовых идей современности, становится жалким и смешным. В начале многих эпизодов Стенли полон самоуверенности, он убежден в том, что ему удастся проявить силу своего «таланта», а заодно поиздеваться над советскими людьми, высмеять их, но в итоге «Викингу» приходится или обращаться в позорное бегство, или переживать ночные кошмары, вызванные очередным поражением.

Ситуации, составляющие цепь злоключений Стенли, неизбежно вызывают такие действия героев романа, которые соответствуют поведению двух противоположных общественных типов: того, который просве-

чивает через образ убежденного врага коммунизма Стенли, и того типа советского человека, черты которого воплощены в многочисленных образах положительных героев. Действия героев романа в данном случае соответствуют сущности общественных типов, которые стоят за ними; сюжетная роль действующих лиц находится в полном согласии с содержанием их характеров. А это и является тем фундаментом, на котором строится истинное не только идейное, но и эмоциональное содержание. Если Стенли развенчан с идейной, философской, моральной стороны и эмоциональное освещение его в данной сюжетной линии дано в основном как острое сатирическое обличение, то положительные герои, воплощающие подлинную человеческую мораль и высокую идейность, нарисованы в романтически приподнятых и мягких юмористических тонах.

В данной сюжетной линии единственным объектом сатирического обличения является Стенли и те силы, которые стоят за его спиной. Но в романе имеется еще несколько сюжетных линий, в которых Стенли продолжает оставаться главным героем. Книга насыщена богатым сатирическим содержанием. Беспощадному осмеянию здесь подвергнуты многочисленные персонажи, которые никак не могут выбраться из пут отвратительных пережитков прошлого, зло высмеиваются многие безобразные явления, имеющие еще, к сожалению, место в советской действительности.

Кругозор сатирика широк. Он показывает целую галерею сатирических образов. Тут и жалкие отщепенцы-предатели, вроде афериста Сопако или «прелюбодея-рецидивиста» Женинова, и прожигатели жизни, вроде легкомысленной Юноны Вихревской, и различные типы бюрократов, головотяпов, ротозеев, псевдоученых. Каким же путем раскрывает автор всю совокупность этих отрицательных образов и явлений? Отрицательные явления, изображенные в романе, раскрываются двояким образом. Значительная часть сюжетных приемов исходит от самого автора (объективное изложение отдельных эпизодов, авторские отступления), но многие отрицательные явления раскрываются через активное действие или восприятие Стенли. В романе много положительных героев, но их сюжетная роль ограничивается задачей раскрытия «Викинга» — и только. Стенли же сюжетно участвует в раскрытии отрица-

тельных явлений, и такая двойная роль внесла противоречивость в содержание этого образа. В первой сюжетной линии Стенли выступает как агент иностранной разведки, убежденный враг коммунизма, в других ситуациях — как остроумный плут, действия которого вызывают совсем иную эмоциональную и идейную оценку, нежели действия шпиона.

Рассмотрим несколько эпизодов. Вот Стенли вместе со своими спутниками, желая утолить голод и жажду, заходит в превосходную чайхану, где все располагает к приятному отдыху. Посетители не спеша потягивают чай, играют в шахматы. Суется любезный и респектабельный чайханщик. Ничто, казалось бы, не могло омрачить благодушного настроения «Викинга». Но тут происходит следующее:

«Стенли с энтузиазмом откусил от самсы изрядный кусок и с видом изощренного гастронома стал жевать. Оставалось проглотить ароматную, палящую перцем массу. «Викинг» от удовольствия возвел глаза, и... его замутило! В двух шагах от него на стене висел огромный плакат: «Уничтожайте мух».¹ Автор остроумно и ярко описывает всю гамму ощущений, испытываемых Стенли во время чтения плакатов, развешанных в чайхане, констатирует тот печальный факт, что, вопреки известной поговорке, аппетит Стенли и его спутников «безвозвратно ушел во время еды».

Какой же цели добился автор, описывая этот эпизод? Он высмеял головотяпов, способных в любом, самом замечательном деле ложкой дегтя испортить бочку меда. Казалось бы, цель сатириком достигнута. Но орудием раскрытия факта головотыпства явилось мироощущение Стенли. Читатель смеется над головотяпами, но в то же время невольно сочувствует тому, кто из-за них претерпевает неприятности. Данная ситуация, кроме того, позволяет Стенли проявить свое остроумие. Он сыплет остротами, и они смешат окружающих, чего нельзя сказать о «состязании в острословии», которое происходит в это время в чайхане. О состязании сказано только, что оттуда доносятся взрывы хохота. Но смешат публику все-таки не эти «острословы», а Стенли.

Сидельников рассказывает, например, о том, как глупые модницы стали жертвой авантюристической проделки Стенли и его подручного Сопако. Жулики организовали фиктивное ателье, собрали с женщин фантастически крупные суммы денег на пошивку ультрамодных туфель — и исчезли. Модницы высмеяны, но «Викинг» и в этом эпизоде не является объектом сатирического обличения. Конечно, и он смешон, но смешон как остроумный жулик, неплохо разбирающийся в психологии некоторых женщин.

Таков же эпизод с продажей бриллианта. Стенли предлагает некой Диане Викторовне купить фальшивый бриллиант за 5 тысяч рублей. Покупательница сомневается: «ведь купить этот бриллиант за 5 тысяч — все равно, что смоненничать... ограбить человека». Но голос совести умолк, «задавленный искусом стяжательства». Подставной ювелир оценил вещь в 50 тысяч. Когда жульническая сделка состоялась, Стенли имел все основания морализировать: «Да, я продал фальшивый бриллиант ценой в сорок копеек за пять тысяч рублей. Каюсь. Но взгляните на эту гражданку, мящую из себя потерпевшую. У нее незапятнанная репутация. И тем не менее, она аферистка. Она украла у честного человека сорок пять тысяч рублей. Ведь она не предполагала, что имеет дело с мошенником. Почему судят меня, а не ее?»¹

Стяжательница получила по заслугам. Что касается Стенли, то он опять ускользнул от удара сатирика. Сила, активно посягающая отрицательное, вызывает невольное сочувствие.

Во взаимоотношениях с легкомысленной Юноной Вихревской, горе-философом Парзановым и многими другими персонажами романа создается множество ситуаций, позволяющих Стенли блеснуть умом, показать свое превосходство над ними. Резкое сатирическое освещение его образа заменяется мягким юмористическим, что не оправдано ни с идейной, ни с эстетической точки зрения. Эмоциональное содержание образа Стенли вступает в непримиримое противоречие с идейным замыслом автора. Причина этой ошибки состоит в том, что автор заставил шпиона Стенли играть несвойственную ему роль обличителя таких недостатков советской действительности, до

¹ О. Сидельников, Нонаут. Т. 1959. стр. 238.

¹ Там же, стр. 127.

которых ему нет никакого дела. Зарубежных стенли интересует другое. Недостатками они считают наши достоинства и достижения. Больше всего их раздражает слава и мощь социалистической державы. Эта художественная ошибка вызвана нарушением закона построения сюжета. Сидельников не учел, что на месте Стенли, там, где он сталкивается с отрицательными фактами советской действительности, должен был действовать герой преимущественно положительный.

Критика заметила противоречивость образа Стенли. Совершенно справедливо было указано на неправомерность наделяния этого образа некоторыми чертами характера Остапа Бендера. Но ведь и образ «великого комбинатора» в идейно-эмоциональном отношении противоречив. Авантюрист и жулик получился у замечательных советских сатириков симпатичным и привлекательным. И результат этот возник совсем не потому, что Ильф и Петров хотели плута сделать привлекательным. Они тоже столкнулись с объективным фактором, который потребовал, чтобы в образ Остапа Бендера было внесено положительное содержание. С помощью Бендера авторы раскрывают массу отрицательных явлений тогдашней действительности; этически этот герой осуществляет не только отрицательную, но и положительную роль. Это и обусловило многие положительные черты его характера — остроумие, оптимизм, общительность, щедрость и многие другие. Начиная писать роман, сатирики не знали, каким получится их герой. Известно, что по первоначальному замыслу Остапу Бендеру предназначалась роль второстепенного персонажа, но вскоре, по свидетельству Е. Петрова, он «стал постепенно выпирать из приготовленных для него рамок».¹

Эти примеры показывают, как в определенный момент развития действия, который не всегда может быть учтен заранее, вступают в строй объективные факторы действительности, преломляющиеся в сюжетной роли образа, и заставляют писателя следовать их собственной логике.

Достижение полного соответствия между сюжетной организацией произведения и его идейно-эмоциональным содержанием — дело сложное, требующее не только совершенного художественного мастерства, но и

глубокого усвоения современной проблематики во всех областях идеологии и нравственности. Остановимся еще на одном произведении, содержание которого является преимущественно сатирическим. Это роман известного каракалпакского писателя Д. Аймурзаева «Проделки Камекбая».²

При всех недостатках, справедливо отмеченных критикой, это произведение содержит немало фактов, убеждающих в несомненной талантливости его автора. Лаконичный язык, насыщенный народным юмором, умелая лепка сатирических образов, неиссякаемая изобретательность в построении комических ситуаций — все это свидетельство того, что перед нами — опытный художник слова.

Основная идейная, этическая и эмоциональная задача романа Аймурзаева — поражение огнем сатиры мошенников и интриганов в лице Камекбая, председателя колхоза, а затем бригадира, и его соратников — Караматдина и Саттара. Образы эти даны в строго сатирическом плане. Автор сознательно подчеркивает, даже утрирует все отрицательное в облике и характерах своих персонажей: внешность их карикатурна, мысли нелепы, поведение ни с чем не сообразно. О Камекбае, например, можно сказать, что это чревоугодник, лгун, клеветник, лицемер, самодур, садист, развратник, жулик и вдобавок — трус. Кажется, нет такого порока, которым бы не был щедро наделен этот уникальный в своем безобразии образ.

Отрицательные персонажи раскрываются в романе не в процессе их взаимодействия с положительными героями, а главным образом сюжетными средствами, принадлежащими самому автору. Аймурзаев или просто рассказывает о Камекбае и его друзьях, или создает ситуации, попадая в которые его герои предстают перед читателем во всей своей «красе». Но осуществляя сюжетную и идейную роль раскрытия этих образов, автор не всегда поднимается на необходимую высоту идейной и нравственной позиции. В одной из глав он называет отрицательных героев «ядовитыми скорпионами». Читатель испытывает гнев, когда узнает о том, как Камекбай зверски издевался над женой, чувство возмущения вызывают его жульнические махинации, грязные интриги, «проделки», пахнущие уго-

¹ И. Ильф. «Записные книжки. 1925—1937», СП, 1957, стр. 25—26.

² Д. Аймурзаев. Проделки Камекбая. роман. Т. 1958.

ловщиной. Казалось бы, ведущая линия характера определена, а поэтому ясна и необходимость единственно возможной для такого образа эмоциональной оценки — самой беспощадной сатиры, не признающей никакого компромисса в своем суровом осуждении. Но автор не учитывает этого. Он создает ситуации, в которых Камекбай вызывает мягкий, чуть ли не сочувственный смех. Он рисует его лежебокой, сластолюбивой, красноречивой. Камекбай попадает в традиционную для анекдотов ситуацию любовника, вынужденного спастись под кроватью. С ним без конца случаются забавные истории, и что самое главное — похождения его занимательны. Возникает непримиримое противоречие между эмоциональным содержанием образа и его нравственной оценкой, что наносит ущерб книге.

Еще отчетливее ложность позиции автора проявилась в трактовке образа Елмурата. Елмурат — бывший партизан, лучший колхозный бригадир. По авторской характеристике — это положительный образ. Но если мы ознакомимся с действиями этого персонажа, то сразу же убедимся в том, что объективное содержание образа не соответствует этическому отношению к нему автора. Со страниц книги перед нами предстает несносный скандалист и тиран, который на протяжении всего действия романа только и делает, что терроризирует семью. К своей жене Елмурат относится хуже, чем к собаке. Вот маленькая зарисовка.

«Словно ястреб, нападающий на воробья, Елмурат набросился на старуху, повалил ее на пол и стал бить»¹.

И еще одна:

«— А ты чего вмешиваешься? Сама bestолковая! Вот тебе! — Елмурат ударил старуху по голове. Та упала»².

Рисуя такие сцены, автор старается рассмешить читателя. Гонится, например, Елмурат за старухой, а захлопнувшаяся дверь сильно стучает его по лбу. Но проделки сумасшедшего старика вовсе не смешны, они отвратительны и требуют не полунасмешливого, а резкого сатирического изображения.

Положительные герои романа — от рядового колхозника до секретаря райкома партии — относятся к Елмурату снисходительно. «Партизан Елмурат», «храбрый Елмурат», «щедрый Елмурат» — так называют его колхозники. Автор отмечает у него только одну «пустяковую слабость» — вспыльчивость. Все усилия положительных героев направлены на то, чтобы помирить Елмурата с семьей, и ни один из них не решился одернуть старика, потребовать от него выполнения элементарных правил человеческого общежития.

Такое же несоответствие между объективным содержанием образа и эмоционально-этической его оценкой получилось и при изображении колхозника Караматдина, имеющего не меньше недостатков, чем Камекбай, но изображенного главным образом героем забавных и часто безобидных приключений.

Положительные герои этого романа, как уже отмечала критика, схематичны и нежизненны. Они осваивают Голую степь, ищут воду, борются с наводнением. Имеется масса сюжетных возможностей дать эти образы романтически приподнятыми, окрашенными в светлые тона героики. Но почти все они тусклы, однообразны, хотя и совершают героические дела. О подобных малохудожественных образах хорошо сказал Гегель: «...характеры скорее подходят на грубые деревянные по своей прямолинейной абстракции, хотя и представляются крепкими и упругими по своей деятельности»³.

Из всех положительных героев один только садовод Арзу дан в лирическом и слегка комическом плане. В этом ключе и надо бы автору изображать положительные образы.

Богатство изобразительных средств при обрисовке отрицательных персонажей и ситуаций, в которые они попадают, контрастирует с бедностью художественных средств при изображении положительных героев. Если автор показывает, как Камекбай ночью ищет в степи дорогу, то чего тут только нет! Остроумие автора прямо-таки неистощимо. Он заставляет своего героя трепетать, дрожать, вопить истощенным голосом от страха, сражаться с «чудовищем», оказавшимся на поверку кучей старой бумаги. Посмеяться есть над

¹ Д. Аймурзаев. Прodelки Камекбая. стр. 59.

² Там же, стр. 191.

³ Гегель. Сочинения, т. 14, М., стр. 282.

чем. А теперь рассмотрим ситуацию, в которую попала одна из положительных героинь романа Раушан.

В книге есть глава с названием, обещающим романтическое приключение, — «Сабля, найденная в колоде». В голой степи во время поисков воды колхозники нашли старую ханскую саблю, и вот, возвращаясь в аул, Раушан захватила ее с собой, чтобы передать в музей. Машина в пути застряла и девушке пришлось в сумерках идти по степи одной. Тут надо заметить, что на протяжении всего романа Камекбай, настойчиво добываясь руки Раушан, плетет вокруг нее вместе со своими приятелями хитрые интриги, предпринимает разного рода авантюрные трюки, так что девушка в любую минуту может ожидать от него любой безрассудной выходки. Раушан идет по степи и несет саблю. Идет долго. И читатель ждет, что обязательно что-то произойдет. Ведь зачем-то понадобилась автору ханская сабля. Но ничего, решительно ничего не происходит. Оказалось, что сабля у автора выполнила всего лишь роль знаменитого ружья, которое так и не выстрелило.

А в итоге — те страницы, на которых развертываются увлекательные и смешные приключения отрицательных героев, будут зачитаны до дыр, а добрая половина книги, посвященная героям положительным, останется нетронутой.

Автор как-то боится приподнять образ или событие до степени подлинной романтики даже в тех случаях, когда описывает героические дела молодых колхозников, осваивающих Голую степь, а ведь героизм требует именно романтизации. У Аймурзаева, даже если герою грозит какая-нибудь серьезная опасность, все внешние обстоятельства настолько упрощены, что читатель ни на минуту не сомневается в благополучном исходе события. Раушан, например, спасая колхозное стадо во время наводнения, проваливается в болото и начинает тонуть. Происходит это на глазах у всех. И вытаскивают ее из болота всем колхозом.

Дело здесь, разумеется, не только в том, что при изображении положительных героев автор не сумел создать интересных ситуаций. Бедность этих образов обусловле-

на прежде всего необычайно узким, ограниченным обобщением характеров. В образах отрицательных персонажей обобщены, как мы уже заметили, самые разнообразные качества, а положительные герои обрисованы с одной стороны, даны вне многообразия больших и сложных человеческих мыслей и страстей. Идейное и эмоциональное содержание книги, таким образом, распределено крайне неравномерно, что нарушает ее стилевое единство и идейный замысел.

Богатое эмоциональное содержание — одно из самых главных качеств произведений преимущественно романтического стиля. Объясняя причины, из которых происходят «пороки современной литературы», Горький подчеркивал особое значение эмоциональности. Источник эмоциональности — истинное по содержанию и богатое по форме **мироощущение**, целый мир чувств, страстей, переживаний, которыми, как живой плотью, облекается мир идей. Без этого нет искусства.

Когда создается романтический по способу обобщения образ, логическое выделение тех или иных черт характера нам дает, в сущности, одну только безжизненную схему. Но стоит только художнику соединить процесс такого обобщения с насыщением его богатой эмоциональностью — лирической, комической, героической, трагической — оттенки эмоциональности безграничны — и происходит чудо. Образ, освещенный пафосом чувства, начинает сверкать всеми своими гранями, перед нами является подлинное произведение искусства.

В 1959 году вышли в свет в переводе на русский язык сразу три книги известного узбекского писателя Ибрагима Рахима: роман «Настоящая любовь», первая часть романа о колхозной жизни «Преданность» и маленькая повесть «Хилола», посвященная раскрытию некоторых чрезвычайно важных проблем современности.

Все эти произведения были встречены критикой сочувственно, но на долю «Хилолы» выпало особенно много похвал.

Успех «Хилолы» объясняется не только актуальностью ее содержания. Роман «Пре-

данность» тоже посвящен современности, но о нем говорили мало и без особенного энтузиазма. Чем же интересна «Хилола»? Когда говорят о содержании произведения, то часто имеют в виду главным образом **идейное содержание**. Но в произведении мы имеем еще **фактическое содержание**, факты, как таковые являющиеся равноправным предметом художественного изображения. Фактическое содержание связано с идейным содержанием, но оно имеет и относительно самостоятельное значение. И, наконец, в каждом произведении мы имеем **эмоциональное содержание**. Только рассмотрение содержания произведения во всех аспектах может приблизить нас к правильному его пониманию.

Основу фактического содержания повести «Хилола» составляют важные экономические проблемы хлопководческого колхоза и связанные с ними отношения между людьми. Здесь сам предмет исследования, казалось бы, требует строгого, с оттенком публицистического стиля повествования. Данная тема как бы оказывает сопротивление ее эстетическому освоению. Тут легче всего сбиться на схематизм в изображении действующих лиц, потому что они рассматриваются главным образом с одной стороны и притом — наиболее «прозаической». Но оказывается, для настоящего художника любая, даже самая «сухая» сторона действительности, может стать фактом поэзии. Богатство мироощущения писателя превращает его мысли в пафос; идея, насыщенная страстью, из области рассудочного мышления переходит в чувственный мир искусства.

Богатство эмоционального содержания «Хилолы» определяется в основном духовным складом характера Замана Аманова, от лица которого ведется повествование. При разборе повести больше всего обращалось внимания на образ Хилолы, но образ Замана Аманова имеет не меньшее значение, чем образ девушки-бухгалтера. И трудно сказать, кто из них является главным героем. Образ Аманова несет на себе основную идейно-эмоциональную нагрузку, Хилола — сюжетную. Хилола обрисована только с той стороны, которая необходима для раскрытия определенного содержания; Заман Аманов раскрыт со всех сторон как цельная, многосторонняя личность.

Аманов — это тип умного, расчетливого хозяйственника, для которого народное благосостояние стоит на первом плане. Он хо-

рошо руководит доверенным ему колхозом, но, действуя иногда по принципу: «своя рубашка ближе к телу», проявляет местнические тенденции. По мере того, как жизнь опровергает этот ложный принцип хозяйствования, меняется и председатель колхоза, он учится мыслить по-государственному.

Заман Аманов очень интересен как человек. Привычка беспрекословного подчинения голосу рассудка в нем причудливо сочетается с возникновением противоречивых мыслей и страстей, которые он умеет глушить в себе. Это внутреннее психологическое состояние составляет источник обаятельности образа, и в то же время оно постоянно рождает комический эффект. Бухгалтер Хилола много раз высказывает председателю горькие истины, от которых он неистовствует, приходит в ярость, но все это — где-то в глубине души. Состояние сильного душевного волнения не останавливает у Аманова работу мысли. И вот он уже понимает, на чьей стороне правда. И чувства умирены.

Аманов — подлинно национальный характер. Он соединяет в себе народную мудрость с гибкостью мышления, большую силу чувства с душевной мягкостью, проявляющуюся в самом строе его мышления и в своеобразной тактичности поведения, вежливости. Наиболее полное представление о характере Аманова дает его язык, образный, лаконичный, меткий, насыщенный афоризмами. «Вкус пищи зависит от соли. Приятность человека — от его речи», — говорит Аманов. Сам он и является таким приятным человеком. Встреча с ним доставляет радость.

Характер Замана Аманова как бы объединяет всех остальных героев повести, все факты, ситуации в цельную художественную систему образов. Особенность его мироощущения, особый склад ума, яркая народная речь являются ключом к созданию единой системы определенной эмоциональной тональности.

Все повествование в «Хилоле» окрашено юмором. Но объективный фактор, позволивший решить тему повести в такой тональности, обуславливается еще и характером основного противоречия в отношениях между героями произведения. Нововведения Хилолы натолкнулись на нежелание отдельных колхозников ломать старые привычки. Это и родило противоречие, но такое, которое по своей сущности находится

в сфере комического: польза проводимых Хилолой мероприятий для всех очевидна, но люди еще некоторое время упрямятся, даже негодуют, пока не дадут себе труда поразмыслить над этими мероприятиями. Противоречие это в сюжете не приводит ни к каким далеко идущим последствиям. Оно представляет из себя переходный момент от состояния пассивности к широкому разворачиванию инициативы колхозников. Следовательно, образно-эмоциональный строй повести обусловлен и тем, что в ней изображаются новые социалистические и, можно сказать, — рождающиеся коммунистические отношения между людьми, отношения, чуждые антагонизму, основанные на подлинной человеческой гуманности.

Часто в литературной критике судят о том или ином герое произведения романтического стиля как о самостоятельном характере. Для произведений конкретно-реалистических такой подход может быть вполне оправдан, потому что многосторонний реалистический характер уже сам по себе воплощает основное богатство содержания и формы. Романтический образ сложно вплетен в эмоциональную ткань произведения, и значение его не может быть понято вне этой органической связи.

Относительно образа Хилолы Верой Смирновой было высказано следующее мнение: «То, что делает этот новый колхозный бухгалтер, чрезвычайно интересно и государственно важно, но нет никакой творческой, политической, идейной и художественной необходимости, чтобы это была непременно женщина».¹ (Подчеркнуто мной. — Ю. М.)

Смирнова обеспокоена тем, что образ женщины, занимающей руководящий пост, в произведениях узбекских писателей настолько часто повторяется, что становится традиционным, своего рода схемой. Мысль верная, но было бы ошибкой распространять ее на все произведения, в которых женщина играет видную роль. В каждом конкретном случае нужен специальный анализ. Вера Смирнова совершенно права в том, что с политической точки зрения безразлично — мужчина бухгалтер или женщина. А вот со стороны художественной автор не так уж свободен в выборе, как это кажется критику.

Отдельный образ точно соотносен со всей образной системой произведения и его нельзя заменить никаким другим без того, чтобы не рухнуло художественное единство произведения. Представим себе на минуту, что в повести в роли бухгалтера действует не девушка, а мужчина. Осуществляя экономическую линию Хилолы, он пришел бы, естественно, к тому же самому противоречию с колхозниками, что и она, но конкретное проявление этого противоречия было бы совсем иным. Основной комический эффект повести заключается в том, что противники преобразований Хилолы, понимая разумом правильность ее линии, но в то же время в глубине души испытывая самое сильное негодование, не смеют дать выхода своим бурным чувствам: ведь перед ними девушка, чистая, правдивая, вежливая, с широко раскрытыми на мир глазами. Будь на месте Хилолы мужчина — с ним бы они не стали церемониться, но вместе с этим безвозвратно исчез бы легкий юмористический тон повествования, эмоциональное содержание получилось бы иным.

Один из колхозников, Фазылджан, говорит председателю колхоза о Хилоле: «Убери ты девчонку, лучше иметь мужчину бухгалтером, с ним, хоть, когда рассердишься, можно поругаться, отвести душу, а с девушкой грубо не поговоришь!»¹

Хилолу отличает строгость и четкость мышления, необычайная энергия, выдержка, хладнокровие — все это качества отличного работника. Но есть в Хилоле и особые, только ей одной присущие черты. Смелые мысли свои она выражает с таким непосредственным простодушием, можно даже сказать наивностью, которые сразу же обезоруживают ее противников. Мысли и чувства героини, чистые и прозрачные, как родник, апеллируют ко всему лучшему в людях, она как бы заранее убеждена, что перед ней только хорошие люди, которые ее обязательно поймут и поддержат.

Эти качества характера Хилолы как нельзя лучше отвечают задаче автора — показать жизнь со стороны ее ведущих тенденций, внимательно рассмотреть процесс рождения совершенно новых, невиданных никогда в истории отношений между людьми.

Художественные недостатки романа «Настоящая любовь», а в равной степени и романа «Преданность», отмеченные уже

¹ «Литературная газета», 19 февраля 1959. Вера Смирнова. Любимый образ узбекской прозы.

¹ Ибрагим Рахим. Хилола, стр. 14.

критикой, отражают особенности определенного этапа в творчестве Ибрагима Рахима. Повесть «Хилола» и большой рассказ «Огнероб», который по богатству содержания да и объему может быть приравнен к повести, означают новый этап роста творческой зрелости художника.

«Огнероб» — это рассказ-песня о трудной судьбе человека, который теряет родных, но не становится сиротой; это рассказ-эпопея о том, как рождалось великое открытие в Газли. Небольшое произведение это очень синтетично по содержанию. Лиризм в изображении природы и отношений между людьми здесь сочетается с углубленной психологической характеристикой героев.

Образный, эмоциональный строй этого рассказа, как и в повести «Хилола», определяется в первую очередь мироощущением главного героя, от лица которого ведется повествование. Характеры остальных действующих лиц соотнесены со всей образной системой произведения.

Главное внимание Ибрагим Рахим обращает на положительные качества людей. Он пытливо вглядывается в человека и старается отыскать в нем хорошее, светлое. Отрицательные персонажи тоже получают особую трактовку. Суннат Султанов, «любитель жизни веселой и шумной», — консерватор, но он отнюдь не прямолинеен в своих отрицательных качествах. Султанов способен даже самостоятельно осознать свою ошибку и приложить к ее исправлению какие-то усилия, но малодушие при столкновении с трудностями в конечном итоге опять уводит его с правильного пути.

В повести «Хилола» отрицательных персонажей нет вообще. В «Огнеробе» их роль сильно ограничена. Резко отрицательный образ ишана, например, по самой своей сущности благоприятен для развертывания сложной интриги, но автора не соблазняет этот легкий путь организации действия. Сложная интрига неизбежно родила бы содержание, чуждое основной идейно-эмоциональной направленности произведения — показу пафоса борьбы за созидание нового. Поэтому образу ишана, как и другим отрицательным персонажам, отводится в рассказе строго определенное место.

Зато дается полный простор выражению мыслей и переживаний Танилди, афористической мудрости старика-чабана, полной юмора философии Кузубая Ахматова и самораскрытие других положительных героев,

которые трудятся над осуществлением заветной мечты: повести газ, «как невесту из Бухары в Россию».

* * *

Обращая внимание на те или иные стороны действительности и характеров своих героев, писатель руководствуется критерием их значимости для основного, идейно-художественного содержания произведения. Но эстетическая ценность этого содержания определяется в первую очередь степенью важности его для современности, актуальностью. Здесь мы видим объективно данную необходимость, которая в значительной мере определяет направление отбора материала автором, а также — направление самого обобщения. Кажущаяся возможность неограниченного и произвольного обобщения, ничем не сдержанного полета фантазии заменяется убеждением в том, что фантазия и художественный вымысел в настоящем произведении искусства определяются причинными связями и соотносятся с таким идейным содержанием, цель которого — отобразить современность. Особенно большое значение это имеет в произведениях романтического стиля на исторические и историко-революционные темы.

Успех одного из самых замечательных произведений узбекской литературы последнего времени, романа Аскада Мухтара «Сестры», во многом объясняется тем, что оно наполнено пафосом современности, актуально в самом лучшем смысле этого слова.

Одна из особенностей художественного стиля этого произведения — романтизация положительных героев. Причем, реализм и героическая романтика здесь слиты воедино. Точная историческая перспектива, подробности быта и, наконец, самое главное — характеры основных действующих лиц — написаны с многочисленными реалистическими подробностями. Герои романа Джурахон, Анахон, Эргаш Султанов, Башорат, Турсунуй, Ризвон, Ефим, Доброхотов и многие другие — все они живые люди, имеющие индивидуальный облик, свой характер, биографию, собственную логику поведения.

Сосредоточивая внимание на раскрытии главной темы — изображении процесса освобождения женщин от засилья старого гнета, показывая борьбу трудящихся за построение основ социалистического об-

щества, автор, естественно, подчеркивает героическую сторону в характерах своих персонажей, и таким образом происходит их романтизация. Но это и делает произведение на историко-революционную тему подлинно актуальным. Повествуя о людях двадцатых годов, автор одновременно раскрывает ведущие черты характеров современников: преданность делу Коммунистической партии, самоотверженность и героизм в труде и борьбе с врагами, коллективизм как новую, подлинно гуманистическую форму отношений между людьми.

Большое место в романе уделяется изображению борьбы с врагами. Причем, автор выдвигает на первый план самые острые формы классовой борьбы. Героям романа приходится иметь дело с иностранным разведчиком-террористом, с убийцами из-за угла, вредителями, с людьми, занимающимися идеологической диверсией, и им подобными.

Автора нельзя упрекнуть в отступлении от фактов исторической действительности. В романе много покушений. Но известно, что только в 1928 году в республике было зарегистрировано 226 убийств и почти столько же случаев за первое полугодие 1929 года.¹ Организацией вредительства в романе занимается английский шпион. Но история «шахтинского дела» и масса других фактов свидетельствует о контакте вредителей с заграничной и с иностранной разведкой. В 1928 году в Узбекистане развернула диверсионную деятельность вредительская группа «Союз горнопромышленников». Таким образом, со стороны соответствия фактам истории в романе все в основном обстоит благополучно.

Как же обрисованы отрицательные персонажи с точки зрения художественной? «Нефман» Кудратулла и его сын Нусратулла, Костлявый Махсум и учитель Наими — все они яркие художественные образы, нарисованные рукой мастера. Аскад Мухтар дает эти образы в остро сатирическом плане. Художник едко издевается над последними представителями гибнущего строя эксплуататоров при изображении их внутренней, духовной агонии, но его сатира достигает силы беспощадного обличения, когда он рассказывает о том, как враги переходят к активным действиям.

Самый общий итог раскрытия образов отрицательных персонажей — это чувство жгучей ненависти и презрения к кучке отщепенцев, которые в свое время стояли на пути народа. Итог этот, сам по себе важный, не может, однако, вызвать чувства полного удовлетворения.

Отмечая бесспорные успехи художника, нельзя пройти мимо тех возможностей, которые остались неиспользованными. Роман «Сестры» мог бы стать еще более современным и актуальным, если бы автор наделил некоторых из отрицательных персонажей такими качествами, которые и поныне дают о себе знать в действиях людей — носителей пережитков прошлого.

Процесс все более полного освобождения женщин-узбечек от отживших свой век национальных традиций продолжается. В настоящее время еще встречаются факты пренебрежительного отношения к женщине со стороны отдельных самодуров. Особенно много пережитков прошлого сохранилось в быту. Но тем важнее является задача изображения этих безобразных явлений в произведениях не только на современные, но и на исторические темы. Изображая недавнее прошлое, писатель получает возможность подробно, как под увеличительным стеклом, рассмотреть те явления, которые и в настоящее время дают о себе знать, хотя занимают неизмеримо меньшее место в жизни. Изображение прошлого может стать ценным для настоящего только в том случае, если оно помогает лучше понять не только успехи, но и недостатки современной действительности.

Некоторые персонажи романа «Сестры» интересны как представители классов, переставших существовать на территории нашей страны, но в их образах слабо отражены те черты, которые сохраняют свое значение и в настоящее время в виде пережитков прошлого. Получилось это потому, что автор, создавая образы отрицательных персонажей, не придал должного значения логике их собственного поведения. Активный бой дает положительным героям только английский шпион Чаееторговец. «Нефман» Кудратулла очень быстро выходит из действия, сын его, Нусратулла, не является сознательным врагом, он — слепое орудие Чаееторговца; учитель Наими — довольно жалкая фигура, он тоже всецело находится во

¹ «История Узбекской ССР», т. 2. Т. 1957, стр. 265.

власти шпиона. Создается впечатление, будто единственная самостоятельная сила, выступающая против социалистических преобразований и раскрепощения женщин, — это иностранная разведка в лице Чаефторговца, а все остальные отрицательные персонажи романа представляют из себя жалкое отребье, не имеющее собственной определенной позиции в борьбе и опасное лишь в руках иностранного разведчика. Умаление у отрицательных персонажей логики их собственного поведения наложило отпечаток и на сюжет романа, видное место в котором стала играть интрига. Этот художественный недостаток прямо указывает на его источник — недостаточный учет проблем современности при создании образов отрицательных героев.

В этом же аспекте очень интересен роман Хамида Гуляма «Светоч». Если сложное эмоциональное звучание в «Сестрах» характеризуется сочетанием возвышенного пафоса романтики с объективно-реалистическим повествованием, в которое временами врываются юмор и сатира, то преимущественным эмоциональным тоном «Светоча» является взволнованная, полная искреннего чувства лирика. Превосходный поэтический язык, многочисленные красочные описания природы, насыщенность повествования песенной лексикой — все это создает неповторимое своеобразие этого произведения. Действующие лица романа — яркие цельные личности, которыми владеют сильные страсти. Таковы, например, Батырали и Эзасхон, Камчи и Кумри, Ляйли и Буранбек. Сильным характерам соответствует и сюжет, исполненный драматизма и движения.

Большое место в романе занимают события, связанные с фактом трагической гибели Батырали. Переживания родных и близких Батырали, его многочисленных друзей — крестьян-бедняков, за счастье которых он, коммунист, отдал свою жизнь, описываются очень подробно и художественно. С огромной силой утверждает автор идею ценности жизни настоящего человека, человека с большой буквы. Эта идея раскрывает самую глубину социалистического гуманизма, она необычайно актуальна для современности.

Как на художественную неудачу писателя указывалось на то, что Батырали погибает где-то в середине описываемых событий. Со страниц книги ушел герой, которого читатель не успел как следует

узнать. Но нельзя не учитывать, во-первых, того, что, раскрывая характер отношения простых людей к гибели своего любимца, автор немало сказал нам о герою, а, во-вторых, надо учитывать и чисто сюжетное значение факта гибели героя не в конце, а в середине книги.

Смерть Батырали автор использовал как ситуацию, позволившую ему с особой отчетливостью осветить такие качественные особенности отношений между людьми, значение которых становится тем существеннее, чем ближе наш народ подходит к коммунизму. Это такие качества, как солидарность в общей борьбе, бескорыстная помощь друг другу, единство переживаний, сердечность, подлинная человеческая дружба. Сосредоточение внимания на лучших качествах национального характера народа эстетически ценно и одновременно актуально.

Но к факту гибели Батырали сюжетно подключена еще одна линия — поиски и разоблачение врагов. Эта сюжетная линия, занимающая очень большое место в романе, имеет многие четко выраженные признаки детектива, она вводит новое содержание, но несколько уведит автора в сторону от осуществления более трудной задачи — глубокого изображения характеров.

В романе есть очень интересный образ Мавляна, человека исключительно трудолюбивого, честного и духовно щедрого. Главная черта Мавляна — это оптимизм его мироощущения, проявляющийся и в отношении к природе, которую он поэтизирует, и во взаимоотношениях с людьми. Мавлян — личность цельная, лишенная каких бы то ни было внутренних противоречий. Он — крестьянин-средняк, но вопрос об отношении его к Советской власти давно решен и решен положительно. К сожалению, этот интересный характер не раскрыт в романе во всей полноте, хотя в ходе повествования и появляется ситуация, способствующая всеобщему его раскрытию.

Воплощение в произведениях о прошлом содержания, которое было бы актуальным для современности, — дело очень трудное, требующее от писателя не только высокого художественного мастерства, но и подчас — дерзания, иногда — смелой ломки отживших литературных традиций.

Повесть П. Нилина «Жестокость» в первое время после ее появления вызвала недоумение и даже разочарование некоторых критиков. Понадобилось некоторое время для того, чтобы это замечательное произведение было оценено по достоинству.

Слияние конкретно-реалистического и романтического стилей при обобщении характеров действующих лиц часто затрудняет четкое определение жанрово-стилевой специфики произведения, а это обуславливает неправильное применение эстетических критериев. Повесть заставила задуматься. В ней рассказывается о борьбе с бандитизмом в первые годы Советской власти. Бандитизм, как известно, ассоциируется с бесчеловеческой жестокостью. Но не о жестокости бандитов повествует автор. В повести только мимоходом упомянут потрясающий факт зверства бандитов: дулаки распяли на кресте девушку-учительницу.

Основная тема повести — обличение бессмысленной жестокости псевдореволюционеров типа Узелкова, деятельность которых являлась отступлением от важнейшего принципа пролетарской революции — социалистического гуманизма.

Яков Узелков, начальник местного уголовного розыска, не типичен как деятель революции. Автор подчеркивает его исключительность. Бродячий актер в прошлом, человек, лишенный положительных моральных устоев, он только в результате какой-то нелепой случайности оказался на важном руководящем посту, стал вершителем судеб людей. Главное для Узелкова — благополучие его собственной карьеры. Ему не понять Вениамина Малышева, который, не задумываясь уничтожает врага, когда этого требует обстановка, но при иных обстоятельствах, действуя методами коммуниста-агитатора, превращает бывшего врага в союзника.

Узелков исключителен. Но и основная трагическая коллизия повести тоже не является типичной для того времени. В годы предельно острой классовой борьбы трагическую коллизию рождала жестокость врага. Зверства, учиняемые бандитами, вызывали у коммунистов и комсомольцев, всех, кто боролся на нашей стороне, лишь чувство смертельной ненависти к врагу, и, конечно, жестокость в его подавлении ничего не составляла по сравнению с жестокостью бандитов, распинавших на

кресте девушку. Следовательно, в повести Нилина мы видим не только исключительные для того времени характеры, но и исключительные обстоятельства. Жестокость здесь — следствие не типических, а исключительных обстоятельств, результат действий не типичных деятелей социалистической революции, а случайных, псевдореволюционеров, примазавшихся к великому движению.

А поэтому нельзя о повести Нилина судить на основании художественных критериев конкретно-реалистического стиля. Основная идея повести — не естественный результат художественного исследования типических характеров и обстоятельств, она сама обусловила выбор именно этих, исключительных характеров и обстоятельств. П. Нилин с удивительной силой выразил всю бессмысленность жестокости псевдореволюционеров как следствие отступления от принципов социалистического гуманизма, и идейное содержание его произведения оказалось исключительно важным и актуальным для глубокого уяснения истоков жестокости, которая возникла как одно из следствий культа личности.

Исключительные обстоятельства в самой жизни могут иметь своим следствием страшную трагедию. Художник сосредоточивает свое внимание на этих обстоятельствах, чтобы не было трагедии в будущем. Своей замечательной повестью П. Нилин лишний раз доказывает, что даже самые глупие проблемы современности могут быть убедительно выражены в повествовании о событиях, принадлежащих истории, без модернизации ее.

Значительное количество произведений, созданных за последние годы, в том числе те, на которых мы остановились, свидетельствуют о многообразии стилевых и жанровых оттенков, о богатстве творческих индивидуальностей их авторов.

Множество индивидуальных стилей заставляет обратить пристальное внимание на особенное и конкретное в проявлении общих закономерностей искусства.

В произведениях преимущественно романтического стиля главную роль играет идейно-эмоциональное содержание, являющееся исходным, данным как прямая цель, и обусловленный этим содержанием специфический способ обобщения при создании характеров действующих лиц.

При рассмотрении таких произведений

следует учитывать не только исходное идейно-эмоциональное содержание, но и объективную логику действительности, находящую свое воплощение в конкретных образах.

Характеры героев произведений романтического стиля могут быть правильно поняты лишь в контексте всей образно-эмоциональной ткани произведения, в причинно-следственных связях и сцеплениях

со всеми многочисленными компонентами художественного содержания и формы. А основное качество содержания — это постановка и смелое решение актуальных проблем современности. В зависимости от того, как писатель справляется с художественным осуществлением этой задачи, мы можем судить о степени его политической и творческой зрелости.

ЛУТФИ И МАШРАБ ДЛЯ РУССКОГО ЧИТАТЕЛЯ

Поэзия двух классиков узбекской литературы — Лутфи и Машраба — стала достоянием и русского читателя¹.

Узбекская литература имеет богатую многовековую историю. С незапамятных времен духовная жизнь узбекского народа получала свое выражение в устном народном творчестве. Письменная литература узбеков возникла позднее, но и она ведет свое начало с седой древности.

Однако многие древнейшие литературные произведения на языках тюркских народов не сохранились и не дошли до нас, о них имеются лишь косвенные упоминания в некоторых памятниках. Те же из самых древних книг, которые, прорвав толщу веков, счастливо дошли до наших дней, относятся к XI веку.

В узбекской литературе прошлых эпох наряду с произведениями религиозно-мистического и дидактического характера создавались произведения и светского направления. В противоположность реакционной мистической литературе светская литература, которая была прогрессивным явлением эпохи, поднимала важные проблемы общественного развития. В этих произведениях воспевались земные человеческие чувства.

Одним из представителей светской литературы был Лутфи (1366/67 — 1462/63 гг.). Он вступил в литературу несколько ранее Алишера Навои. Оба они по праву считаются основоположниками классической узбекской литературы. Великий Навои глубоко чтит Лутфи, считал его своим учителем и

называл «владыкой слова своего времени».

Лирике Лутфи свойственно глубокое содержание, совершенство языка и поэтической техники; его газели были очень популярны в народе. Но наибольшую известность принесла Лутфи его поэма «Гуль и Навруз».

Эта поэма о двух любящих сердцах. У царя государства Навшад не было сына. Но вот под Новый год родился, наконец, долгожданный сын, которого нарекли Наврузом, что значит «Новый год». В описании Лутфи юноша Навруз — это совершенство. Царевич видит во сне свой идеал красоты и влюбляется. Но Гуль существует не только во сне, но и наяву: это бесподобная царевна в стране Фархар. Она отвечает взаимностью Наврузу, когда он, наконец, находит ее. Но «судьба для козней не жалела сил», и влюбленным предстоит пережить много злоключений и преодолеть различные препятствия, пока они не соединятся навсегда.

Это произведение, написанное в средневековье, поражает изображением жизни в ее сложном многообразии и глубоким раскрытием внутреннего мира героев. Путь любви, оказывается, не легок и не прост. Поэт правдиво показывает, например, что влюбленные не сразу находят сочувствие даже среди своих близких. Лутфи, в противовес господствовавшей в его эпоху мистической литературе, прославляет в своей поэме естественное, всепобеждающее чувство — любовь.

Любовь мудрейших поступков
мудрей:
Возвышенными делает людей.

¹ Лутфи, «Гуль и Навруз». Гослитиздат УзССР, Ташкент, 1959, 108 стр.
Машраб. Избранное. Гослитиздат УзССР, Ташкент, 1959, 100 стр.

Во многом следуя традициям древних поэма-дастанов, Лутфи при описании событий и чувств использует романтические преувеличения, например:

Глаза царевич поднял — и в смятенье
Увидел: стало явью сновиденье!
Такой издал он вопль и вздох, и
стон.

Что вздрогнули земля и небосклон.

Впервые увидев друг друга, влюбленные падают без чувств. Гуль так выражает свою любовь к Наврузу:

С тобою ад блажен, как сад
господний,
Рай без тебя ужасней преисподней!

Когда в пустыне на караван нападают львы, Гуль сама убивает их, «двух или трех сразив одной стрелой».

Идея произведения шире изображенной в ней истории любви Гуль и Навруза. Поэма заканчивается объединением под властью Навруза четырех государств — Навшада, Фархара, а также Адена и Йемена:

Простер он власть на запад и восток,
Событий упорядочил поток.

Таким образом, подобно автору величественного памятника древней русской литературы «Слово о полку Игореве», Лутфи выдвигает идею централизованного государства, в котором не должно быть места для феодальных, междоусобных войн.

На русский язык поэма «Гуль и Навруз» переведена известным мастером поэтического перевода с восточных языков Семеном Липкиным. Воссоздавая художественную ткань оригинала, переводчик бережно сохраняет восточную образность. Вот, например, какие сравнения используются при описании красоты Гуль:

Красней зари огонь ее ланит,
А лик сияющий луну затмит.

Значение творчества Лутфи в истории узбекской литературы заключается в том, что он, воспевая земные радости и любовь, одним из первых сделал попытку выйти за рамки религиозной, мистической поэзии.

Отступим от эпохи Лутфи на три столетия ближе, — и мы увидим другое яркое светило узбекской поэзии — прославленного Машраба (1657—1711 гг.). Поэт-вольнодумец Бабарахим Машраб, по прозвищу «Девона», что значит «одержимый, безумный», был не в ладах с мусульманским духовенством. Он выступил против основных законов шариата и не подчинялся им. Поэт жил в нужде и подвергался преследованиям. Он вынужден был вести скитальческую жизнь и исходил пешком всю Среднюю Азию и Ближний Восток. В годы странствований поэта и было написано большинство его сти-

хов, дошедших до нас в сборнике «Девони Машраб».

Почти во всех своих газелях, мухамасах, мустазадах и других стихотворных формах Машраб воспевает любовь. Из стихотворения в стихотворение он варьирует любовную тему. Поэт восторженно говорит о своей возлюбленной:

О, если б родинку твою и шелковую
прядь
Не видел я — мне б не пришлось
в огне любви сгорать!

Без любви Машраб не мыслил жизни:

Что мне без луноликой мирозданье?!
Бесплодная равнина, звук пустой!

Для него нет ничего на свете ценнее любви, но как часто его любовь безответна!..

Взгляни, подруга, на Машраба,
развей печаль его.
Спроси, какая в жизни радость ему
милей всего, —

Он скажет: голову к любимой на
грудь склонить хочу.

Через многие стихотворения проходит образ влюбленного, ставшего «безумным, как Меджнун». Он верен своей любви до конца:

Ударь хоть сорок тысяч бедствий —
он будет с милой встречи ждать.
Оставь без глаз — все так же будет
желать любви слепец Машраб.

Прославляя любовь, поэт ни во что не ставит религию:

Одна лишь ночь с тобой в беседе,
один твой взгляд — и я готов
И веру, и обитель веры разбить
на тысячу кусков!

Странствующий дервиш, «еретик» Машраб не верит догмам мусульманской религии:

В пути я падал не однажды, был
труден каждый перевал,
Но я не внял словам брамина,
у шейхов правды не искал.

В мрачную эпоху средневековья, когда любое вольнодумство жестоко наказывалось, Машраб бесстрашно вольнодумен:

Надев зуннор, отрекся я от веры.
Не мусульманин, не христианин,
Погиб я, в ересь впал из-за тебя я.
Вот ты к чему Машраба привела!

Конечно, нельзя утверждать, что Машраб не верил в бога. Он выступает лишь против всяких посредников между богом и человеком. В своих стихах поэт разоблачает и сурово осуждает слугителей религии:

К муллам не обращусь в сомнение.

Какого ни возьму муллу —
Любой из них разврата, чванства
и скудоумья образец.

Свою любовь Машраб ставит выше
сильных мира сего:

Все шахи в мире, все султаны
ничтожны пред тобой, вернись!

Горечь от неразделенной любви пе-
реходит у поэта в возмущение суще-
ствующим порядком, в протест против
социального строя:

Всю жизнь ищу свиданья с милой.
Вельможи-псы грызут меня.
Неужто нам терпеть их вечно —
собак без чести и стыда?!

Страстно протестуя против социаль-
ной несправедливости, поэт стремится
укрыться в мире любви:

В жестоком океане жизни
одна жемчужина — любовь.

Машраб начинает искать забвенья в
вине:

Всех откровений для меня ценней
кувшин с вином.
Ханжа! Молитва — для тебя, а мне —
вина струя.
Пью одиночества вино,
душа моя пьяна!
В петле закончить жизнь свою, —
видать, судьба моя.
Безумства ради небеса и землю
я отверг.
Об этом громкая молва летит
во все края.

С какой прозорливостью поэт гово-
рил о своей судьбе! Жестокий правитель
города Балха и реакционное мусульман-
ское духовенство решили расправиться
с Машрабом-вольгодумцем, и 54-летний
поэт был казнен на виселице...

Стихи Машраба, вошедшие в рецен-
зируемый сборник, переведены на рус-
ский язык опытным переводчиком уз-
бекской поэзии Владимиром Липко. Чи-
татели, наслаждаясь поэзией Машраба,
во многом должны быть благодарны
переводчику за труд, потребовавший
большого творческого напряжения. Ему
удается, как и С. Липкину, донести до
русского читателя восточную образность
и красноречие узбекского поэта:

Я жажду пить вино из кубка
рубиноцветных губ твоих.
Но дом питейный заперт. Горько
у замкнутых дверей я плачу!..

Переводчик мастерски воссоздает
сложную стихотворную форму оригина-
ла, например, особенности рифмовки:

Отчизну создал я газелям
в пустынях сердца моего.
Газели скорби и печали
в пустынях сердца моего...
Машраб, ты сам, готовясь к смерти,
сшил саван из одежд любви.
И снова расцветут едва ли
пустыни сердца твоего.

Везде сохранена такая особенность
узбекского национального стиха, как
редиф: строки оканчиваются одинако-
выми выражениями, а слова, стоящие
перед ними, — рифмуются.

Машраб занимает одно из почетных
мест не только в истории узбекской ли-
тературы, но и в поэзии Востока вооб-
ще. Он широко известен среди таджи-
ков, казахов, уйгур, татар и др. В
лирике Машраба в какой-то мере полу-
чили отражение гнев и скорбь народа,
угнетенного феодальным строем. Многие
стихи поэта стали народными песнями.

Одно время в литературоведении бы-
товало неправильное мнение о якобы
мистическом характере всего творчества
Машраба. Советские литературоведы
дали решительный отпор таким утверж-
дениям. Стихи Машраба характеризую-
тся прежде всего искренней любовью
к земной, настоящей жизни. Но так как
творчество поэта отражало и противоре-
чивые взгляды эпохи, то в его стихах
иногда мы встречаем отдельные элемен-
ты мистицизма, которые порой проявля-
лись и в светской литературе той эпохи.

Произведения двух древних узбек-
ских поэтов, сохранившие на протяже-
нии веков всю свою поэтическую силу,
и ныне с интересом читаются и пере-
читываются любителями поэзии. Бла-
годаря переводам на русский язык они
стали достоянием еще более широкого
круга читателей.

М. Расули

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

«Иногда человеку кажется, что вой-
на не оставляет на нем неизгладимых
следов, но если он действительно чело-
век, то это ему только кажется».

Эти слова из нового романа Кон-
стантина Симонова¹ находят живейший

¹ К. Симонов. Живые и мертвые.
ГИХЛ УзССР, Ташкент, 1960.

отклик в сердцах советских людей.
Ведь война для советского народа и
писателя — бедствие, тяжкая необхо-
димость, ее можно переносить, но при-
выкнуть к ней невозможно. Вот почему
советский военный роман не имеет
ничего общего с литературой поджига-
телей войны и в то же время противо-
стоит буржуазно-пацифистской литера-

туре, внушающей ужас перед всякой войной.

Не смягчая ужасов кровопролития, советский военный роман показывает осведомительную народную войну как источник вдохновения на великие исторические подвиги, он проникнут светлой верой в победу правого дела.

Эти плодотворные традиции продолжают и развивают военные романы К. Симонова.

Талант Симонова многогранен. Поэт, прозаик, публицист, драматург, он дал яркие, живые картины современности. Почти каждое новое произведение Симонова — заметное явление в нашей литературе. Заслуженную известность получил и его последний роман «Живые и мертвые», явившийся своеобразным продолжением «Товарищей по оружию».

В романе «Живые и мертвые» повествуется о первых месяцах Великой Отечественной войны, когда, собрав в единый кулак все ударные силы фашизма и поставив себе на службу промышленность всей Западной Европы, немцы стремительно наступали на восток.

«Первый день войны застал семью Синцовых врасплох, как и миллионы других семей».

Этими словами автор не только сразу вводит нас в действие, но и устанавливает прямую связь с романом «Товарищи по оружию».

Среди множества книг об этой драматичной поре нашей истории роман Симонова выделяется особой, суровой правдивостью повествования. Ничего не замалчивая, ничего не смягчая и не лакируя, он рисует войну такой, какой она была в действительности.

Правдивое, неприкрашенное описание наших потерь сочетается в романе с изображением мужества советских людей, «которому нет названия». Симонов пишет о стойкости и бесстрашии этих людей и «о возникавших в их головах страшных вопросах: почему так вышло и кто в этом виноват?»

В романе «Живые и мертвые» продолжена проблема, поставленная еще в «Товарищах по оружию», — проблема побед и потерь. Потери делаются на «неизбежные» — на те, без которых нельзя было обойтись, и на те, которые были понесены в результате плохой организации. С исключительной, потрясающей силой показано это в сцене боя между немцами «мессершмиттами» и нашими бомбардировщиками, которых генерал-лейтенант Козырев не обеспечил прикрывающими истребителями. «Маленькие, быстрые, как ось», мессершмитты безнаказанно расправляются с громадными, медленными, беспомощными без прикрытия бомбардировщиками. Один за другим поджигают их «мессершмитты», а они? «Что они могли сделать, — говорит

Симонов, — кроме того, чтобы вот так тянуть и тянуть над лесом на своей безысходно малой скорости, надеясь только на одно — что враг вдруг зарвется, не рассчитает и сам сунется под их хвостовые пулеметы».

Но даже в те страшные дни не было у советских людей чувства обреченности. Они знали, что так не может долго продолжаться, и когда толпы беженцев двинулись на восток, с востока навстречу «шли молодые парни в гражданском... — шли мобилизованные, спешившие добраться до своих заранее назначенных призывных пунктов, не желавшие, чтобы их сочли дезертирами, шли на смерть, навстречу немцам. Их вели вперед вера и долг». Одни из них умирали под бомбежками на дорогах, другие попадали в плен, «не добравшись до своих призывных пунктов», и это «было одной из самых мрачных трагедий тех дней». Но оставшиеся в живых не останавливались. Неимоверная тяжесть первых дней войны не смогла раздавить души советских людей — и это было важнее всего. Были, конечно, и паникеры, и отчаявшиеся, но и в разгар немецкого наступления советские люди верили в победу, верили вопреки тому, что происходило. С небывалой силой сплотились они вокруг Коммунистической партии. Весь мир увидел, что советские люди не мыслят себя вне социалистического строя и готовы умереть, защищая его. Именно это великое единение и опрокинуло все планы гитлеровского вермахта и все предвидения военных теоретиков Запада.

В самые тяжелые минуты Ленинский Мавзолей выступает как символ непобедимости Москвы. Ведь нельзя было представить, говорит Симонов, что на Красной площади у Мавзолея могут быть фашисты со свастикой на рукавах. «Представить себе это было невозможно» и поэтому «этого не могло быть здесь».

Очень хорошо показано огромное значение Ноябрьского парада на Красной площади. В этом параде «было первое за войну осозаемое предчувствие еще неимоверно далекой победы».

События в романе развиваются в хронологической последовательности. Постепенно, несмотря на продолжающийся перевес, немцам приходится платить все дороже и дороже за каждый взятый километр. Изменяется и внутреннее состояние людей, у которых постепенно возникает «самочувствие пружины, которую со страшной силой жмут дотказа, но как бы ее ни давили, дойдя почти до упора, она все равно сохраняет в себе способность распрямиться».

В этом романе о войне мы встречаем раздумья писателя о жизни, о любви.

Для советских людей жизнь немисляема без победы. Это с предельной

четкостью выражено в словах генерала Серпилина: «Я согласен жить только на определенных условиях... А именно на таких, чтобы мы победили немцев! А какая может быть без этого жизнь? В темноте, в страхе, молча, на одном аршине? Так я на нее не согласен!»

Так же требовательны герои Симонова и в любви. Для них любовь и взаимное понимание неразрывны, и сам автор, подчеркивая это, говорит: если «понимание друг друга еще не вся любовь, то такая важная часть ее, с годами делающаяся все важнее и важнее, что чувство, в котором не присутствует это понимание, вообще вернее было бы назвать не любовью, а как-нибудь иначе».

Очень важное место в романе занимает тема доверия. Всем ходом действия и в отступлениях автор призывает верить человеку. Даже в условиях фронта бдительность не должна превращаться в подозрительность, убивающую веру в людей. Вот почему батальонный комиссар Шмаков так болезненно переживает, узнав, что прорвавшаяся из окружения к своим серпилинская группа должна перед отправкой в тыл сдать все трофейное оружие. И самому осуществляющему приказ пограничнику Данилову тоже не по себе при выполнении этого задания. Мысленно ставя себя на место Шмакова, он думает: «Одно дело, когда выходят в одиночку, вдвоем, втроем, без формы, без документов, — другое дело, когда прорывается целая воинская часть с оружием в руках, с документами, со знаками различий».

И дорого пришлось заплатить за это недоверие, когда все эти на три четверти безоружные люди встретились с прорвавшимся через наши тылы головным отрядом немецких танков. «Не дай бог, — говорит автор, — никому в последние минуты перед смертью видеть то, что увидел Данилов, и думать о том, о чем он думал. Он видел метавшихся по дороге, расстреливаемых в упор немцами безоружных, им, Даниловым, разоруженных людей... Его честное и храброе сердце разрывало такое нестерпимое горе, по сравнению с которым сама смерть была проста и нестрашна. И он принял ее, эту смерть, без страха в душе».

По захватывающей силе изложения, по скорбной патетике эта сцена — одна из лучших в романе.

К волнующей его теме доверия Симонов обращается не раз. Вспомним отношения между вышедшим из окружения Синцовым и политруком Люсиным, возвращавшимся с передовой к себе в московскую редакцию. Все пережитое в прошлом, казалось, прочно сблизило их, и встреча с Люсиным для потерявшего документы Синцова была подарком судьбы. И ему «показалось бы странным всякое намерение, кроме на-

мерения ехать в собственную редакцию вместе с этим свалившимся с неба Люсиным».

Но Люсин, узнав, что Синцов без документов, высадил его из машины посреди дороги.

Много страшных испытаний было у Синцова, но «никогда еще в его жизни не рушилось за одну минуту столько надежд». Интересно отметить, что поступок Люсина не является неожиданностью для читателя. Тонко подобранными штрихами Симонов еще при первом знакомстве с Люсиным вызывает у читателя какую-то настороженность. Эта настороженность возникает, когда у стройного, braveго красавца Люсина вдруг появляется «визгливый» голос и «оскалившееся» лицо, когда он доказывает, что его, как работника редакции, не могут оставить в действующей боевой группе.

Образ журналиста Синцова написан автором с особой теплотой. Синцов стал кадровым военным не по призванию, а потому что «в воздухе пахло войной, и он считал, что коммунисты в таких случаях не отказываются служить в армии».

Мучительные раздумья овладевают им с первых дней войны, он не понимает, «как это могло произойти?» Все что он видел, казалось, говорило о безнадёжности, «но душа его не могла смириться с этим... вера его души была сильнее всех очевидностей» и он, как и миллионы других военных и невоенных людей, не мог бы пережить тех дней без этой веры.

Полтора года служил Синцов в военной газете, но настоящим военным он начал становиться лишь на фронте, командуя другими людьми. И если он и делал ошибки, то не из трусости или недостатка человечности, а только по неопытности. Синцов добровольно остается в полку Серпилина, которому угрожает окружение. «Я коммунист, политрук по званию, — говорит он, — и я прошу вас оставить меня здесь. Что будет с вами, то будет и со мной. Будем живы — напишу все как было, а обузой вам я не стану, надо будет — умру не хуже других». И в этих простых, бесхитростных словах вся его честная, прямая, благородная натура. Он вынес три месяца окружения, раненый бежал из плена и попал, наконец, в Москву без документов.

Испытав всю тяжесть недоверия, доведенный до изнеможения всевозможными злоключениями, он все же добивается своей цели — его посылают в коммунистический батальон рядовым бойцом-пулеметчиком. И там, за выдающуюся храбрость и самоотверженность его, человека без документов, награждают орденом Красной Звезды, присваивают звание старшего сержанта и поднимают вопрос о восстановлении в партии. Синцов выступает в романе как

подлинный герой. В то же время в нем нет ничего парадного. Ему не чужды и человеческие слабости. Так, прекрасный товарищ, он, как и многие другие, в день затишья радуется, «что сегодня немцы жмут не на них, а на соседей»; и он испытывает чувство страха, а бывает и помечтает мимолетно о том, как хорошо бы после не очень тяжелого ранения передохнуть в госпитале. У Синцова бывают и минуты отчаяния, когда под влиянием бесконечных мытарств после утери документов он приходит к мысли, что «бумага дороже человека». Но усилием воли он подавляет в себе приступы слабости, и если раньше он мечтал о встрече с генералом Серпилиным, который смог бы подтвердить правдивость его слов, то в финале романа он приходит к другой — «трудной, но гордой мысли». Духовно закаленный в тяжких испытаниях, он приходит к мысли, «что все в его судьбе должно быть правильно решено и без этой встречи». Должны поверить «ему самому, красноармейцу, а теперь старшему сержанту Синцову, вместе со многими тысячами таких же, как он, не отдавшему немцам Москвы, а теперь гнавшему их обратно».

Очень важную роль в жизни Синцова сыграл партийный работник Малинин. За хмурой повадкой и как будто недОВОЛЬНОЙ грубоватой речью этого усталого, властного, «угрюмо-красивого» человека скрывается не только суровая требовательность к людям, но и подлинная человечность, хотя «чем больше души вкладывал он в какие-нибудь слова, тем угрюмее и неприветливее говорил их».

Не боясь ответственности, Малинин взял Синцова, человека без документов, в коммунистический батальон. Восстановление Синцова стало для Малинина личным делом и он борется за него «с той мерой прямоты и резкости, на которую он был способен, когда верил в свою правоту».

Среди образов кадровых офицеров особенно запоминаются командир дивизии Серпилин, полковник Климович и генерал-лейтенант Козырев.

Комдив Серпилин — человек большой внутренней силы, честный и принципиальный. Он обладает особым даром воспитывать людей.

Серпилин выводит из окружения остатки своей дивизии, выводит как воинскую часть — «в форме, с оружием в руках, со знаменем», и мы видим, что с этим человеком «армия всегда будет армией, даже если она отступала от границы до Ельни».

«Армия всегда будет армией» и с такими командирами, как полковник Климович. Всегда собранный и подтянутый, он, даже идя 12 суток из окружения, выбрит, застегнут на все пуговицы, потому что «привычка выглядеть так, а не иначе, была в нем сильнее всех обстоятельств». «Твердый голос»

и «запертое на замок лицо» Климовича не выдаёт его душевных страданий. Он не думает о себе, не думает о том, как будет жить после войны и «кроме войны» после гибели семьи в «душе его не оставалось ничего и никого». По отношению к нему Симонов часто употребляет эпитет «железный». И в то же время он подчеркивает внутреннюю теплоту и человечность Климовича. Сам глубоко болея за свою танковую бригаду, Климович умеет понимать и ценить это чувство в других.

Очень важен для раскрытия проблематики романа образ генерал-лейтенанта Козырева. Еще по роману «Товарищ по оружию» мы помним, что самолюбивое упрямство было постоянной чертой Козырева, избалованного любовью и попустительством товарищей, привыкших свое восхищение им как летчиком переносить на все его поступки.

Козырев действительно первоклассный, блестящий летчик, покоряющий всех своим бесстрашием. К тому же он и хороший товарищ. Но при всем том излишняя легкость и какая-то бесшабашность мешают ему быть хорошим командиром. При поверхностном подходе Козырев мог даже показаться «добрым», а его друг Полынов — «злым» командиром. Но в действительности строгость и непримиримость Полынова содержали в себе больше человечности и любви к людям, чем бесшабашное добродушие Козырева. Так, Полынов не простит нарушения приказа о рассредоточении самолетов на аэродроме, а Козырев простит, хотя это и может стоить жизни многим. В романе «Живые и мертвые» Козырев — генерал-лейтенант, командующий истребительной авиацией целого округа. И расплата за беспечность наступила с первых же дней войны. Уже полумертвый, изломанный, лежа на земле, Козырев вспоминает о том, «с какой беспечностью относился к тому, что вот-вот начнется война, и как плохо командовал, когда она началась. Он вспоминал свои аэродромы, где половина самолетов оказалась не в боевой готовности, свои сожженные на земле машины, своих летчиков, отчаянно взлетавших под бомбами и гибнувших, не успев набрать высоту. Он вспоминал свои собственные противоречивые приказания, которые он, подавленный и оглушенный, отдавал в первые дни, мечаясь на истребителе, каждый час рискуя собственной жизнью и все-таки почти ничего не успевая спасти...»

Велика невольная вина Козырева, но трудно и обвинить его. Только перед лицом смерти понял он, что «не умел командовать ни чем, кроме самого себя и своей эскадрильи, и стал генералом, в сущности, оставаясь старшим лейтенантом». Человек безупречной храбрости, изумительный летчик, он не имел данных, нужных генералу. Но в этом

была не его вина, в этом была его драма, произошедшая, как подчеркивает автор, не только с ним одним.

Против ожидания, очень мало внимания уделено капитану Артемьеву, главному герою романа «Товарищи по оружию». Артемьев два раза упоминается в ходе повествования и лишь в конце романа мы встречаемся с ним в беглом эпизоде. Но, только обрadowавшись встрече с полюбившимся героем, мы тут же расстаемся с ним, так ничего и не узнав, кроме того, что он стал майором и командиром полка, что в данный момент у него ангина и что, несмотря на это, он по-прежнему «само воплощенное здоровье». Это, конечно, обидно мало, даже если верить, что мы еще встретимся с ним.

В романе «Живые и мертвые» обширная галерея персонажей. Они проходят непрерывным потоком, и все время одни «исчезают», другие «приходят», так как «иначе, — говорит автор, — и не может быть на передовой». Синцов, глядя во время отдыха на людей своего отделения, грустно размышляет о том, сколько «скоротечных встреч, неразлучных товариществ и бесповоротных разлук» было у него со столькими людьми. Эта текучесть в изображении персонажей, в равной степени относящаяся и к офицерам, и к солдатам, не случайна.

Это обдуманый прием, ощутимо передающий общую атмосферу передовых позиций, где «людей убивают и ранят, они возвращаются из госпиталей... дерутся, снова идут в тыл... расстаются, иногда дают друг другу адреса, чаще не дают...» В этом потоке людей и командиры, и солдаты иногда фигурируют без фамилий, мимоходом. Вспомним «снятого с поста красноармейца» с его непоколебимым чувством долга, насмешливо-спокойного полковника-артиллериста и др. Рельефно, выразительно даны в романе массовые эпизоды и отдельные эпизодические персонажи, которые в целом и составляют лицо советского народа. Мы видим, как страшные испытания, связанные с войной, раскрывают подлинное душевное величие советских людей, многие из которых в мирную пору были обыкновенными советскими труженниками, такими, как маленькая самоотверженная докторша или всю жизнь просидевший за рулем красноармеец Золотарев. Но эти же испытания срывают маску и с таких преуспевавших в мирное время трусов и карьеристов, как полковник Баранов.

В финале романа, добившись решающего успеха под Москвой, Советская Армия развивает наступление на Запад. И по одной из дорог этого наступления идет впереди и Синцов со своим батальоном. «Вдали, в снегах, там, куда они теперь спешили, все выше поднимался дым горевшей деревни». И глядя на этот далекий дым, старший

сержант Синцов, еще не знающий, что с него снято уже «последнее пятно подозрения в том, что никогда не лежало на его совести», старается «заставить себя свикнуться с трудной мыслью, что как бы много всего уже ни оставалось у них за плечами, впереди была еще целая война».

Таким образом, в финале романа основной сюжетный узел развязан, но развязан он в историческом масштабе, а конкретные судьбы героев остаются подчеркнuto незавершенными. Это, видимо, говорит о том, что, как и «Товарищи по оружию», «Живые и мертвые» — лишь часть задуманной писателем эпопеи о Великой Отечественной войне.

В «Живых и мертвых» чувствуется перо мастера-драматурга. Широко используя изобразительные средства драматургической выразительности, Симонов обращает большое внимание на мимику, жесты, интонации героев. В драматургически напряженных диалогах романа особая роль отводится взгляду, выражению глаз, которые как бы дополняют речь героя, усиливая ее эмоциональную выразительность. В ответ на предложение Малинина подать заявление о восстановлении в партию, Синцов говорит: «Я напишу, если вы считаете, что не рано, товарищ старший политрук...» — и взглянув в глаза Малиннику: «Может, ты рано заговорил об этом? Тогда зачем заговорил, не подумав? А если не рано, тогда поддерживай меня до конца».

Иногда одним жестом героя автор показывает всю глубину его страданий. Так, Синцов, с «тулой старой болью» вспомнив Гродно и все, что было связано с этим, сам не заметив, «замотал головой, как лошадь, которую жалят слепни».

О переживаниях Климовича, потерявшего семью, говорит не содержание ответа, а сам тон его: «Нет у меня семьи», — ответил он на вопрос Синцова «быстрым и странным, каменным голосом».

В романе «Живые и мертвые» в речи Симонова появляются новые ноты. Он, автор, знает то, что еще неизвестно его герою, и поэтому так часто слышен в романе рефрен: «они не знали», они «не понимали», «они еще не могли представить себе».

Ярче, чем в предыдущих романах дана речевая характеристика героев, многих эпизодических персонажей.

Авторская речь становится в «Живых и мертвых» более эмоциональной и выразительной. Высокий пафос счастья сочетается здесь с предельной простотой. Вот перед нами сцена бомбежки Оршанского узла.

«Паровозы ревели, присоединяясь друг к другу, выпуская тучи белого па-

ра; рев их был испуганный и чудовищно тоскливый. Он был гораздо страшнее, чем грохот бомбежки, к которому Синцов уже привык за эти дни; казалось, паровозы во весь голос жалуются неизвестно кому: небу или людям, — жалуются и просят помочь, а небо все сыплет и сыплет сверху на черную землю бомбы...»

Более живыми, образными, а иногда и драматичными, становятся сравнения и эпитеты Симонова. Например: дымовые столбы горящих деревьев «воздеят к небу, как черные руки горя», «израненная и одеревеневшая от ран память» Синцова.

Уделяя большое внимание душевному состоянию героев, Симонов раскрывает его подчеркнуто лаконично, особенно оттеняя тем самым драматическую остроту переживания. Молодая женщина-врач участливо спрашивает Климовича: «— А семья ваша где, товарищ полковник, далеко?»

— Далеко, — сказал Климович, вздрогнув от неожиданности и первым попавшимся словом защитившись от этого непрошеного вторжения в свою незажившую душу.

Иногда самим построением фразы передается внутреннее состояние героя. Так, описывая беспоконность Синцова по поводу непонятой пустынности шоссе, Симонов говорит: «Но вот они проехали уже полдороги, потом еще десять километров и еще десять, а шоссе по-прежнему было пустынно».

Уже самым постепенным нарастанием пройденных километров передается здесь нарастание внутренней тревоги Синцова.

В то же время автору следовало бы «оживить» или до минимума сократить ту часть повествования, в которой преобладает сухой протоколизм: «Наблюдательный пункт помещался на опушке леса. Днем отсюда был хорошо виден полого спускавшийся к ручью некошенный луг и такой же луг, так же полого поднимавшийся к лесу уже на той, немецкой стороне. На нем рядом стояли два горелых танка: наш «БТ-7» и немецкий «Т-4».

...Пулеметная и винтовочная стрель-

ба теперь была уже не в полтора километрах за передним краем немцев, как доносил командир разведбата полчаса назад, а совсем близко. Отсюда до немецкой передовой было четыреста метров, а стрельба шла примерно в пятистах метрах позади нее, там, где, по данным разведки, проходила вторая линия немецких окопов».

Страницы, подобные этой, создают впечатление растянутости, однообразия и утомляют многословностью.

Много внимания уделяет Симонов портрету, набрасывая его широкими мазками и подчеркивая в нем внутреннюю сущность образа. Однако портретная характеристика главного героя Синцова бледна. В памяти остается главным образом его высокий рост, общий внешний облик ускользает.

По сравнению с романами «Дни и ночи» и «Товарищи по оружию» в «Живых и мертвых» несколько снижается роль пейзажа. Но в целом и сравнительно редкие пейзажные зарисовки являются в произведении активным началом, подчеркивая его идейную направленность. Так, «солнечный зимний день», «на редкость синее небо», близина снега и вся залитая солнцем сосновая аллея и т. п. картины заставляют острее чувствовать всю дикость и бесчеловечность войны.

Роман «Живые и мертвые» — это новая ступень в развитии мастерства Симонова-прозаика. Здесь особенно ярко проявились свойственные ему сдержанная эмоциональность, образность, высокий пафос, соединенные с художественной простотой и лаконичностью.

Роман Симонова подлинно партийный и политически значителен. Он правдиво показывает беспредельный героизм советских людей, он захватывает и глубоко волнует своим патриотизмом и ненавистью к черным силам войны.

Глубоко закономерно, что в числе лучших произведений советской литературы последних лет роман Константина Симонова «Живые и мертвые» выдвинут на соискание Ленинской премии.

Э. Раскина

ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩАЯ ЛИРИКА

Х. Мальтинский — автор четырнадцати книг, написанных по-еврейски. Недавно вышла книга его стихов на русском языке — «Упорство».¹

В стихотворении «Писал, друзья, я с правой стороны» Мальтинский по-своему говорит об интернационализме советской поэзии, о ее глубоких и прочных народных корнях.

Мальтинский не браврирует оптимистическим мироощущением, в его стихах встречаются и грустные мотивы — человеческая жизнь складывается из противоречивых настроений, желаний, восприятий.

Отсюда, вероятно, и виновские нотки.

Я сер и светел, беден и богат.
Меняюсь я мгновенно, как изюм.

Но человеческое упорство преодолевает любые преграды, любую боль, любые невзгоды. Эта мысль проходит через весь сборник, присутствует в большинстве стихотворений.

Испытал я тяжкие минуты...
Головы не гнул перед бедой.
Послав лопот свой солью круто,
Заплав водой.

В этом четверостишье выражена основная тема сборника — тема человеческой стойкости.

В маленькой книжке стихов Мальтинского привлекает «тютчевское» восприятие природы. В отличие от псевдофилософской, так называемой чисто описательной лирики, стихи Мальтинского — это стихи, в которых постоянно присутствует человек — создатель, человек, испытывающий свое творчество природой:

Все, что пишу я в комнате своей,
Люблю сверять на вольном я просторе.
Под солнцем, средь людей
Все видится ясней.

Как правда в чистом детском взоре.

Мальтинский отлично понимает, что природа вне человека и вне человеческого восприятия вряд ли может быть предметом поэзии.

Показательно в этом отношении стихотворение, открывающее сборник:

Тяжелеют винограда кисти,
Но с терпением, с силой стебелька
Не сравнится ни одна рука.
И не ищет стебелек корысти, —
Днем и ночью держит нежный груз,
Каждой жилкой жаждет — пусть
краснеет,
Пусть под жгучими лучами зреет

Вет прочнее в мире этих уз.
Виснут кисти, в них густеет сок.
Их все крепче держит стебелек.

Совершенно ясно, что в этом небольшом стихотворении речь идет не только о винограде и стебельке, а также (и в гораздо большей степени) об узах трудового содружества людей.

В стихах, посвященных природе, у Мальтинского видны характерные черты Узбекистана (причем достигается это злоупотреблением экзотической лексики), передаются вызванные ими настроения.

Вот описание тутовое дерева (стихотворение «Тутовник»):

Бугристый, безобразный ствол,
С якорными и жипистыми ушками, —
Как будто из земли взмошел
Он звери зарюбки.

Есть выражение «ходить вверх ногами», которое обозначает необычность, несуразность того или иного поступка. Тутовник, выходящий «вверх корнями» с «безобразным стволом» явно мало пригоден для одушевления и поэтизации. Однако гуманистическая трактовка этого образа, мысль о том, что «тонкий шелк — тутовника листва» нужен людям, наполняет стихотворение глубоким содержанием.

В цикле стихотворений, посвященных войне, «С родным прославленным полком» поэту не всегда удается избежать декларативности, излишнего философствования, общих мыслей. Мысль, даже самая верная, но не переданная в образной форме, вряд ли может создать поэтическое мироощущение. Примером подобных неудач может служить следующее небольшое стихотворение.

В начале войны в белорусских лесах
Сказал мне бывалый солдат:
«Ты зелен, к тому ж слеповат.
Старайся-ка быть у людей на глазах.
Отстанешь на шаг — пропадешь».
Запомнились эти слова навсегда.
И где бы я ни был, с тех пор никогда
Меня от людей уже не оторвешь.

Последняя строчка этого стихотворения выбивается из общего ритма, но дело не только в формальной стороне. В этом стихотворении в сущности та же мысль, что и в уже цитированном стихотворении «Тяжелеют винограда кисти». Но если стихотворение «Тяжелеют винограда кисти» заставляет задуматься о человеческой солидарности, то в стихотворении «В начале войны» присутствует только голая, лишенная образа

¹ Х. Мальтинский. Упорство. Госиздат УзССР, Ташкент, 1960.

мысль. Та же мысль и в стихотворении «Я помню бомбежку в кадмыцких степях» — но здесь видишь и табун коней под бомбежкой, и бойцов, которые пытаются их спасти.

Стих Мальтинского не бросается в глаза внешними, формальными ухищрениями — изысканной рифмой, необычными ритмами; однако этот стих глубоко индивидуален, зачастую в нем присутствуют очень интересные внутренние аллитерации.

Стих строго организован, внутренне сдержан, хотя иногда, на первый взгляд, выглядит неряшливым.

Разумеется, стихи, вошедшие в сборник, далеко не равноценны, попадаются стихи чисто описательные, не несущие поэтической нагрузки («Горлинки», «Пусть дворик совсем невелик» и т. п.), есть дидактические рассуждения.

Не обошлось и без нарушения норм русского языка — эти нарушения можно извинить автору, выпускающему первую книгу на русском языке, но вряд ли можно извинить редактору.

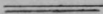
Здесь и неудачное употребление слова «вихрь» — «вихорь» («Весна», «Птичий гомон и зов»), здесь и инверсии: «Вот доберусь до вашей я хозяйки» («Читая Тютчева»). «Изынами стою я окружен» («Сомнения покоя не дают»).

Есть и неоправданные искажения ритма вроде:

С упорством трудиться
Начну я сначала,
За каждую строчкой
Чтоб жизнь стояла.

Однако ни указанные огрехи, ни неравноценность включенных в сборник стихотворений не могут ослабить того интереса, с каким читаются очень человеческие, очень своеобразные, непосредственные, проникнутые глубокими раздумьями лучшие стихи Мальтинского, за которыми чувствуется большой жизненный опыт и культура.

Л. Пащенко

ОХНА—АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В НАТУРЕ

«В конце ложины должно было находиться селение Обихана, или, по искаженному произношению живущих там киргизов, Охна».

А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан.

Впервые название киргизского селения Охна упоминается в литературе Александром Павловичем Федченко, первоисследователем Ферганы. В этом селении путешественник провел ночь на пути из Хайдеркана в Шахимардан.

«Ночлег наш был на самом берегу реки, текущей из Шахимардана... Вода этой реки поразила меня своим цветом: она была молочно-белая, точно в ней была разболтана известь. Всю узкую долину занимали разбросанные сады».

Но А. П. Федченко и не подозревал, что буквально рядом с тем садом, где он провел ночь, лет через 80—90 после его путешествия будут обнаружены интереснейшие следы древней, очень древней жизни в Южной ФергANE и что Охна займет видное место в истории археологических открытий. Ныне Охна сделалась подлинным архе-

логическим музеем в натуре.

Для Южной Ферганы характерны широтные впадины, которые отделяют высокогорную гряду Алайского хребта от его предгорий. Эти широтные впадины, богатые родниковыми водами, были некогда покрыты арчевыми зарослями и сочными травами. Немало диких зверей водилось здесь. Естественно, что эти впадины привлекали первобытных охотников.

Учитывая благоприятные природные условия Ферганской котловины, знаток древней Ферганы А. Н. Бернштам убежденно говорил, что «первоначальные истоки человеческой жизни в Фергане будут скоро открыты». Лет 10 тому назад он указал на межгорную впадину Охны, как на одну из таких территорий, где будут обнаружены следы древнейшей жизни людей.

Покойный археолог отчетливо представлял, как

в этой впадине, огражденной с севера предгорной грядой Катрантау, в зеленых арчевых лесах, на травянистых лужайках, на водопое у выхода родников первобытные охотники подстерегали диких козлов, кекликов и другую дичь. И здесь же, в пределах впадины, на склонах Катрантау, на тех местах, где сквозь известняки проступают изверженные породы, первобытные люди добывали и подделочный материал, необходимый им для изготовления каменных орудий.

Припоминаются слова А. Н. Бернштама, говорившего, что «каменный век в Фергане только потому неизвестен, что следов палеолита еще никто не искал». И вот, через два-три года эти слова А. Н. Бернштама оправдались. Краевед П. Т. Конопля, слесарь по профессии, в 1953 году нашел в центре селения Охна первый мустьерский нуклеус. С этой находкой

краевед в апреле 1954 года отправился в Москву на археологическую конференцию.

Находка археолога-любителя привлекла внимание крупнейших специалистов. В 1954 году в Охну приехал проф. А. П. Окладников. Он подтвердил наличие следов палеолитической стоянки в Охне и заявил, что «палеолит в Южной Ферганае открыт и открыт он археологом-любителем Павлом Трофимовичем Коноплей». С тех пор Охна вошла в историю археологической науки наравне с Ходжикентом, Аманкутаном и Тешикташем.

Итак, «открытие» музея началось открытием палеолита.

В памяти тех, кому довелось побывать в районе Охны, наверное, сохраняются два характерных конусовидных останца. Интересен первый из них. Вокруг этой горы-останца и по ее склону, вплоть до самой вершины, земля таит следы обитания здесь людей в течение многих тысячелетий.

Как было уже сказано, следы палеолитических стоянок были обнаружены у самой подошвы останца, сюда-то и привел П. Т. Конопля ленинградских археологов. Здесь, убедившись в реальности существования палеолитических стоянок в Охне, профессор Окладников сделал свое ответственное заявление.

После отъезда А. П. Окладникова археолог-любитель продолжал с новой энергией свои поиски. По найденным им орудиям археологи определили время жизни на охинских стоянках: здесь жили неандертальцы пятьдесят тысяч лет тому назад.

Мне кажется весьма интересным отметить, что вблизи стоянок, к северу и к востоку от них, П. Т. Конопля обнаружил следы культа «небесных вод»: на поверхности скал он обнаружил тщательно высверленные в камне углубления напо-

добие небольших ступок.

Продолжая свои обычные поиски к востоку от останца, у самой его подошвы, П. Т. Конопля обнаружил и древние наскальные изображения животных. Рядом, в расщелине скалы, пытливым глаз краеведа заметил кости животных. Кости эти сильно окальцированы, что, несомненно, говорит о древности их «захоронения». Костей в расщелине оказалось так много, что случайно — водой, например, — они туда занесены быть не могли. Каким-то люди складывали их намеренно. «Очевидно, здесь приносились жертвы, — высказал предположение Конопля, — мясо подалось жертвотателями, а кости складывались под священной скалой». Догадку краеведа нельзя не считать остроумной.

Возвращаясь десятки раз к Охинскому останцу, Павел Трофимович заметил, что сходное (по технике и по времени изготовления) наскальное изображение имеется и на правом берегу Шахимарданса, недалеко от большого камня Кокташ, покрытого многочисленными наскальными рисунками разных времен. На камне оказалось весьма интересное древнее изображение охоты первобытных людей на диких козлов способом «загона».

Поблизости П. Т. Конопля нашел место, где древние люди изготавливали свои орудия. На этот раз материалом служили им кремнистые желваки. Изготавливались орудия путем простого раскалывания желваков и грубой их обработки. В одном из правобережных ущелий Охинской долины найдены целые россыпи кремня.

В мае 1958 года в «Ферганской правде» А. П. Окладниковым была помещена статья «В глубине тысячелетий». В этой статье один из крупнейших советских специалистов по палеолиту рассказал о замечательном

открытии П. Т. Конопля, обнаружившего целую мастерскую каменных орудий в Капчигае. Это открытие является своего рода событием в археологии, ибо мастерская в Капчигае является первой и притом единственной мастерской каменных орудий на территории СССР.

Дальнейшие поиски привели неугомонного разведчика в 1960 году к новому примечательному открытию: в правобережном ущелье Джошосая, выходящем в долину Охны, он нашел новые каменоломни неандертальцев.

Когда мы отправились в это ущелье вместе с П. Т. Коноплей, нас поразили целые «потоки» кремнистых обломков, которые служили неандертальцам отличным материалом для изготовления кремневых орудий. В «потоках» кремнистой породы Джошосая П. Т. Конопля собрал немалое количество отщепов, нуклеусов и орудий, забракованных древними мастерами. Сделанные удачно уносились с собою неандертальцами. В верхней части Джошосая П. Т. Конопля обнаружил и место стоянки тех древних охотников, которые когда-то открыли и «эксплуатировали» «россыпи» материала, заменявшего древнему человеку металл. Пристальное изучение Охинской межгорной долины дало возможность П. Т. Конопле установить, что жизнь людей в Охне не прекращалась и в новом каменном веке — в неолите.

На юго-восточной окраине Охны П. Т. Конопля удалось собрать несколько каменных орудий, среди которых были и массивные скребла, и грубые каменные топоры. Эти орудия относятся уже к неолиту, а может быть, и к эпохе, переходной от камня к бронзе. А. П. Окладников предложил назвать эту культуру «гиссарской» — по первым находкам в Средней Азии.

Все сказанное убеждает нас в том, что, благодаря систематическим поискам краеведа-археолога, мы имеем возможность проследить ряд этапов развития человеческой культуры в Ферганской котловине на памятниках Охны — от эпохи раннего мустье до неолита.

Нельзя не рассказать и о наскальных изображениях, открытых в Охне все тем же П. Т. Коноплей. Путем внимательно изучения этих рисунков, выбитых на камне, мы имели возможность выяснить немало ценных подробностей о жизни древних людей в Охне. Мне вспоминается такая «картина», выбитая на камне доисторическим «рисовальщиком»: хищный зверь (возможно, снежный барс) напал на горного козла, сбил его с ног и готов уже растерзать свою добычу. Но дикий человек схватил огромную дубину, бросился к зверю, чтобы отбить пойманного козла. Рисунки на скалах Охны могут составить целый «альбом», которому нетрудно придумать и заглавие: «Труд и быт доисторических людей в Охне». В этот своеобразный альбом войдут не только страницы из жизни первобытных охотников эпохи камня, но и страницы жизни людей в эпоху бронзы.

Но не только наскальные изображения убеждают нас в том, что в Охнинской долине жизнь людей продолжалась и в ту эпоху, когда на смену орудиям из камня пришли изделия из бронзы.

На северо-западном склоне все той же конусообразной горы-останца в Охне зоркий глаз краеведа различил следы жилищ-землянок и полуземлянок людей бронзового века. По склону горы разбросано несколько десятков выровненных площадок, укрепленных каменными выкладами. Без особого труда мы можем вообразить себе этот поселок, расположенный выше того, где обитали люди палеолита. Археологический материал, в основном фрагменты керамики, собранной П. Т. Коноплей на указанных площадках, позволяет ученым установить время, когда эти примитивные жилища были обитаемыми. Пытливым следопытом найдены здесь черепки — обломки сосудов грубой ручной лепки, ладьевидные зернотерки, песты и весьма характерные для века бронзы «куранты» — прочные камни округлой формы, служившие для растирания зерен. Подобный ассортимент «вещей» указывает, что и 3000, и 2000 лет тому назад, в эпоху бронзы, в долине Охны жили люди, зани-

мавшиеся уже не только охотой, но и примитивным земледелием.

Мы идем все выше по склону горы, и все круче становится подъем. На вершине горы — остатки принесенной снизу глины. Это явно культурный слой. На вершине Охнинского останца, уже в более позднее время, в эпоху раннего железа, находился замок какого-то владетеля Охны. Его жилище — настоящее горное гнездо. Оно располагалось на самой вершине, а подступы к вершине защищались стенами и башнями: следы трех башен отчетливо видны при подъеме. Стены и башни располагались выше «яруса землянок». Нам хотелось бы обратить внимание на особенно хорошо сохранившийся фрагмент башни на восточной стороне останца, которая обращена к долине Шахимарданская.

Такова Охна.

Это ли не подлинный «археологический музей в натуре»?

Многое уже найдено. Но в нас живет уверенность, что дальнейшие поиски — разведка и раскопки — дадут еще более богатый материал и Охна прочно войдет как один из важнейших объектов в историю археологии Средней Азии.

Профессор Н. ЛЕОНОВ.

ЖЕНЩИНЫ-ДЕМОКРАТКИ И ПРОСВЕТИТЕЛЬНИЦЫ В СТАРОМ ТАШКЕНТЕ

В укреплении братской дружбы между народами Средней Азии и России после присоединения значительную роль играли женщины.

В. И. Ленин был глубоко убежден в том, что пролетариат не может добиться полной свободы, не завоевав полной свободы для женщин. «Из опыта всех освободительных движений замечено, — писал В. И. Ленин, — что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины»¹.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в общественной жизни Туркестана второй половины XIX в. видное место занимают передовые русские женщины, оказавшие большое и благотворное влияние на развитие женского движения, приобщение его к политической деятельности и впоследствии к активному участию женщин в борьбе за победу революции в Туркестане, за укрепление Советской власти.

Никогда не забудутся имена русских женщин — честных, смелых, самоотверженных, верных и искренних в борьбе и дружбе, тех, кто нес новые, светлые мысли и надежды, будил волю к борьбе против извечного мрака и чкари.

В шестидесятых годах прошлого века в Ташкент прибыла Екатерина Львовна Иванова. Она поступила так, как поступили некогда жены декабристов. Молодой девушкой Екатерина Львовна добровольно последовала в туркестанскую ссылку за своим братом — Дмитрием Львовичем Ивановым, студентом горного института, сосланным царским правительством в солдаты за участие в революционных организациях.

В Ташкенте Екатерина Львовна вышла замуж за Петра Ивановича Хому-

това, оказавшегося в Туркестане по тем же причинам, что и Д. Л. Иванов.

Как известно, хомутовский кружок в Ташкенте сыграл выдающуюся культурно-просветительную и общественную роль, и активным членом этого кружка, в известной степени его душой, становится Екатерина Львовна — «Хомутиха», — резкая и прямая по отношению ко всем несправедливостям, которыми была полна жизнь колоннального Туркестана, предупредительная и внимательная к тем, кто был честен и благороден в своих поступках. Она была большой поклонницей Н. Г. Чернышевского, взгляды и идеи которого в кружке глубоко почитались и пропагандировались.

Несомненно благотворное влияние на мировоззрение Екатерины Львовны оказал выдающийся революционер Герман Лопатин, входивший в кружок во время своей ташкентской ссылки.

В течение всей своей жизни (она умерла в Ташкенте уже после Октябрьской революции) Екатерина Львовна вела большую общественную и культурно-просветительную работу. Она — организатор и участник драматических кружков, бесценный руководитель детских приютов, работе которых она отдавалась всей душой. Хомутова была близко связана и дружна со многими женщинами из местного коренного населения.

Примерно в то же время, в 60-е годы, в Ташкент прибывают Ольга Александровна Федченко — жена и друг замечательного русского ученого А. П. Федченко и Елизавета Ивановна Опшанина — жена В. Ф. Опшанина. Обе женщины становятся членами хомутовского кружка и принимают активное участие в его культурно-просветительной деятельности.

Елизавета Ивановна много трудится на поприще народного образования,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 161.

является учительницей первой русской школы в Ташкенте.

Всеобщее уважение по отношению к супругам Ошаниным в Ташкенте вынужден был подтвердить даже городничий русской части г. Ташкента В. Крючков в своем донесении начальнику города.

Мало кому сейчас известно, что в 1873 году под негласный надзор полиции в Ташкент прибыла Анна Геннадиевна Нечаева — сестра известного революционера Нечаева. Здесь, выйдя замуж за доктора Сомова, она много лет оказывала медицинскую помощь населению.

6 сентября 1880 года, вместе с мужем А. А. Лопатиным в Ташкент под негласный надзор полиции прибыла «вдова подпоручика» Зинаида Степановна Апсеитова. З. С. Апсеитова не могла не быть связанной с деятельностью хомутковского кружка. К сожалению, пока добыты лишь весьма скудные сведения о ее жизни и деятельности. Известно только, что ее имя упоминается в литературе в связи с попыткой освобождения Н. Г. Чернышевского из виллойской ссылки.¹

К концу XIX века и в начале нашего столетия число женщин-просветитель, общественниц в Ташкенте значительно увеличивается.

Изучение жизни и деятельности таких женщин, как М. Наливкина, врач Асфендиярова, врач Шишова, Александра Умидова, Худаш, А. Я. Снегова, М. Н. Филиппова и уже упоминавшаяся нами З. С. Апсеитова, открывает многие страницы, полные самоотверженного и честного труда на пользу народа, являет примеры безграничной преданности делу просвещения народа.

Насколько содержательна и интересна была жизнь и деятельность этих передовых женщин, можно видеть хотя бы на примере М. Наливкиной. Она в Туркестане повторила опыт народников «по хождению в народ». Несколько лет вместе с мужем В. Наливкиным она вела трудовую жизнь, ничем не отличающуюся от жизни дехканки, обрабатывая клочок земли близ кишлака Нанай в Ферганской долине. Превосходно изучив язык, историю и нравы

народа, М. Наливкина в соавторстве со своим мужем опубликовала ряд ценных этнографических работ по изучению узбекского языка, особенностей быта и жизни узбечек.

Нельзя не упомянуть еще одно имя — имя Людмилы Васильевны Фрунзе — родной сестры выдающегося деятеля большевистской партии М. В. Фрунзе.

Ее врачевная и общественная деятельность в Туркестане еще ждут исследования, но нам посчастливилось обнаружить в архиве не известный до сего времени документ, дающий пример замечательной любви и дружбы, которая связывала брата и сестру.

Когда в январе 1909 года М. В. Фрунзе был приговорен царским судом к смертной казни за свою революционную деятельность, Людмила Васильевна принимала все возможные меры, чтобы помочь брату. Будучи студенткой женских курсов, Людмила Васильевна обратилась с заявлением в правление Туркестанского землячества в Петербурге.

Вот текст этого заявления:

«Прилагаю при сем телеграмму из Москвы, сообщающую о смертном приговоре над братом моим Михаилом Фрунзе, обращаюсь к вам с усиленной просьбой помочь мне в свидании с братом и принести ему посильную помощь своим присутствием в г. Владимире, в тюрьме которого он находится.

В настоящее время мне больше чем когда-либо нужны деньги в сумме 150 рублей. Надеюсь, что правление поймет безвыходное положение, в котором нахожусь я и мой брат, и окажет помощь, хотя бы не в полном размере».¹

Помощь землячеством была оказана, и Людмила Васильевна поддержала своего брата в самую тяжелую минуту его жизни.

Вот короткие, но важные данные, лишний раз доказывающие, насколько необходимо поднять в наших архивах почти нетронутые еще материалы, воспользоваться ценными воспоминаниями еще живущих современников, чтобы написать столь необходимую историю женского движения в Узбекистане, историю правдивую и поучительную.

М. АЮБДЖАНОВА.

¹ Журнал «Былое», 1906 г., № 10. Статья М. Александрова «Арест И. А. Мышкина», стр. 250—260.

¹ ЦГА УзССР, фонд 8, опись 1, дело 9, л. 20.

